Эр1
854
Розенберг В.
Из истории
русской печати.

ВЛАДИМІРЪ РОЗЕНБЕРГЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ПЕЧАТИ

ПРАГА

233
М. Э. В.
Эр I — 854
Б 66

ВЛАДИМІРЪ РОЗЕНБЕРГЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ПЕЧАТИ

Организація общественнаго мнѣнія въ Россіи и независимая безпартійная газета „Русскія Вѣдомости“

(1863—1918 г.г.)

БИБЛИОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
„ЗЕМГОРА“
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
В ЮГО-СЛАВІИ
Београд Теразије 7
ПЛАМЯ

ПРАГА
1924

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
29758 19
сф46700

Издательство
«П Л А М Я»
ВЪ ПРАГѢ
подъ общимъ
руководствомъ
профессора
Е. А. ЛЯЦКАГО

Печатано въ типографіи
«ЛЕГІОГРАФІЯ»
Praha-Vršovice, Sámova 665

СТАРЫЙ ДОМЪ

(вмѣсто предисловія)

Въ центрѣ Москвы, въ одномъ изъ узкихъ переулковъ между Никитской и Тверской стоитъ и теперь, несмотря на всѣ бури и ураганы, пронесшіеся надъ древней нашей столицей, длинный, двухъэтажный каменный домъ съ двумя подъѣздами на улицу и съ рядомъ широкихъ оконъ между ними и надъ ними. Эти окна глядятъ на высокій шпиль англиканской церкви, широкій дворъ которой выходитъ на противоположную сторону переулка. По разноцвѣтнымъ пятнамъ облупившейся штукатурки дома прохожій безошибочно заключаетъ, что это безхитростное, громоздкое сооруженіе стоитъ здѣсь давно и на своемъ долгомъ вѣку красилось и перекрашивалось весьма усердно, но сохранило свой общій обликъ въ неприкосновенности съ незапамятныхъ временъ. И дѣйствительно, подобно англиканскоій церкви и своему ближайшему сосѣду, большому барскому особняку, когда-то принадлежавшему поэту Вяземскому и нерѣдко видавшему въ своихъ стѣнахъ Пушкина, старый низенькій домъ оберегъ свою наружность отъ посягательства на нее всеизмѣняющаго времени. Его сосѣдъ, домъ Вяземскаго, только нѣсколько поднялся кверху:

накинули на него третій этажъ, оставивъ все остальное по-старому. Англиканская церковь отдѣлалась тѣмъ, что въ переднемъ углу ея просторной усадьбы выросъ маленькій домикъ пастора въ стилѣ англійскихъ котеджей. Старому дому vis-a-vis церкви только въ самые послѣдніе годы пришлось претерпѣть небольшую перемѣну въ своемъ фасадѣ: надъ воротами между двумя ящикоподобными корпусами, главнымъ домомъ и большимъ флигелемъ, протянулась каменная надстройка, служащая крытымъ переходнымъ мосткомъ изъ одного зданія въ другое. Но эта пристройка почти не измѣнила внѣшній видъ дома, и случайно сохранившійся рисунокъ, на которомъ изображенъ фасадъ дома, какимъ онъ былъ въ началѣ сороковыхъ годовъ, съ поразительной точностью воспроизводитъ всѣ характерныя черты его нынѣшней наружности.

Но внутри дома, за этотъ долгій періодъ, произошли большія перемѣны. Во дворѣ со всѣхъ сторонъ онъ обросъ новыми строеніями, болѣе высокими и обширными, чѣмъ онъ самъ. Да и среди стѣнъ стараго дома стало все по-новому, по-иному. Только широкая лѣстница, ведущая прямо изъ сѣней во второй этажъ, напоминаетъ о старомъ назначеніи этого зданія служить жилищемъ для богатой барской семьи. Но прошло больше трехъ десятковъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ по этимъ ступенямъ въ послѣдній разъ спустились старые обитатели дома,

и онъ получилъ новое, совсѣмъ иное назначеніе, а потому и все внутри его очень мало походитъ на семейный уютъ и домашній очагъ.

Начать съ того, что въ теченіе тридцати лѣтъ, до недавняго времени, старый домъ никогда, *буквально* никогда не зналъ, что такое сонъ. Жизнь въ домѣ за все это время не замирала ни на минуту: поздно ночью, чаще лишь на разсвѣтѣ, она затихала въ большихъ комнатахъ главнаго корпуса, выходящаго на улицу; но и послѣ того огни не гасли въ окнахъ второго этажа высокаго новаго зданія, примкнувшаго къ старому дому со двора; а подъ утро, когда наступало время погаснуть этимъ огнямъ, и даже за нѣсколько часовъ раньше этого момента, стукъ и шумъ въ нижнемъ этажѣ возвѣщали о пробужденіи рабочей жизни въ этой части дома. Немного спустя зажигались огни въ третьемъ этажѣ, чтобы не погаснуть до восхода солнца. И даже черезъ часъ или два послѣ того, какъ снова на цѣлый день до поздней ночи отопрется дверь «параднаго» подъѣзда въ главномъ зданіи, и возобновится жизнь въ его большихъ комнатахъ, можно еще слышать стукъ и шумъ изъ перваго этажа во дворѣ, можно наблюдать оживленное движеніе въ третьемъ этажѣ. Словомъ, дневной урокъ своей работы старый домъ никакъ не могъ уложить даже въ рамки цѣлыхъ сутокъ, и въ то время, какъ одна часть его заканчивала трудъ *нынѣшняго* дня, дру-

гая была уже поглощена мыслью о *завтрашнемъ* днѣ.

Да, тридцать лѣтъ слишкомъ не спалъ старый домъ... Теперь онъ погрузился въ тихую дрему. Быть можетъ, иногда откуда-нибудь, всего вѣроятнѣе, изъ первыхъ двухъ этажей надворнаго зданія и несется прежній стукъ и шумъ, свидѣтельствующій о томъ, что рабочая жизнь въ домѣ не совсѣмъ еще прекратилась. Но прежней, хорошо налаженной работы, заполняющей весь день, направленной къ одной цѣли, вращающейся около одной общей оси, и въ поминѣ нѣтъ. Прошло пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она стала, а вмѣстѣ съ ней остановилось и дѣло, которое безчисленными нитями духовнаго общенія связывало старый домъ въ узенькомъ переулкѣ старой Москвы со всей необъятной Россіей и заставляло милліоны сердецъ жить одной жизнью и думать одну думу вмѣстѣ со старымъ домомъ и его обитателями, постоянными и случайными, многолѣтними и мимолетными. А среди нихъ встрѣчались люди исключительной духовной мощи, и мысли, съ которыми они приходили въ старый домъ, порой бывали такой силы, красоты и благородства, что остановку жизни въ старомъ домѣ можно бы, на мой взглядъ, признать національной утратой замѣтной и ощутительной даже среди современныхъ нашихъ великихъ переживаній и безмѣрныхъ горестей и печалей. Больше того, среди нихъ, быть мо-

жетъ, эта утрата особенно ощутительна и больна, потому что потокъ нашихъ нынѣшнихъ горестей и бѣдъ въ старомъ домѣ замѣтили раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. А замѣтивъ, конечно, какъ и въ минуты прежнихъ народныхъ и государственныхъ тревогъ и потрясеній, стали бить въ набатъ, предупреждая о грозящей опасности.

На порогѣ 1917 года, когда наши политическія судьбы вполнѣ опредѣлились, но лишь немногіе прозрѣвали истинное значеніе совершающихся событій, изъ стараго дома, именно изъ стараго дома раздались пророческія слова.

Повторяя стихъ поэта,

...Да, пробилъ послѣдній, двѣнадцатый, часъ
Такъ звучно, такъ грозно.
Часы міровые окликнули насъ.
О, если бъ не поздно! —

старый домъ взывалъ:

«Мы не должны закрывать глазъ на то, что мы идемъ навстрѣчу великимъ опасностямъ. Мы не должны также обольщать себя мыслью, что отъ общественныхъ силъ зависитъ овладѣть ходомъ событій и дать имъ иное направленіе. Мы стоимъ передъ неизвѣстнымъ, неожиданнымъ. Вокругъ насъ сгущается мгла, въ которой невидно, что находится въ двухъ шагахъ впереди... Нужно сосредоточить

всѣ усилія на закрѣпленіи этого объединенія (широкаго объединенія самыхъ разнообразныхъ общественныхъ элементовъ). Пока передъ нами лишь единство порыва. Нужно превратить его въ единство сознательной, настойчивой и непреклонной воли... Въ единеніи — наше спасеніе. Прислушиваясь къ бою міровыхъ часовъ, мы должны въ его зовѣ, предостерегающемъ и напоминающемъ о нашей отвѣтственности передъ грядущими поколѣніями, черпать силы для преодолѣнія разлада групповыхъ интересовъ и партійныхъ предразсудковъ, для подчиненія ихъ великому общему дѣлу. Мы должны встрѣтить грядущее, какъ одинъ народъ, проникнутый единымъ сознаніемъ и единой волей. Въ этомъ — и только въ этомъ — залогъ побѣды и возрожденія»[1]).

Проповѣдь патріотическаго единенія продолжалась изо дня въ день въ это отвѣтственное время. Въ старомъ домѣ ради этой цѣли не было добровольно упущено ни одного дня, ни одного повода, ни одной возможности, и только прямое насиліе, случалось, иногда ненадолго, впрочемъ, прерывало эту проповѣдь... Наконецъ, Рубиконъ былъ перейденъ.

События немногихъ дней на рубежѣ февраля и марта семнадцатаго года потрясли всю Россію, потрясли весь міръ. Въ старый домъ, репутація котораго установилась и заграницей, чужіе обраща-

---

[1]) «Русск. Вѣд.» 1917 г. № 1 отъ 1-го янв.

лись съ вопросомъ: что у васъ произошло? Старый домъ далъ въ отвѣтъ сжатую характеристику событій, сдержанную по формѣ, исчерпывающую по содержанію. Каждое слово въ этомъ документѣ было согрѣто патріотическимъ чувствомъ, но и каждое слово взвѣшено, какъ въ дипломатической нотѣ[2]).

[2]) Редакціей «Русск. Вѣд.» 6-го марта 1917 г. была получена слѣдующая телеграмма: «Издатель «Daily Chronicle», посылая привѣтъ собрату «Русск. Вѣд.», проситъ, чтобы онѣ дали ему для опубликованія сообщеніе о великихъ событіяхъ, только что происшедшихъ и воспринятыхъ британскимъ народомъ, какъ твердая рѣшимость Россіи провести войну до конца». Отвѣтъ былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «За время войны всѣ русскіе сознали, что сохраненіе стараго порядка стало національной опасностью. Позорныя отношенія императорской фамиліи съ пресловутымъ Распутинымъ не остались тайной даже для неграмотныхъ людей по отдаленнѣйшимъ деревнямъ. Армія приписывала — и съ полнымъ правомъ — тяжелое пораженіе 1915 года крайней неспособности и двоедушію министровъ, прислужниковъ придворной камарильи. Хорошо извѣстныя постановленія Государственнаго Совѣта и Съѣзда объединеннаго дворянства въ концѣ 1916 года, показали, что даже самыя консервативныя организаціи тоже стали противъ правительства и самое незначительное осложненіе способно было вызвать общее возстаніе. Случайные уличные безпорядки, вызванные въ Петербургѣ временнымъ затрудненіемъ доставать въ булочныхъ хлѣбъ, разрослись въ подлинную революцію. Правительство рѣшило подавить возстаніе, распустивъ Государственную Думу и выславъ противъ народа на улицы войска. Но бо́льшая часть войскъ отказалась стрѣлять и отдала себя въ распоряженіе Думы, которая отказалась

Со своими можно было говорить менѣе сдержанно, и, главное, надо было говорить не о томъ, что было, а о томъ, что надлежитъ дѣлать.

подчиниться указу о роспускѣ и выбрала исполнительный комитетъ съ предсѣдателемъ Родзянко во главѣ. Очень небольшая часть войскъ оставалась вѣрна старому правительству.

«Первымъ шагомъ Родзянко было вступить въ сношенія съ начальникомъ штаба верховнаго главнокомандующаго ген. Алексѣевымъ и съ главнокомандующими на Кавказѣ, на юго-западномъ и на сѣверномъ фронтахъ, — съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, Брусиловымъ и Рузскимъ. Всѣ они немедленно отвѣтили, что признаютъ новое правительство.

«Тогда думскій исполнительный комитетъ вручилъ власть коалиціонному кабинету во главѣ съ кн. Георгіемъ Львовымъ, однимъ изъ популярнѣйшихъ либеральныхъ государственныхъ дѣятелей въ Россіи. Населеніе и гарнизонъ Москвы немедленно послѣдовали примѣру Петрограда, причемъ въ Москвѣ дѣло обошлось безъ всякой уличной борьбы. Изъ всѣхъ большихъ русскихъ городовъ получились извѣстія о полной побѣдѣ Думы. Оставленный всѣми, Николай II подписалъ за себя и своего единственнаго сына и наслѣдника великаго князя Алексѣя торжественный актъ объ отреченіи въ пользу единственнаго своего брата великаго князя Михаила Александровича, который въ свою очередь торжественно заявилъ, что не приметъ короны, кромѣ какъ въ томъ случаѣ, если она будетъ ему предложена Учредительнымъ Собраніемъ, имѣющимъ собраться въ возможно скоромъ времени. Такимъ образомъ, легальная полнота власти находится въ настоящій моментъ въ рукахъ кабинета князя Львова.

«Имена предсѣдателя Государственной Думы Родзянко и новаго министра иностранныхъ дѣлъ Милюкова достаточно

Это было время лозунговъ. Старый домъ, ни мало не медля, въ первую же минуту, выставилъ свой лозунгъ: *единеніе*, *порядокъ*, *работа*. Не успѣла разнестись по всей Россіи вѣсть о петербургскихъ событіяхъ 27 февраля — 1 марта, какъ изъ стараго дома раздался призывъ:

«Насталъ по-истинѣ великій и рѣшающій моментъ въ жизни нашего отечества. Онъ предъявляетъ ко всѣмъ намъ огромныя требованія, на которыя мы должны отвѣтить всѣми нашими силами, всей нашей любовью къ родинѣ, всѣмъ нашимъ разумѣніемъ. Отъ поведенія каждаго изъ насъ въ этотъ критическій моментъ, отъ степени пониманія событій, внутренней дисциплины и организованности, которыя

краснорѣчивы, чтобы показать, что новое правительство концентрируетъ всю національную энергію для рѣшительнаго продолженія войны. Пасифистскія тенденціи, существующія въ нѣкоторыхъ русскихъ рабочихъ кругахъ, не имѣютъ агрессивнаго вида. Въ общемъ настоящій переворотъ долженъ укрѣпить рѣшимость русскаго народа дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Англіей, Франціей и Италіей и довести войну до побѣдоноснаго конца».

Этотъ отвѣтъ, немедленно переданный по телеграфу въ Англію, былъ написанъ по-англійски покойнымъ завѣдующимъ иностраннымъ отдѣломъ «Русскихъ Вѣдомостей» Н. В. Сперанскимъ. Тогда же, въ русскомъ переводѣ автора вмѣстѣ съ телеграммой «Daily Chronicle», приведенный здѣсь, документъ былъ напечатанъ въ газетѣ (№ 52). Позднѣе пришли телеграфные запросы нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ газетъ, которымъ былъ данъ подобный же отвѣтъ.

проявитъ сейчасъ страна, и, главное, отъ умѣнья ея объединиться и сосредоточить всѣ свои стремленія на главныхъ и неотложныхъ задачахъ, зависитъ все будущее нашего народа»[3]).

«Единеніе, порядокъ, работа!» — вотъ къ чему призывалъ старый домъ на другой день революціи. «Исторія не ждетъ, каждый мигъ дорогъ. Все дальнѣйшее, весь будущій ходъ русской исторіи зависитъ отъ того, что будетъ сдѣлано сейчасъ, на другой день послѣ побѣды. Единственный путь завершить и закрѣпить паденіе старой власти заключается въ томъ, чтобы на развалинахъ ея немедленно создать и привести въ дѣйствіе новую отвѣтственную власть, опирающуюся на народъ и способную руководить имъ въ продолжающейся международной борьбѣ...

«Исторія революцій вездѣ одинакова. Тамъ, гдѣ послѣ переворота живыя силы страны умѣли сохранить единеніе, революціи были «достославными» и вели къ быстрому и прочному утвержденію порядка. Тамъ, гдѣ наступалъ разрывъ между партіями и классами, дѣло непремѣнно кончалось крушеніемъ свободы и возвращеніемъ въ той или иной формѣ безотвѣтственнаго управленія. Было бы великимъ и непоправимымъ несчастіемъ, если бы мы продѣлали сейчасъ тотъ пагубный путь, отъ котораго насъ предостерегаетъ печальный опытъ другихъ

[3]) «Русск. Вѣд.» 1917 г. № 48 отъ 2 марта.

народовъ, — путь, идущій отъ освобожденія черезъ междоусобную борьбу къ новому порабощенію»[4]).

Лозунгъ проводился въ жизнь неуклонно. Старый домъ, не уставалъ повторять: «Граждане! Теперь все поставлено на карту, и ключъ къ спасенію — въ вашемъ единодушіи и въ объединеніи вашемъ вокругъ временнаго правительства. Рабочіе и интеллигенты, крестьяне и горожане, соціалисты и либералы, — помните въ эту минуту, что вы всѣ, всѣ — прежде всего русскіе»[5]).

Увы! этотъ призывъ, какъ и всѣ послѣдующіе[6]), не былъ услышанъ. Но даже тогда, когда значительная доля бѣдствій, отъ которыхъ предостерегалъ старый домъ, разразилась надъ русской землей, а наступленіе остальныхъ стало лишь вопросомъ времени, онъ не прекратилъ свою работу надъ разъясненіемъ истиннаго значенія происходящихъ событій, и только прямое насиліе заставило старый домъ замолкнуть на полусловѣ:

«Ахъ, что они сдѣлали съ моей Россіей!»

Работа въ старомъ московскомъ домѣ остановилась, огни погасли, онъ самъ погрузился въ дре-

---

[4]) «Русск. Вѣд.» 1917 г. № 49 отъ 3 марта.

[5]) «Русск. Вѣд.» 1917 г. № 56 отъ 10 марта.

[6]) Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» появился рядъ статей, направленныхъ къ этой цѣли и написанныхъ авторитетными общественными дѣятелями, напр., В. Г. Короленко (№ 58), П. А. Кропоткинымъ (№ 61), Е. Н. Брешковской (№ 67) и др.

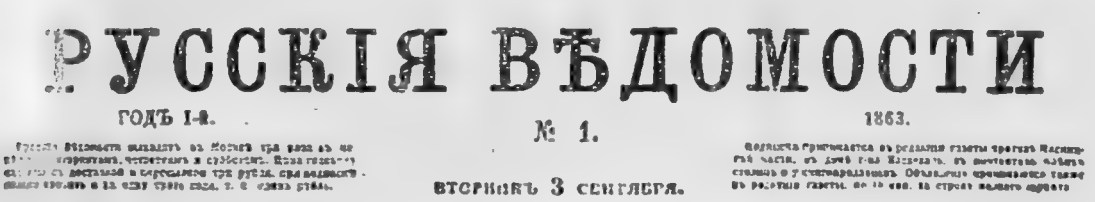
моту, а его работники разсѣялись по всему лицу земли русской, несчастной, но еще не испившей до дна всю чашу горестей, отъ которыхъ предостерегалъ ее старый домъ... И, развѣ, по-истинѣ, не достойно глубокаго сожалѣнія, что въ годину тягчайшихъ испытаній родина наша лишена посильныхъ услугъ ея стараго друга и неизмѣннаго печальника объ ея нуждахъ?

Но, если старый домъ вынужденъ замолчать, быть можетъ, небезполезно вспомнить о томъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ сложился, развивался и дѣйствовалъ въ теченіе полувѣка этотъ несовсѣмъ заурядный «вѣстникъ» нашихъ русскихъ радостей и бѣдъ, напомнить страничку изъ исторіи русской культуры, связанную съ именемъ «Русскихъ Вѣдомостей».

И я рѣшаюсь по этимъ соображеніямъ переиздать свой историческій очеркъ болѣе чѣмъ полувѣковой работы этой газеты, съ нѣкоторыми необходимыми дополненіями и поясненіями.

I

3-го сентября 1863 года въ Москвѣ, «въ домѣ г. Клевезаль, противъ Мясницкой части», вышелъ въ свѣтъ маленькій газетный листокъ, въ заголовкѣ котораго значилось:



РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ

ГОДЪ I-й. № 1. 1863.

ВТОРНИКЪ 3 СЕНТЯБРЯ.

Этотъ первый нумеръ «Русскихъ Вѣдомостей», объемомъ въ 8 страничекъ маленькаго формата, равняющагося четвертой части формата большихъ газетъ, былъ подписанъ въ качествѣ редактора-издателя ихъ основателемъ, въ свое время весьма извѣстнымъ писателемъ, Николаемъ Филипповичемъ Павловымъ[1]). Въ концѣ листа значится цензурная помѣта: «Дозволено цензурою. Москва, 3-го сентября».

---

[1]) Н. Ф. Павловъ (1805—64), извѣстный писатель. Въ 1851—55 г.г. былъ въ ссылкѣ въ Витебской губ. за найденныя у него «вольнодумныя бумаги». Извѣстность ему создали его «Три повѣсти» (1835 г.). Перепечатка этой книги была воспрещена Николаемъ I, который нашелъ въ ней «много непріличныхъ мѣстъ». Позднѣе пользовался успѣхомъ, какъ критикъ и публицистъ. Въ 1860—62 г.г. издавалъ въ Москвѣ газету «Наше Время» въ прогрессивномъ направленіи. Газета успѣха не имѣла.

Газета печаталась въ своей типографіи, которая помѣщалась тамъ же, гдѣ и редакція, «противъ Мясницкой части, въ домѣ г-на Клевезаль», гдѣ жилъ и самъ редакторъ-издатель новой газеты. Все изданіе было задумано въ очень скромныхъ размѣрахъ. Газета была дешевая и неежедневная, разсчитанная на широкіе круги провинціальнаго читателя. Въ объявленіи, повторявшемся изъ нумера въ нумеръ, говорилось: «Русскія Вѣдомости» выходятъ въ Москвѣ три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Цѣна годовому изданію съ доставкой и пересылкой три рубля; при подпискѣ можно вносить и за одну треть года, т. е. одинъ рубль».

Въ составъ перваго нумера, кромѣ передовой статьи, анонимной и безъ заглавія, лишь съ датой: Москва, 3-го сентября, вошли еще двѣ статьи: одна переводная, заимствованная изъ Patrie, подъ заглавіем «Разбойники» (въ ней разсказывается какой-то случай разбойническаго нападенія въ южной Италіи); другая — оригинальная: «Святые Кириллъ и Меѳодій, словенскіе первоучители. Повѣствованіе М. П. Погодина» [2]).

---

[2]) М. П. Погодинъ (1800—75), извѣстный историкъ и журналистъ. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» довольно дѣятельно сотрудничалъ въ теченіе перваго года изданія газеты, до ноября 1864 г. Затѣмъ, лишь въ 1865 г. помѣстилъ одну статью «О годѣ рожденія Карамзина» (№ 138).

Передовая статья посвящена злобѣ дня того времени — польскому возстанію и написана въ шовинистическомъ тонѣ, вѣроятно, самимъ Н. Ф. Павловымъ, который первое время много писалъ въ газетѣ. И въ информаціонномъ отдѣлѣ газеты много мѣста занимаютъ тѣ же «Польскія дѣла». Но съ первыхъ же нумеровъ въ газетѣ создается также довольно обширный отдѣлъ «Внутреннихъ Извѣстій», почерпаемыхъ частью изъ другихъ газетъ, а главнымъ образомъ изъ «Писемъ къ редактору» многочисленныхъ и все возраставшихъ въ числѣ корреспондентовъ. Это не были профессіональные писатели, какими являются теперь въ большинствѣ случаевъ провинціальные сотрудники газетъ; по большей части «письма» получались редакціей отъ читателей газеты, бравшихъ на себя освѣдомленіе ея о разныхъ мѣстныхъ дѣлахъ.

Довольно обширенъ былъ въ газетѣ также отдѣлъ «Иностранной Политики», позднѣе, но еще въ первые годы существованія «Русскихъ Вѣдомостей», получившій названіе: «Иностранныя Извѣстія». Этотъ отдѣлъ составлялся на основаніи иностранныхъ газетъ. Первыя собственныя корреспонденція изъ-за границы газета начинаетъ получать лишь съ 1867 года, при второмъ редакторѣ Н. С. Скворцовѣ [3]), когда извѣстный нашъ

[3]) Скворцовъ, Николай Семеновичъ (1838—82), редак-

путешественникъ и географъ Э. Р. Циммерманъ принялъ на себя обязанности сначала цюрихскаго,

---

торъ «Русскихъ Вѣдомостей» шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. В. М. Соболевскій въ статьѣ, появившейся на другой день послѣ смерти Скворцова, далъ о немъ слѣдующія біографическія свѣдѣнія. Родился въ небогатой дворянской семьѣ, въ Костромской губ., обучался въ мѣстной гимназіи и окончилъ тамъ курсъ въ числѣ отличнѣйшихъ учениковъ. Гимназіи того времени, начиная съ четвертаго класса, раздѣлялись на два отдѣленія: филологическое и юридическое, ученики перваго готовились къ продолженію образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; ученики же второго отдѣленія обыкновенно по окончаніи курса поступали на службу. Н. С. Скворцову также предстояло сдѣлаться чиновникомъ въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ Костромской губ., такъ какъ въ гимназіи онъ обучался на казенный счетъ. Молодой человѣкъ не захотѣлъ помириться съ такой участью. Стремясь къ дальнѣйшему образованію, онъ поступилъ сначала въ Ярославскій лицей, соотвѣтствовавшій тогда по составу преподаваемыхъ предметовъ камеральнымъ факультетамъ въ тогдашнихъ университетахъ. Пробывъ въ лицеѣ недолго, С. перешелъ на филологическій факультетъ Московскаго университета, гдѣ исторія и новые языки стали любимыми предметами его изученія.

Склонность къ литературной работѣ сказалась въ немъ рано. Будучи еще студентомъ, онъ началъ работать въ московскихъ повременныхъ изданіяхъ. Эти занятія свели его съ Н. Ф. Павловымъ, который замѣтилъ въ начинающемъ писателѣ признаки недюженнаго таланта и привлекъ его къ постоянной работѣ въ своихъ изданіяхъ. Въ мартѣ 1864 г., по смерти Павлова, Скворцовъ, которому было тогда 25 лѣтъ, по желанію сотрудниковъ «Русскихъ Вѣдомостей», принялъ

а затѣмъ парижскаго корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей» (1867—69 г.г.).

Остальные отдѣлы газеты при Н. Ф. Павловѣ носили неопредѣленный и случайный характеръ. Даже «Московскія Вѣсти» появлялись не въ каждомъ выпускѣ.

Не широкъ былъ и кругъ сотрудниковъ, привлеченныхъ къ изданію его основателемъ. Кромѣ Погодина, въ 1863 и 1864 гг. въ газетѣ помѣстили нѣсколько статей С. Славутинскій [4]), П. Щебальскій [5]), Н. Дмитріевъ, П. В. Шереметевскій, кн. Еникѣевъ, кн. Вадбольская, С. Любецкій, С. Масловъ, С. Шиповъ.

Имена большинства этихъ авторовъ ничего не

на себя обязанности редактора газеты. Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ онъ отдавалъ газетѣ всѣ свои силы, просиживая ночи напролетъ, не щадя своего нѣкогда желѣзнаго здоровья. Писалъ онъ быстро и легко. Изъ-подъ пера его выходило множество статей, до двадцати и болѣе въ мѣсяцъ. Интересы газеты поглощали его вниманіе до такой степени, что онъ буквально не могъ безъ нея жить. Въ послѣдніе годы жизни онъ былъ гласнымъ Московской Городской Думы и занялъ въ ней вліятельное положеніе.

[4]) С. Т. Славутинскій, беллетристъ, печатавшійся въ 60 и 70-хъ годахъ въ «Современникѣ», «Русскомъ Словѣ» Благосвѣтлова и «Отечественныхъ Запискахъ» Некрасова.

[5]) П. К. Щебальскій (1810—86), извѣстный историкъ.

говорятъ современному читателю. Тѣ же немногіе изъ нихъ, о которыхъ сохранилась память въ исторіи русской печати, принадлежатъ скорѣе къ тому лагерю, съ которымъ въ теченіе десятилѣтій «Русскія Вѣдомости» вели упорную борьбу. И, какъ ни странно, эта борьба началась на первомъ же году существованія газеты, прежде чѣмъ сошелъ въ могилу ея основатель и первый редакторъ, который, конечно, совсѣмъ не имѣлъ въ виду создать руководящій органъ русской прогрессивной мысли. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что здѣсь газетѣ помогло случайное, но благопріятное для нея стеченіе обстоятельствъ: борьба была начата не Павловымъ, а прогрессивною частью московскаго общества, которой онъ только открылъ, или точнѣе — не препятствовалъ открыть столбцы своей маленькой газеты.

Когда появились «Русскія Вѣдомости», у московской интеллигенціи не было своего органа въ повременной печати. Единственная московская газета того времени, — «Московскія Вѣдомости», — была въ рукахъ Каткова и Леонтьева, съ которыми интеллигентная Москва несмотря на ихъ еще не вполнѣ испарившійся въ то время либерализмъ уже разошлась. Катковъ и его другъ были въ зенитѣ своего публицистическаго успѣха, они претендовали на роль монопольныхъ руководителей общественнаго мнѣнія и неудержимо катились въ

своей публицистической дѣятельности, какъ по наклонной плоскости, къ тому реакціонному credo, которое характеризуетъ «Московскія Вѣдомости» восьмидесятыхъ и позднѣйшихъ годовъ. Нужно было начать борьбу съ реакціей, — и она была начата тогдашней московской интеллигенціей на столбцахъ только-что народившихся «Русскихъ Вѣдомостей».

Въ № 20-мъ «Русскихъ Вѣдомостей» 1864 г., отъ 15-го февраля, за полтора мѣсяца до смерти Н. Ф. Павлова, когда редактированіе газеты въ виду тяжкой болѣзни редактора фактически въ значительной мѣрѣ перешло къ молодому секретарю редакціи Н. С. Скворцову, появилось слѣдующее письмо къ редактору, подписанное П. Д. Самаринымъ[6]):

«Обращаемся къ вамъ съ просьбой отъ насъ, девяти гласныхъ московской общей Думы, напечатать въ вашей газетѣ прилагаемое при семъ письмо на имя редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей», причемъ считаемъ необходимымъ сдѣлать слѣдующее объясненіе.

«Московскія Вѣдомости» въ № 10-мъ отозвались о московской распорядительной Думѣ

---

[6]) П. Д. Самаринъ, младшій братъ Юрія Самарина, одного изъ вождей славянофильства, видный московскій общественный дѣятель.

съ пренебреженіемъ и взвели на нее какія-то невысказанныя, неопредѣленныя обвиненія. Мы не могли остаться къ этому равнодушны. Мы не ожидали отъ «Московскихъ Вѣдомостей» такой статьи, потому что главный ихъ редакторъ, будучи самъ гласнымъ и слѣдовательно въ большей или меньшей степени неся на себѣ отвѣтственность за распорядительную Думу, не заявлялъ о замѣченныхъ имъ злоупотребленіяхъ и не предлагалъ никакихъ средствъ для ихъ устраненія тѣмъ путемъ, на который ему указывала самая его должность, какъ члена городского общественнаго управленія. Не желая вступать въ журнальный споръ и вносить личныхъ побужденій въ дѣло, касающееся общественныхъ интересовъ, мы написали редакторамъ «Московскихъ Вѣдомостей» частное письмо, въ которомъ просили ихъ сообщить намъ данныя, послужившія основой ихъ обвиненія. Мы не предполагали, чтобы отзывъ «Московскихъ Вѣдомостей» о распорядительной Думѣ могъ быть отголоскомъ одной неразборчивой молвы. Вмѣсто всякаго отвѣта, всякихъ необходимыхъ поясненій, редакція напечатала наше письмо, не предназначенное для печати, безъ нашего согласія, безъ нашихъ подписей, и присоединила къ этому статью, направленную противъ насъ. Тогда мы вынуждены были написать къ

редакторамъ «Московскихъ Вѣдомостей», уже для напечатанія, второе письмо, прилагаемое здѣсь.

Редакція, по полученіи этого письма, пожелала оставить возбужденный ею споръ съ нами и предложила напечатать въ ближайшемъ нумерѣ своей газеты передовую статью, которая могла бы насъ удовлетворить и устранить всякій поводъ къ дальнѣйшимъ объясненіямъ. Мы приняли миролюбивое объясненіе редакціи и послѣ долгихъ переговоровъ установили по обоюдному соглашенію содержаніе статьи, въ которой редакція признавала брошеннымъ на вѣтеръ все сказанное ею относительно перваго нашего письма; вслѣдствіе этого соглашенія, редакція возвратила намъ прилагаемое при семъ письмо и обязалась напечатать безотлагательно въ своей газетѣ обѣщанную статью. Но статья въ печати не появилась, а почтенная редакція дала намъ, наконецъ, знать, что она отказывается исполнить принятое ею передъ нами обязательство, а равно и напечатать наше письмо.

Смѣемъ надѣяться, милостивый государь, что вы не откажетесь исполнить нашу просьбу и дадите намъ возможность печатно отвѣтить на непонятныя для насъ выходки «Московскихъ Вѣдомостей» противъ московской рас-

порядительной Думы и противъ насъ, девяти гласныхъ.

Исполняя желаніе гласныхъ, подписавшихъ прилагаемое письмо, прошу васъ и пр.

Петръ Самаринъ.

13-го февраля 1864 г.

За этимъ письмомъ слѣдовало и «письмо девяти гласныхъ московской общей Думы» къ редакторамъ «Московскихъ Вѣдомостей», не нашедшее мѣста въ газетѣ Каткова и Леонтьева. Въ числѣ подписавшихъ это письмо были лица, пользовавшіяся широкой извѣстностью и занимавшія въ то время вліятельное положеніе въ московскомъ обществѣ, напримѣръ, Н. М. Щепкинъ[7]) (первый въ спискѣ авторовъ письма), А. И. Кошелевъ[8]), Н. Х. Кетчеръ[9]), С. Н. Гончаровъ, братъ жены Пушкина, которому позднѣе пришлось сыграть въ этой исторіи особенно замѣтную роль.

---

[7]) Н. М. Щепкинъ, московскій мировой судья перваго призыва, сынъ знаменитаго актера М. С. Щепкина и отецъ члена Государственной Думы Н. Н. Щепкина и проф. В. Н. Щепкина.

[8]) А. И. Кошелевъ, извѣстный писатель, издатель ряда славянофильскихъ журналовъ и крупный общественный дѣятель.

[9]) Н. Х. Кетчеръ, переводчикъ Шекспира, свой человѣкъ въ кружкахъ Бѣлинскаго и Герцена, видный московскій врачъ.

Девять гласныхъ писали Каткову и Леонтьеву:

Мм. гг.! Въ № 25 «Моск. Вѣд.» вы напечатали частное письмо, полученное вами отъ насъ, девяти гласныхъ. Вы не имѣли права его печатать: оно, какъ вамъ извѣстно, вовсе не предназначалось для гласности.

Напечатавъ его безъ нашего согласія, вы скрыли наши имена; вы были введены въ заблужденіе вамъ свойственнымъ *«чувствомъ деликатности»*. Проще и вѣрнѣе было бы руководствоваться въ этомъ случаѣ всюду принятыми правилами литературнаго общежитія.

Предавая гласности наше письмо, вы предпослали ему нѣсколько строкъ, въ которыхъ иносказательно обрисовали наши личности и набросили тѣнь на побужденія, нами руководившія. Такъ поступила почтенная редакція, которая въ той же статьѣ заявила желаніе освободить вопросъ отъ *«личной примѣси»* (sic!).

Происхожденіе и цѣль нашего письма вамъ вполнѣ извѣстны. Оно не было для васъ неожиданностью.

Тяжкое, въ неопредѣленныхъ словахъ выраженное обвиненіе противъ московской распорядительной Думы, появившееся въ № 10 «Моск. Вѣд.», произвело въ свое время сильное впечатлѣніе на публику. Иначе и быть не могло:

обвиненіе шло отъ одного изъ главныхъ органовъ журналистики, — отъ редакторовъ, которые сами принадлежатъ къ составу городского общественнаго управленія.

Послѣ нѣкоторыхъ словесныхъ объясненій мы, какъ гласные, обратились въ редакцію съ просьбой о сообщеніи намъ положительныхъ данныхъ по взведенному обвиненію на распорядительную Думу. Убѣжденные, что новое учрежденіе не могло сразу правильно сложиться во всѣхъ его разнообразныхъ частяхъ, и что въ него могли вкрасться недостатки, такъ давно искажающіе нашу администрацію, мы надѣялись извлечь пользу для общественнаго дѣла изъ указаній редакціи.

Но вмѣсто спокойнаго, серьезнаго, товарищескаго отвѣта на наше письмо, вы написали статью болѣе чѣмъ странную и напечатали ее въ видѣ передовой въ «Моск. Вѣд.». Вы обращались къ намъ тономъ наставника. Вы считаете своимъ долгомъ подвергнуть насъ непріятности *«быть отведенными назадъ, въ надлежащія границы»*. Вы даже не остановились передъ обвиненіемъ въ намѣреніи съ нашей стороны «запустить руки» въ вашъ архивъ. Мы, конечно, не будемъ отвѣчать на эту выходку. Цѣль ея — слишкомъ очевидна: прикрыть отступленіе гг. редакторовъ, и въ томъ числѣ

главнаго, подъ защиту укрѣпленій управы благочинія.

Одного обвиненія мы не можемъ оставить безъ отвѣта. Въ нашемъ запросѣ, обращенномъ къ редакціи, вы видите посягательство на свободу слова.

Свобода слова намъ дорога. Всего менѣе мы желали бы ея стѣсненія. Вредъ, причиняемый случайными злоупотребленіями печати, ничтоженъ въ сравненіи съ той пользой, которую приноситъ полная свобода слова. Но, признавая права печати, мы признаемъ также лежащія на ней обязанности. Она должна быть выраженіемъ не безсознательной молвы, а мнѣнія общественнаго или частнаго, основаннаго на фактахъ или логическихъ доводахъ. Она должна быть обличительницей дѣйствительныхъ злоупотребленій, а не орудіемъ клеветы. Ея языкъ долженъ быть точенъ и опредѣлителенъ. Но мы не признаемъ за печатью привилегіи безотвѣтственности. Литераторъ, какъ общественный дѣятель, кромѣ юридической отвѣтственности, подлежитъ отвѣтственности нравственной передъ цѣлымъ обществомъ, и всякій, кто сдѣлался жертвой подозрѣнія, всякій, на кого только падетъ тѣнь, наброшенная неосторожнымъ словомъ, въ правѣ, не посягая на свободу печати, требовать объясненій. И если журналистъ въ нихъ

отказываетъ, то этимъ отказомъ онъ подрываетъ довѣріе къ себѣ и теряетъ уваженіе публики.

Послѣ того, какъ вы напечатали первое наше письмо безъ нашего согласія, мы въ правѣ требовать отъ васъ, чтобы вы помѣстили и это письмо со всѣми подписями въ ближайшемъ же нумерѣ «Московскихъ Вѣдомостей».

Н. Щепкинъ, *Д. Шумахеръ*,
Н. Киселевъ, *Н. Кетчеръ*,
П. Самаринъ, *М. Демидовъ*,
А. Кошелевъ, *В. Кашкадамовъ*,
С. Гончаровъ.

5-го февраля 1864 г.

Разгорѣлась полемика, въ которой приняли участіе и другія лица. Еще до появленія письма девяти гласныхъ «Русскія Вѣдомости» напечатали (въ № 15) «Замѣтку» «Не гласнаго» по поводу той же статьи катковской газеты. Авторъ нанесъ своему противнику ударъ въ самое чувствительное для него мѣсто: онъ указалъ, что англоманствовавшая еще въ то время редакція «Моск. Вѣд.» имѣетъ объ англійскихъ учрежденіяхъ «самыя смутныя понятія». Катковъ, конечно, отвѣчалъ и девяти гласнымъ, и «Не гласному» въ самомъ запальчивомъ тонѣ, стремясь, по обыкновенію, — какъ отмѣтилъ въ одной изъ своихъ послѣдующихъ замѣтокъ «Не гласный», —

«затемнить и запутать вопросъ длинными цитатами, личными выходками, таинственными намеками и бранью». Девять гласныхъ сочли себя вынужденными отвѣтить «Московскимъ Вѣдомостямъ» обстоятельнымъ письмомъ, въ которомъ рѣшительно, съ фактами въ рукахъ, опровергая «объясненія» Каткова и изобличая его въ «искаженіи» обстоятельствъ дѣла, особенно горячо протестуютъ отъ имени С. Н. Гончарова «противъ тѣхъ искаженій, которыя позволила себѣ редакція при передачѣ разговоровъ его (Гончарова) съ г. Катковымъ». Письмо заканчивалось выраженіемъ надежды, «что дальнѣйшія объясненія не окажутся нужными» (№ 24 «Русск Вѣд.»). И дѣйствительно, газетная полемика по этому поводу тогда же прервалась. Споръ между девятью гласными, съ одной стороны, и Катковымъ и Леонтьевымъ — съ другой, закончился иначе. 3-го марта 1864 г., въ № 27 «Русск. Вѣд.», было напечатано слѣдующее «объясненіе» С. Н. Гончарова, которое, въ формѣ, единственно доступной по цензурнымъ условіямъ того времени, довело до свѣдѣнія публики о финалѣ этого нашумѣвшаго дѣла.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Послѣ отвѣта девяти гласныхъ московской Думы, напечатаннаго въ № 24 «Русскихъ Вѣдомостей», споръ нашъ съ редакціей «Московскихъ Вѣдомостей» не могъ, какъ справедливо она за-

мѣтила въ № 47 своей газеты, продолжаться въ предѣлахъ литературной полемики. Онъ принялъ характеръ совершенно личный, — между мной и редакціей. Объясненіе съ однимъ изъ гг. редакторовъ, П. М. Леонтьевымъ, положило этому спору конецъ, которымъ я, съ своей стороны, считаю себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

С. Гончаровъ.

«Объясненіе», о которомъ говоритъ Гончаровъ, состоялось 26-го февраля 1864 г. въ Петровскомъ паркѣ. Оба противника вышли изъ поединка невредимыми и «вполнѣ удовлетворенными». Но исходомъ газетной полемики могла быть удовлетворена только одна сторона. Редакція «Русскихъ Вѣдомостей» вышла изъ состязанія съ честью. Судьбѣ было угодно, чтобы первое боевое крещеніе молодой газеты было вызвано горячей защитой новыхъ учрежденій общественнаго самоуправленія и сопровождалось формулированіемъ, съ ея стороны, высокихъ требованій къ самой печати: свобода слова, сила знанія, возвышенная идея и моральная чистота. Вотъ путь, которымъ должна идти газета...

Меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ этой исторіи, оказавшей большое вліяніе на дальнѣйшую судьбу газеты, умеръ основатель «Русскихъ Вѣдомостей», редактировавшій ихъ всего семь мѣсяцевъ. Собственникомъ изданія сталъ сынъ Н. Ф. Павлова, Ипполитъ Николаевичъ. Но редакція газеты перешла къ Николаю Семеновичу Скворцову, который сначала (№№ 39—61) подписывалъ газету «за редактора», а съ 26-го мая, послѣ офиціальнаго утвержденія, уже какъ редакторъ. Съ этого времени и до конца жизни (въ ночь съ 12-го на 13-е сентября 1883 года) онъ остается во главѣ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» и, умѣло привлекая къ газетѣ молодыя литературныя силы, создаетъ прочное основаніе для ея послѣдующаго развитія. Въ первый же годъ своего редакторства Скворцовъ приглашаетъ къ сотрудничеству въ своей маленькой газетѣ Митрофана Павловича Щепкина[1]), тогда молодого ученаго, готовивша-

[1]) М. П. Щепкинъ (1832—1908), извѣстный писатель и общественный дѣятель. Въ 1866—69 г.г. былъ не только дѣятельнымъ сотрудникомъ, но и соредакторомъ Н. С. Скворцова. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ его отвлекло отъ «Русск. Вѣд.» изданіе собственной газеты («Русская Лѣтопись»), погибшей подъ ударами цензуры. Съ восьмидесятыхъ годовъ и до конца жизни снова становится постояннымъ сотрудникомъ «Р. Вѣд.»

гося занять кафедру политической экономіи, и начинающаго общественнаго дѣятеля съ широкими познаніями въ области мѣстнаго самоуправленія. Тогда же или, быть можетъ, нѣсколько позднѣе, Н. С. удается привлечь къ участію въ газетѣ, хотя и не регулярному, знаменитыхъ впослѣдствіи адвокатовъ кн. А. И. Урусова[2]) и Ѳ. Н. Плевако[3]). Затѣмъ во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ и въ самомъ началѣ семидесятыхъ постоянными сотрудниками «Русскихъ Вѣдомостей» становится цѣлая плеяда молодыхъ ученыхъ, стяжавшихъ себѣ впослѣдствіи почетную извѣстность: Александръ Сергѣевичъ Посниковъ, Александръ Ивановичъ Чупровъ, Василій Михайловичъ Соболевскій, Иванъ Ивановичъ Янжулъ и др. А изъ старшаго поколѣнія московскихъ ученыхъ мѣсто Погодина среди сотрудниковъ Скворцова вскорѣ послѣ перехода къ нему редакціи газеты занимаютъ Б. Н. Чичеринъ[4]), Ѳ. М. Дмитрі-

---

[2]) Кн. А. И. Урусовъ (1843—1900), знаменитый адвокатъ. Работалъ въ суд бномъ и театральномъ отдѣлахъ газеты. Велъ судебные процессы газеты. За его подписью въ 1886 г. (№ 36) напечатана статья «По поводу постановки Маріи Стюартъ».

[3]) Ф. Н. Плевако (1843—1908), знаменитый адвокатъ, членъ третьей Государственной Думы. Работалъ въ газетѣ въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ. Въ 1875 г. (№№ 7, 16, 37) напечатана его большая статья «Записки адвоката».

[4]) Б. Н. Чичеринъ (1828—1904), знаменитый юристъ и философъ. Писалъ иногда въ газетѣ и въ позднѣйшее вре-

евъ[5]) И. К. Бабстъ[6]), Н. А. Поповъ[7]). Одновременно съ молодыми учеными входятъ въ газету и молодые литературные таланты того времени: имена и произведенія безвременно погибшаго Михаила Алексѣевича Воронова[8]), Александра Ивановича Левитова[9]), Глѣба Ивановича Успенскаго[10]) нерѣдко укра-

мя. Такъ, въ 1894 году имъ помѣщенъ былъ некрологъ Ф. М. Дмитріева, въ 1897 г. статья по поводу нашумѣвшаго въ то время конца «Русалки» Пушкина.

[5]) Ф. М. Дмитріевъ (1829—1894), историкъ права, профессоръ Московскаго университета.

[6]) И. К. Бабстъ (1823—81), профессоръ политической экономіи Московскаго университета. Посниковъ и Чупровъ были его учениками.

[7]) Н. А. Поповъ (1833—91), историкъ, проф. Московскаго университета. Съ конца 60-хъ годовъ и до средины 80-хъ дѣятельно сотрудничалъ въ газетѣ преимущественно по славянскому вопросу. Велъ регулярно отдѣлъ «Славянскія Извѣстія».

[8]) М. А. Вороновъ (1840—73), беллетристъ. Печатался въ «Современникѣ», «Русскомъ Словѣ» и «Дѣлѣ». Въ «Русскихъ Вѣд.» (1871—73 г.г.) напечатанъ рядъ его разсказовъ и очерковъ.

[9]) А. И. Левитовъ (1835—77), беллетристъ, пользовавшійся въ свое время большою извѣстностью. Въ «Русск. Вѣд.» (1873) напечатаны его очерки: «Ни сѣютъ, ни жнутъ. Изъ жизни московскаго пролетаріата».

[10]) Г. И. Успенскій (1840—1902), знаменитый писатель. Съ 1874 года и до конца своей литературной дѣятельности, прерванной тяжкимъ недугомъ, постоянно и много писалъ въ «Русск. Вѣд.» Подробнѣе объ его работѣ въ газетѣ въ моей книгѣ «Журналисты безвременья» (М. 1917).

шаютъ собой столбцы «Русскихъ Вѣдомостей» начала семидесятыхъ годовъ.

Какъ умѣлъ Скворцовъ находить для своей газеты способныхъ сотрудниковъ среди молодежи, даже случайно попадавшей въ редакцію, показываетъ, напримѣръ, слѣдующій эпизодъ, который я передаю со словъ покойнаго Александра Петровича Лукина, талантливаго фельетониста «Русскихъ Вѣдомостей», писавшаго подъ псевдонимомъ «Скромный Наблюдатель»[11]).

Лѣтомъ 1865 года 22-хъ—23-хлѣтній студентъ (вольнослушатель московскаго университета) А. П. Лукинъ переживалъ медовый мѣсяцъ своей литературной карьеры: его первая повѣсть была принята «Современникомъ», и авторъ получилъ отъ редакціи журнала увѣдомленіе, что «Анна Ивановна» появится въ сентябрьской книжкѣ журнала (первой книжкѣ

---

[11]) А. П. Лукинъ (1842—1905), писатель, членъ товарищества «Русскихъ Вѣдомостей». Въ теченіе сорока лѣтъ своего сотрудничества онъ помѣстилъ въ газетѣ громадное число фельетоновъ на общественныя, литературныя и театральныя темы. Небольшая часть этихъ фельетоновъ вышла отдѣльнымъ изданіемъ, въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ «Отголоски жизни». Отдѣльнымъ изданіемъ выпущены также его повѣсть «Исторія барыни Анны Ивановны» и статьи «Кавказскіе хутора и ихъ переустройство». Въ теченіе многихъ лѣтъ былъ дѣятельнымъ работникомъ и предсѣдателемъ Московскаго отдѣленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.

«Современника» безъ предварительной цензуры). Въ нѣсколько приподнятомъ по этому случаю настроеніи молодой писатель отправился на литературно-музыкальный вечеръ въ подмосковной деревнѣ Давыдково, гдѣ онъ жилъ на дачѣ. Вечеръ былъ благотворительный; чтеніе и музыка подъ открытымъ небомъ, тревога въ публикѣ по случаю начавшагося дождя, разные недочеты въ исполненіи и т. п., — все это послужило Лукину темой для небольшого очерка. Въ шутливомъ тонѣ онъ изобразилъ картинку подмосковной дачной жизни, отослалъ замѣтку въ редакцію газеты и черезъ два—три дня забылъ и думать объ ея судьбѣ. Всѣ мысли его вѣдь были поглощены его будущей дѣятельностью въ качествѣ беллетриста! Но на четвертый день у воротъ его скромной дачки неожиданно появился какой-то неизвѣстный господинъ, и Лукинъ услышалъ, что незнакомецъ разыскиваетъ именно его. Это былъ Скворцовъ. Онъ привезъ нумеръ «Русскихъ Вѣдомостей», въ которомъ была напечатана первая замѣтка Лукина, и послѣ непродолжительнаго разговора завербовалъ начинающаго беллетриста въ постоянные сотрудники газеты. Участь Лукина была рѣшена: продолженію «Анны Ивановны» не суждено было явиться на свѣтъ, — этотъ первый изъ ряда задуманныхъ молодымъ писателемъ очерковъ помѣщичьяго быта въ эпоху отмѣны крѣпостного права оказался и послѣднимъ; но вскорѣ явился «Скромный

Наблюдатель», — живой и отзывчивый на злобы дня фельетонистъ, пользовавшійся успѣхомъ среди читателей. Скворцовъ угадалъ настоящее призваніе Лукина по первому же его опыту, — угадалъ и не упустилъ случая использовать молодое дарованіе въ интересахъ «Русскихъ Вѣдомостей».

И это не единственный случай. Исторія привлеченія къ «Русскимъ Вѣдомостямъ» будущихъ ихъ редакторовъ, А. С. Посникова и В. М. Соболевскаго, при которыхъ газета заняла положеніе руководящаго органа русской политической печати, въ томъ же родѣ характерна и интересна.

А. С. Посниковъ былъ первымъ изъ числа молодыхъ ученыхъ, съ которымъ Скворцовъ сблизился въ концѣ 60-хъ — въ началѣ 70-хъ годовъ; Чупровъ, Соболевскій, Дитятинъ, Саблинъ, Скалонъ, Янжулъ, Гольцевъ и другіе, принявшіе въ большей или меньшей мѣрѣ участіе въ газетѣ, пришли позже. Многіе изъ нихъ, и между прочимъ А. И. Чупровъ, были рекомендованы Скворцову именно Посниковымъ. Въ 1869 году онъ, только-что окончившій курсъ и оставленный при университетѣ для подготовленія къ профессурѣ по представленію проф. Бабста, обращается въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей» съ предложеніемъ своихъ услугъ въ качествѣ сотрудника по экономическимъ вопросамъ. Случай испытать новаго сотрудника скоро представился. Въ концѣ лѣта того года русское общество переживало парок-

сизмъ новой для него тогда болѣзни: оно втянулось чуть ли не впервые въ бѣшеную биржевую игру. Въ августѣ шла горячая спекуляція на повышеніе, причемъ предметомъ игры были, между прочимъ, билеты еще новыхъ выигрышныхъ займовъ. Быстраго наступленія реакціи, повидимому, играющая публика совсѣмъ не ожидала. Начинающій публицистъ и выбралъ темой своей первой статьи въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» разъясненіе механизма биржевой спекуляціи и предупрежденіе публики объ угрожающихъ ей опасностяхъ. «Мы обращаемся, — писалъ онъ (№ 186-й, отъ 26-го августа 1869 г.), — къ тому громадному большинству, которое втягивается въ этотъ омутъ невольно, заражаясь тѣмъ или другимъ соблазнительнымъ примѣромъ быстраго обогащенія, и еще болѣе мы обращаемся къ тѣмъ, которые не втянуты еще покуда въ круговоротъ игры».

Конечно, бѣда, отъ которой предостерегалъ публику молодой экономистъ, не замедлила нагрянуть. 5-го сентября «Русскія Вѣдомости» опубликовали слѣдующую телеграмму: «Петербургъ, 4-го сентября. Сегодня на биржѣ совершенная паника. Выигрышные займы сразу упали». Въ ближайшемъ выпускѣ газеты (№ 193) Посниковъ берется за обсужденіе этого событія и, развивая тему первой статьи, заканчиваетъ свою передовую слѣдующими словами: «Вчерашняя петербургская телеграмма принесла знаменательное извѣстіе о неожиданномъ па-

деніи курса билетовъ выигрышнаго займа. Объясненій, какъ и причинъ, вслѣдствіе которыхъ произошло паденіе, конечно, можетъ быть много, но въ числѣ ихъ, весьма вѣроятно, можетъ быть и та, которую мы только-что описывали, т. е. паденіе могло быть вызвано однимъ изъ банкирскихъ домовъ или банковъ, отказавшимся отъ ссуды подъ залогъ этихъ знаковъ. Мы, какъ новички въ биржевой игрѣ, не привыкли, разумѣется, къ такимъ рѣзкимъ переходамъ; но нѣтъ ничего мудренаго, что эти колебанія будутъ повторяться все чаще и чаще».

Надо перенестись въ обстановку того времени, когда мы, дѣйствительно, переживали младенческій періодъ биржевой игры и относились къ подобнымъ биржевымъ катастрофамъ, какъ къ ударамъ грома среди безоблачнаго неба, чтобы понять, какъ былъ доволенъ редакторъ своимъ новымъ сотрудникомъ, который на основаніи однихъ теоретическихъ соображеній такъ своевременно выступилъ съ предупрежденіемъ о надвигающейся грозѣ. Но радость Скворцова была еще больше, когда оказалось, что Посниковъ, не имѣя никакихъ другихъ свѣдѣній о происшедшемъ въ Петербургѣ, кромѣ коротенькой телеграммы, о паникѣ на биржѣ и паденіи выигрышныхъ билетовъ, безошибочно выдѣлилъ изъ множества возможныхъ причинъ истинную причину кризиса. Черезъ нѣсколько дней газета могла не безъ торжества объявить, что ея объясненіе паники

оправдалось: «Дѣйствительно, по словамъ газеты «Вѣсть», тревога возникла вслѣдствіе того, что Общество взаимнаго кредита подняло дисконтъ и ограничило сроки ссудъ, а Государственный банкъ нашелъ необходимымъ два раза на одной недѣлѣ возвысить свои учеты и также произвести ограниченіе въ выдачѣ ссудъ».

Но если молодой сотрудникъ обнаружилъ проницательность въ опредѣленіи причины разсматривавшагося имъ экономическаго явленія, то редакторъ тутъ же показалъ недюжинную свою способность угадывать въ почти незнакомомъ человѣкѣ таящуюся въ немъ силу и по неуловимымъ признакамъ опредѣлять истинное призваніе человѣка.

— Александръ Сергѣевичъ, — говорилъ онъ одному изъ ближайшихъ своихъ помощниковъ, — да, вѣдь, онъ политикъ, настоящій, кровный политикъ. Политическая дѣятельность, по крайней мѣрѣ политическая журналистика, — вотъ это по Посникову.

Говоря такъ, Скворцовъ тонко подмѣтилъ и по достоинству оцѣнилъ основныя черты ума и характера своего молодого друга: его смѣлую проницательность въ оцѣнкѣ людей и событій общественной жизни, его крупный организаторскій талантъ и непреклонность въ стремленіи къ намѣченной цѣли. Всѣ эти свои качества А. С. Посниковъ блестяще впослѣдствіи обнаружилъ и какъ вождь прогрессивной части профессоровъ новороссійскаго уни-

верситета въ началѣ 80-хъ годовъ, и на посту редактора «Русскихъ Вѣдомостей» въ періодъ мрачнѣйшей реакціи 1886—96 гг., и позднѣе въ качествѣ организатора экономическаго отдѣленія Петербургскаго Политехническаго Института. Условія русской жизни однако не дали ему возможности проявить себя на широкой политической аренѣ. Только на склонѣ лѣтъ судьба ввела его въ составъ 4-й Государственной Думы и на короткій срокъ поставила его во главѣ центральной земельной комиссіи, возникшей послѣ февральской революціи 1917 года. Но тамъ и тутъ ему выпала на долю скорѣе роль Кассандры, нежели творца новаго законодательства для русской деревни.

Но въ то время, когда А. С. Посниковъ дебютировалъ въ маленькихъ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», ближайшей задачей его была не публицистика и не политическая дѣятельность, а тотъ ученый трудъ, который положилъ начало его извѣстности и далъ ему почетное мѣсто въ исторіи русской экономической науки. У него уже созрѣлъ замыселъ изслѣдованія объ общинномъ землевладѣніи раньше, чѣмъ Скворцовъ успѣлъ его привлечь къ редакціонной работѣ; занятый своей научной задачей, онъ не отдался въ то время всецѣло редакціонной работѣ, — это пришло позднѣе, — но и тогда Скворцову все-таки удалось воспользоваться для газеты содѣйствіемъ своего молодого друга, и Посниковъ въ са-

момъ началѣ 70-хъ годовъ, въ ожиданіи научной командировки за границу, становится на нѣсколько мѣсяцевъ ближайшимъ помощникомъ Скворцова и временами даже фактическимъ редакторомъ «Русскихъ Вѣдомостей». Именно въ это время онъ оказываетъ газетѣ огромную услугу, сблизивъ съ Скворцовымъ и введя въ кругъ постоянныхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Русскихъ Вѣдомостей» Александра Ивановича Чупрова, для котораго газета съ начала семидесятыхъ годовъ становится второю каѳедрой. Съ этой каѳедрой Чупровъ не разставался до конца дней, и можно сказать, что на ней онъ сдѣлалъ для распространенія въ Россіи экономическихъ знаній не меньше, чѣмъ съ своей университетской каѳедры: конечно, въ газетѣ рамки экономической проповѣди Чупрова были уже, но зато здѣсь онъ обращался къ такой широкой аудиторіи, какой не можетъ дать никакой университетъ.

Университетскій товарищъ Посникова, В. М. Соболевскій также пришелъ бы съ нимъ въ «Русскія Вѣдомости», если бы онъ не пришелъ сюда еще раньше, хотя и въ качествѣ гостя, а не работника. Случайнымъ сотрудникомъ газеты Соболевскій сдѣлался еще на университетской скамьѣ.

Въ «пятницу, 26-го января 1868 года», — въ «день печальный для студентовъ», — произошло крупное событіе въ жизни тогдашняго московскаго общества; въ этотъ день московское студенчество, а съ

нимъ вмѣстѣ и вся московская интеллигенція чествовала Бориса Николаевича Чичерина по случаю его неожиданнаго и преждевременнаго ухода изъ университета. Незадолго передъ тѣмъ разыгралась одна изъ самыхъ печальныхъ исторій въ лѣтописяхъ московскаго университета, въ результатѣ которой университетъ едва не потерялъ знаменитаго историка С. М. Соловьева и навсегда лишился такихъ научныхъ силъ, какъ Чичеринъ и Ѳ. М. Дмитріевъ. Поводомъ къ этому прискорбному дѣлу, ознаменовавшемуся длительной борьбой въ совѣтѣ университета, послужилъ первый по времени случай нарушенія министромъ народнаго просвѣщенія университетскаго устава 1863 года.

Одинъ изъ старыхъ профессоровъ университета, баллотируясь на новое пятилѣтіе по выслугѣ 25 лѣтъ, не получилъ узаконенныхъ двухъ третей голосовъ, т. е. оказался забаллотированнымъ, и тѣмъ не менѣе былъ утвержденъ въ должности или въ сущности назначенъ безъ выбора властью министра. И такъ какъ, говоря словами проф. Ѳ. М. Дмитріева (№ 45-й «Русск. Вѣд.», 1868 г.), «не было причины, чтобы случай не повторился», меньшинство совѣта, съ Дмитріевымъ и Чичеринымъ во главѣ, рѣшило «оградить права университета». Но оно натолкнулось на противодѣйствіе со стороны ректора С. И. Баршева и поддерживавшаго его большинства совѣта, вдохновителемъ котораго былъ въ то время

проф. П. М. Леонтьевъ, товарищъ Каткова по «Московскимъ Вѣдомостямъ». Меньшинство, однако, не сдавалось: всѣми доступными ему средствами легальной борьбы оно отстаивало, во-первыхъ, исключительное право университетовъ избирать своихъ преподавателей, нарушенное назначеніемъ неизбраннаго профессора; во-вторыхъ, право свободнаго голоса для каждаго члена корпораціи. «Это два жизненныхъ вопроса для нашихъ университетовъ, — писалъ въ «Русск. Вѣд.» проф. Дмитріевъ. Съ первымъ связано ихъ возобновленіе, со вторымъ ихъ самоуправленіе. То и другое только-что были ограждены новымъ уставомъ и вдругъ подверглись явному нарушенію. Это нарушеніе могло перейти въ правило, и потому не должно было остаться безъ протеста». А когда всѣ другіе способы отстоять попранное право были использованы, — рядъ профессоровъ, принадлежавшихъ къ группѣ меньшинства, подалъ прошеніе объ отставкѣ. Однимъ изъ первыхъ призналъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ этой крайней мѣрѣ Чичеринъ; въ декабрѣ 1867 года онъ уже дочитывалъ свой послѣдній университетскій курсъ. 19-го декабря должна была быть послѣдняя его лекція, на которой профессоръ намѣревался проститься со своими слушателями. Студенты ждали этой прощальной лекціи... но именно потому она и не состоялась: распоряженіемъ ректора, всѣ лекціи были неожиданно прекращены. «Причину такого распоряженія,

— сообщали тогда же «Русскія Вѣдомости», — (№ 150-й, отъ 23-го декабря 1867 г.) — и не скрывали: г. ректоръ не пожелалъ, чтобы проф. Чичеринъ прочелъ свою послѣднюю лекцію, и потому приказалъ закрыть университетъ на два дня».

Чичеринъ простился со слушателями письменно, и его замѣчательное, не потерявшее и для нашихъ дней значенія «Прощальное письмо къ моимъ слушателямъ» было опубликовано въ № 25-мъ «Русскихъ Вѣдомостей» 1868 года. Вотъ его дословный текстъ:

> Распоряженіе университетскаго начальства, неожиданно прекратившее лекціи ранѣе установленнаго срока, не позволило мнѣ завершить свои чтенія и проститься съ вами, какъ я желалъ. Я письменно прощаюсь съ вами, какъ преподаватель. Мы, надѣюсь, встрѣтимся еще на пути жизни, и встрѣтимся добрыми друзьями, но на каѳедрѣ вы меня болѣе не увидите. Жалѣю, что долженъ съ вами разстаться, жалѣю, что не могу даже кончить начатаго курса, но есть обстоятельства, когда требованія чести говорятъ громче всякихъ другихъ соображеній. Честь и совѣсть не позволяютъ мнѣ далѣе оставаться въ университетѣ. Вы, мои друзья, еще молоды, вы не разучились ставить нравственныя побужденія выше всего на свѣтѣ. Поэтому, надѣюсь, вы не будете сѣтовать на меня за то,

что я прерываю свой курсъ. Я считаю себя обязаннымъ не только дѣйствовать на вашъ умъ, но и подать вамъ нравственный примѣръ, явиться передъ вами и человѣкомъ, и гражданиномъ. Нравственныя отношенія между преподавателемъ и слушателями составляютъ лучшій плодъ университетской жизни. Наука даетъ человѣку не одинъ запасъ свѣдѣній, она возвышаетъ и облагораживаетъ душу. Человѣкъ, воспитанный въ любви къ наукѣ, не продастъ истины ни за какія блага въ мірѣ. Таковъ драгоцѣнный завѣтъ, который мы получили отъ своихъ предшественниковъ на университетской каѳедрѣ. На ней всегда встрѣчались люди, которые высоко держали нравственное знамя. Теперь, покидая университетъ, я утѣшаю себя сознаніемъ, что мы съ товарищами остались вѣрны этому знамени, что мы честно, по совѣсти, исполнили свой долгъ и не унизили своего высокаго призванія. Желаю и вамъ крѣпко держаться этихъ началъ и разнести доброе сѣмя по всѣмъ концамъ Русской земли, твердо помня свой гражданскій долгъ, не повинуясь минутному вѣтру общественныхъ увлеченій, не унижаясь передъ властью и не преклоняя главы своей передъ неправдой. Россія нуждается въ людяхъ съ крѣпкими и самостоятельными убѣжденіями; они составляютъ для нея лучшій залогъ будущаго. Но крѣпкія

убѣжденія не обрѣтаются на площади; они добываются серьезнымъ и упорнымъ умственнымъ трудомъ. Направить васъ на этотъ путь, представить вамъ образецъ науки строгой и спокойной, независимой отъ внѣшнихъ партій, стремленій и страстей, науки способной возвести человѣка въ высшую область, гдѣ силы духа мужаютъ и пріобрѣтаютъ новый полетъ, таковъ былъ для меня идеалъ преподаванія. Насколько я успѣлъ достигнуть своей цѣли, вы сами тому лучшіе судьи. Во всякомъ случаѣ, разставаясь съ вами, я питаю въ себѣ увѣренность, что оставляю среди васъ добрую память и честное имя. Это будетъ служить мнѣ вознагражденіемъ за все остальное.

Б. Чичеринъ.

Москва, 19-го декабря 1867 г.

Это письмо, т. е. собственно появленіе его въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», послужило сигналомъ къ жаркой и продолжительной полемикѣ. На столбцахъ «Русскихъ Вѣдомостей» въ защиту университетской автономіи выступили профессора Дмитріевъ, Капустинъ[12]), Рачинскій[13]), Соловьевъ[14]), Бабстъ...

[12]) Капустинъ М. Н., профессоръ Московскаго университета, позднѣе директоръ Ярославскаго лицея. Съ назначеніемъ его лицей былъ преобразованъ въ юридическій. Онъ привлекъ въ первый составъ преобразованнаго лицея

На противоположной сторонѣ были Катковъ и Леонтьевъ, писавшіе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и нѣсколько позднѣе въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Моральный успѣхъ въ этой первой по времени кампаніи «Русскихъ Вѣдомостей» по университетскому вопросу былъ весьма значителенъ. И если въ этомъ случаѣ слово оказалось нужнымъ подкрѣпить дѣломъ, если не довольно было публицистической проповѣди въ пользу университетской автономіи, если нужно было принести въ жертву свободѣ науки на Руси профессорскую дѣятельность Чичерина и его товарищей, то сколько еще разъ впослѣдствіи люди, близостью которыхъ газета справедливо гордится, запечатлѣли вѣрность своему «знамени» тѣмъ же «нравственнымъ примѣромъ», какъ и Чичеринъ въ 1867 году! Припомнимъ отставку Посникова и Мечникова въ 1882 году, отставку Гамбарова въ 1899 г., отставку Мануилова, Мензбира и ихъ многочисленныхъ товарищей въ 1911 г. Посниковы, Чупровы, Мануиловы не только писали въ газетѣ,

---

многихъ московскихъ ученыхъ изъ числа начинавшихъ тогда свою академическую карьеру, въ томъ числѣ И. И. Дитятина, А. С. Посникова, В. М. Соболевскаго, Ковалева.

[13]) Рачинскій С. А., профессоръ Московскаго университета, натуралистъ, въ болѣе поздній періодъ сельскій учитель, организовавшій школу въ своемъ имѣніи Смоленской губ. и работавшій въ ней десятки лѣтъ.

[14]) Соловьевъ, С. М., знаменитый историкъ, проф. Московскаго университета.

отстаивая дорогую имъ, какъ и русскому обществу, университетскую автономію, они боролись за нее и какъ члены университетской корпораціи, высоко держа «нравственное знамя».

Но во время описываемой первой борьбы за университетскую автономію даже старѣйшіе изъ этихъ университетскихъ дѣятелей, тѣсно связанныхъ съ «Русскими Вѣдомостями», были еще на школьной скамьѣ, и только В. М. Соболевскому, тогда студенту третьяго курса, пришлось принять активное участіе въ газетной кампаніи 1868 года. Въ сотрудничествѣ съ товарищами-студентами, устроителями публичнаго чествованія Чичерина, онъ составилъ описаніе этого «прощальнаго обѣда» и принесъ его Скворцову. Случилось, конечно, то, что случалось всякій разъ, когда судьба этого первоначальнаго организатора и въ сущности перваго редактора подлинныхъ «Русскихъ Вѣдомостей», превратившаго маленькій Павловскій листокъ для «народа» въ большую ежедневную политическую газету, — когда судьба сталкивала его съ молодымъ способнымъ человѣкомъ. Въ Соболевскомъ Скворцовъ нашелъ своего ближайшаго помощника и замѣстителя. Но прежде, чѣмъ это случилось, прошло немало лѣтъ и даже привлечь Соболевскаго къ сотрудничеству въ газетѣ Скворцову удалось только въ 1873 году.

По возвращеніи изъ заграничной командировки Посниковъ вторично свелъ Скворцова съ Соболев-

скимъ, но будущій главный редакторъ «Русскихъ Вѣдомостей» считалъ себя совершенно неподходящимъ къ газетной работѣ. И онъ введенъ былъ въ дѣло, можно сказать, по принужденію.

Написать первую руководящую статью въ газетѣ побудило Соболевскаго только желаніе выручить друга-редактора изъ затруднительнаго положенія. Въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Москву (изъ Ярославля, гдѣ Соболевскій былъ въ то время доцентомъ Демидовскаго лицея), онъ провелъ вечеръ гдѣ-то въ обществѣ вмѣстѣ съ Скворцовымъ и поздно ночью по пути домой согласился заѣхать въ редакцію. Здѣсь редакторъ неожиданно объявилъ ему, что для очередного нумера нѣтъ передовой статьи, и что написать ее кромѣ Соболевскаго некому. Дѣло было передъ самымъ Рождествомъ, когда многіе изъ ближайшихъ сотрудниковъ газеты отсутствовали. Написать онъ можетъ и долженъ, тѣмъ болѣе, что и тема для статьи есть подходящая: надо отвѣтить на ту самую вылазку «Московскихъ Вѣдомостей» противъ мирового суда, о которой друзья бесѣдовали въ этотъ же вечеръ. Во второмъ часу ночи Соболевскій началъ писать; редакторъ, увѣренный въ силахъ дебютанта, отбиралъ у него написанные листки прежде, чѣмъ успѣвали просохнуть чернила, и, бѣгло просмотрѣвъ, отсылалъ въ типографію.

Послѣдній передъ Рождествомъ 1873 года (отъ

23-го декабря, № 277) нумеръ газеты былъ законченъ не рано, такъ какъ срочная статья, писавшаяся ночью наспѣхъ, вышла по крайней мѣрѣ втрое длиннѣе обычной передовой статьи, — базъ малаго въ 700 строкъ! Но редакторъ былъ доволенъ: статья была сильная, основательная, а вмѣстѣ съ тѣмъ живая и остроумная, разбивавшая противника на-голову.

По условіямъ того времени, «дѣло Энкенъ», послужившее поводомъ для Каткова къ началу похода противъ выборнаго мирового суда, представляло большую важность. Московскій мировой судъ своимъ приговоромъ по этому теперь забытому, но нѣкогда возбудившему общій интересъ, процессу сдѣлалъ попытку ограничить самоуправство хозяевъ въ отношеніи прислуги. Въ правительственныхъ проектахъ старой власти по вопросу объ отношеніяхъ между нанимателями и домашней прислугой даже наканунѣ революціи недвусмысленно сказывались крѣпостническія традиціи. За сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ, когда крѣпостное право было еще совсѣмъ свѣжо въ памяти и жило въ нравахъ широкихъ слоевъ общества, осужденіе нанимателя вызвало прямо сенсацію. «Московскія Вѣдомости» поспѣшили выступить на защиту «попраннаго» московскимъ мировымъ судомъ «одного изъ священныхъ правъ человѣка и гражданина, — права вытолкать изъ дому». А за одно ужъ, — благо подвернулся случай, — газета Каткова подняла общій вопросъ объ искорененіи судебнаго учрежденія,

осмѣлившагося что-то возразить противъ столь «священнаго права». Отпоръ этому посягательству со стороны вождя реакціи на «два благодѣтельнѣйшихъ начала» пореформеннаго законодательства, дѣйствительно, надо было дать немедленно: нужно было выступить, говоря словами этой старой статьи «Русскихъ Вѣдомостей», на защиту «равенства всѣхъ гражданъ и всѣхъ сословій передъ закономъ, съ одной стороны, и права общества выбирать себѣ судей, съ другой». Опытный редакторъ Скворцовъ хорошо это видѣлъ, но онъ видѣлъ и то, что эту задачу наилучшимъ образомъ можетъ выполнить тотъ человѣкъ, которому черезъ сорокъ лѣтъ, такъ единодушно, подъ живымъ впечатлѣніемъ его утраты, было присуждено названіе «журналиста-джентльмена». Соболевскій, — «джентльменъ», — въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, — былъ какъ нельзя болѣе въ своей роли въ качествѣ защитника гражданскаго равенства и свободы.

Проницательный Скворцовъ разсчиталъ, видимо, и другое: удачный дебютъ долженъ былъ привести въ будущемъ къ постоянному сотрудничеству Соболевскаго въ газетѣ. Такъ и случилось.

III

Скворцовъ умѣлъ выбирать людей. Но судьба газеты, которою онъ единолично руководилъ въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ ея существованія, во многомъ или, — правильнѣе сказать, — во всемъ окончательно опредѣлилась въ зависимости отъ того, что въ числѣ многихъ талантливыхъ людей, привлеченныхъ имъ къ дѣлу, нашлась небольшая группа, спаянная общностью политическихъ убѣжденій и научно-соціальныхъ взглядовъ. Среди отмѣченныхъ печатью таланта избранниковъ Скворцова бывали люди и другого склада: они приходили и уходили, но газета осталась въ рукахъ той группы молодыхъ ученыхъ, которые, по разсказамъ современниковъ, пользуясь случаемъ одновременнаго пребыванія заграницей 1873 году, собрались на съѣздъ въ Гейдельбергѣ для обсужденія и рѣшенія вопроса: что нужно дѣлать? Чего добиваться въ открывающейся передъ ними общественной дѣятельности? И единодушное рѣшеніе, принятое на этомъ съѣздѣ, вылилось, по словамъ Г. Е. Афанасьева[1]) въ двухъ знаменательныхъ словахъ:

---

[1]) Афанасьевъ, Г. Е. (род. въ 1848 г.), историкъ и экономистъ, профессоръ, участвовалъ въ «Русск. Вѣд.» въ теченіе многихъ лѣтъ, корреспондировалъ, между прочимъ, изъ Одессы и Кіева. Въ своихъ воспоминаніяхъ о В. М. Соболевскомъ онъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о Гей-

добиваться конституціи. Единственный остававшійся въ живыхъ къ тому времени, когда писался этотъ очеркъ, участникъ съѣзда, А. С. Посниковъ, сообщилъ мнѣ свѣдѣнія, которыя существенно дополняютъ и кое въ чемъ исправляютъ сообщеніе Афанасьева. Во-первыхъ, съѣздъ состоялся ранней осенью 1873 года; поэтому, очевидно, Соболевскій, уѣзжая въ концѣ лѣта изъ Парижа, могъ сообщить Афанасьеву только, что съѣздъ *будетъ*, что они съ Посниковымъ заѣдутъ въ Гейдельбергъ по пути въ Россію именно ради этого. Во-вторыхъ, возможно, что Соболевскій въ разговорѣ, зная, кто участвуетъ въ съѣздѣ, кратко опредѣлилъ его вѣроятный результатъ словами: «добиваться конституціи». Но, по свидѣтельству Посникова, задача была на самомъ дѣлѣ гораздо шире.

Собраться въ Гейдельбергѣ, передъ возвращеніемъ въ Россію, участниковъ этого съѣзда (Зибера, Чупрова, Посникова, Соболевскаго и рано умершаго проф. Ковалева) побудило дѣйствительно желаніе уяснить предстоящую работу, по возможности выработать общія руководящія начала и уговориться, по

дельбергскомъ съѣздѣ, ссылаясь на то, что эти свѣдѣнія были получены имъ отъ Соболевскаго въ Парижѣ лѣтомъ 1873 года: «Осенью 1873 года нѣсколько русскихъ съѣхавшихся въ Гейдельбергѣ, обсуждали вопросъ о томъ, что поставить себѣ цѣлью работы, и рѣшили добиваться конституціи. На этомъ съѣздѣ былъ и Василій Михайловичъ, а кромѣ его еще Чупровъ, Зиберъ и нѣкоторые другіе. Названныя мною лица уже умерли».

крайней мѣрѣ, по главнѣйшимъ основнымъ вопросамъ. Вопросъ о конституціи на первый планъ не выдвигался, но говорить о немъ было неизбѣжно. Да это и понятно, если принять во вниманіе, кто участвовалъ въ съѣздѣ.

Зиберъ, первый русскій экономистъ-теоретикъ, констатировавшій связь Марксовой теоріи цѣнности съ ученіемъ классической школы политической экономіи, будущій авторъ изслѣдованія «Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ»; Посниковъ «вслѣдъ Чернышевскому» и, быть-можетъ, подъ прямымъ его вліяніемъ работавшій надъ научнымъ экономическимъ изслѣдованіемъ общиннаго землевладѣнія и достигшій уже въ то время блестящихъ результатовъ въ своемъ изслѣдованіи; Чупровъ, завершающій первую половину своего классическаго труда о желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, — они и ихъ друзья не могли видѣть въ «конституціи» самодовлѣющую цѣль. Для нихъ она была важна не сама по себѣ или не только сама по себѣ, но прежде всего какъ средство для достиженія широкихъ демократическихъ реформъ въ хозяйственномъ и общественномъ строѣ родной страны. Эта струя искренняго, широкаго демократизма роднила ихъ съ народническимъ движеніемъ, которое въ то время охватило значительную часть русской интеллигентной молодежи. Общій складъ ихъ экономическихъ воззрѣній, образовавшійся подъ преимущественнымъ вліяніемъ Родбертуса и Карла Маркса,

также сближалъ ихъ съ соціалистически настроенной молодежью того времени. Но, тогда какъ народничество седмидесятыхъ годовъ лишь путемъ продолжительнаго опыта и тяжелыхъ утратъ много позднѣе приходитъ къ сознанію важности коренного преобразованія политическаго строя, для маленькой группы, собравшейся въ 1873 году на съѣздъ въ Гейдельбергѣ, было ясно, что политическая свобода—главный рычагъ демократическаго и соціальнаго обновленія страны. Это признаніе капитальной важности вопроса о «конституціи» сближало ихъ со старыми либералами типа Чичерина, отъ которыхъ они были такъ далеки въ области экономическихъ воззрѣній, и дѣлало ихъ какъ бы связующимъ звеномъ между главнѣйшими лѣвыми теченіями русской политической мысли.

Со временемъ та политико-соціальная концепція, которая была намѣчена въ главныхъ чертахъ на маленькомъ гейдельбергскомъ съѣздѣ, сдѣлала обширныя завоеванія во всѣхъ слояхъ русскаго общества и воплотилась въ широкомъ общественномъ движеніи, не сказавшемъ еще своего послѣдняго слова. Не будетъ преувеличеніемъ, если мы примемъ, что многія русскія прогрессивныя партіи, дѣйствовавшія и продолжающія дѣйствовать на политической аренѣ и значительно расходящіяся по своимъ тактическимъ и даже программнымъ требованіямъ, должны считать своей колыбелью этотъ съѣздъ кучки русскихъ ученыхъ въ Гейдельбергѣ.

Само собой разумѣется, что рѣшеніе, принятое въ Гейдельбергѣ молодыми сотрудниками «Русскихъ Вѣдомостей», имѣло существенное вліяніе на газету. Люди, поставившіе цѣлью своей общественной дѣятельности «добиваться конституціи», если бы даже они сами не были журналистами, не отказались бы отъ такого могущественнаго орудія пропаганды, какъ газета, — даже русская газета, не выходящая изъ тисковъ цензурнаго и всякаго иного административнаго гнета. Тѣмъ болѣе къ этому должны были стремиться литераторы, которымъ было что сказать и внѣ рамокъ основного чисто-политическаго вопроса. Имъ не могла не быть соблазнительной мысль о собственномъ органѣ печати, и потому вполнѣ естественно, что ихъ старыя связи съ «Русскими Вѣдомостями» не прерываются, а, напротивъ, крѣпнутъ и крѣпнутъ. Черезъ годъ или полтора по возвращеніи Посникова и Соболевскаго изъ заграницы, многое изъ того, что говорилось на Гейдельбергскомъ съѣздѣ вошло въ «программу», составленную какъ бы для «Русскихъ Вѣдомостей» и по распоряженію Скворцова отпечатанную, на правахъ рукописи, въ типографіи газеты. Конечно, въ этой «программѣ», легально напечатанной въ то время въ Россіи, собственно о «конституціи» не могло быть рѣчи. Кстати сказать, вѣсть о томъ, что съѣздъ состоялся и принялъ нѣкоторыя «неблагонамѣренныя» резолюціи, все-таки въ свое время дошла до свѣдѣнія власти. Изъ Гейдельберга же, какъ го-

ворятъ, объ опасныхъ собраніяхъ молодыхъ ученыхъ было донесено шефу жандармовъ, гр. П. А. Шувалову. Были приняты и соотвѣтствующія мѣры. Между прочимъ, въ 1874 году попечителю московскаго учебнаго округа кн. Мещерскому было поручено тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстымъ произвести дознаніе въ Ярославскомъ лицеѣ и опросить молодыхъ доцентовъ. Эта исторія закончилась благополучно для участниковъ Гейдельбергскаго съѣзда благодаря директору лицея, М. Н. Капустину, энергично отстаивавшему, подъ вліяніемъ извѣстнаго Е. И. Якушкина, подпавшихъ подъ подозрѣніе молодыхъ преподавателей.

«Программа» въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» неукоснительно примѣнялась. Чупровъ становится въ первой же половинѣ семидесятыхъ годовъ дѣятельнымъ сотрудникомъ газеты, въ которой ему суждено было сыграть исключительно большую роль. Немного позднѣе Соболевскій принимаетъ на себя обязанности второго редактора «Русскихъ Вѣдомостей». Скоро возвращается къ газетѣ и Посниковъ. За ними, и теперь уже даже прямо ими, въ составъ сотрудниковъ привлекается рядъ талантливыхъ писателей и ученыхъ, раздѣляющихъ ихъ политическія и экономическія воззрѣнія.

Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ нерѣдко «Русскія Вѣдомости» печатаютъ статьи за под-

писью Глѣба Успенскаго, Златовратскаго[2]), Нефедова[3]), Боборыкина[4]), Южакова[5]). На ихъ столбцахъ появляются произведенія И. И. Дитятина[6]), С. А.

---

[2]) Златовратскій, Н. Н. (1845—1911), извѣстный писатель, одинъ изъ главныхъ представителей народничества въ художественной литературѣ. Сотрудничалъ въ «Р. Вѣд.» съ 1877 г. до самой смерти.

[3]) Нефедовъ, Ф. Д. (1838—1902), беллетристъ и этнографъ. Въ «Р. Вѣд.» писалъ съ 1871 до своей смерти.

[4]) Боборыкинъ, П. Д. (1836—1920), извѣстный писатель. Въ «Русск. Вѣд.» (съ 1878 г. по 1912 г.) писалъ много: повѣсти и разсказы, литературно-критическія статьи театральныя рецензіи и т. д. Въ 1878—81 г.г., живя въ Москвѣ, Боборыкинъ велъ въ газетѣ регулярные обзоры театровъ.

[5]) Южаковъ, С. Н. (1849—1910), извѣстный публицистъ. Началъ работать въ «Р. Вѣд.» съ 1879 года изъ Восточной Сибири, куда былъ сосланъ въ административномъ порядкѣ. Писалъ и во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Незадолго до смерти (въ 1909—10 году) напечаталъ въ газетѣ свои литературныя воспоминанія.

[6]) Дитятинъ, И. И. (1847—1890), историкъ права, профессоръ Харьковскаго, позднѣе — Юрьевск. университета. Работать въ «Русск. Вѣд.» началъ по возвращеніи изъ заграницы, послѣ Гейдельбергскаго съѣзда и продолжалъ до конца жизни.

[7]) Муромцевъ, С. А. (1850—1910), извѣстный юристъ, профессоръ Московскаго университета, предсѣдатель первой Государственной Думы. Состоялъ сотрудникомъ «Р. Вѣд.» съ 1875 года до своей смерти. Находился въ близкихъ отношеніяхъ со многими изъ главныхъ работниковъ газеты.

Муромцева[7]), М. М. Ковалевскаго[8]), В. И. Орлова[9]), Н. А. Каблукова[10]). Само собою разумѣется, что изъ ранѣе примкнувшихъ къ газетѣ писателей она попрежнему пользуется содѣйствіемъ такихъ людей,

---

Выступалъ въ качествѣ защитника редактора газеты въ одномъ изъ судебныхъ процессовъ.

[8]) Ковалевскій, М. М. (1851—1916), извѣстный юристъ, соціологъ и публицистъ, профессоръ Московскаго, позднѣе — Петербургскаго университетовъ, членъ первой Государственной Думы и позднѣе — Государственнаго Совѣта. Работалъ въ «Р. Вѣд.» съ 1878 г. до самой смерти. О своемъ сотрудничествѣ онъ говритъ въ воспоминаніяхъ: «Самымъ близкимъ мнѣ человѣкомъ въ редакціи былъ А. И. Чупровъ. По его просьбѣ я написалъ въ разное время рядъ статей въ «Русскія Вѣдомости», каждый разъ за собственной подписью. Онѣ касались текущихъ вопросовъ политики, государственнаго права, землевладѣнія на Западѣ Европы и въ Соед. Штат. Америки. Во время моей второй поѣздки въ эту страну, я, по просьбѣ Чупрова, прислалъ въ редакцію рядъ корреспонденцій, передававшихъ впечатлѣнія, мною вынесенныя изъ пребыванія въ Чикаго и изъ поѣздки въ Калифорнію... Въ теченіе моего 18-тилѣтняго пребыванія заграницей я часто видѣлся съ Вас. Мих. (Соболевскимъ) и иногда писалъ статьи по его настоянію».

[9]) Орловъ, В. И. (1848—85), основатель земской статистики въ Россіи, сотрудничалъ съ 1878 г. до смерти.

[10]) Каблуковъ, Н. А. (1849—1919), извѣстный экономистъ и статистикъ, проф. Московскаго университета. Участвовалъ въ «Русск. Вѣд.» съ 1877 года до запрещенія газеты. Временами писалъ много.

какъ В. Ю. Скалонъ[11]), М. А. Саблинъ[12]), М. Е. Богдановъ[13]), В. А. Гольцевъ[14]), И. И. Янжулъ[15]). Со-

---

[11]) Скалонъ, В. Ю. (1848—1907), извѣстный публицистъ и земскій дѣятель, членъ товарищества «Русск. Вѣд.». Началъ сотрудничать в газетѣ еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ звѣдывалъ нѣкоторое время, вмѣстѣ съ М. А. Саблинымъ, внутреннимъ отдѣломъ. Съ 1899 г. по 1905 г. былъ редакторомъ, вмѣстѣ съ Соболевскимъ и Анучинымъ. Писалъ много и часто, главнымъ образомъ, по земскимъ вопросамъ. Въ своихъ статьяхъ, особенно въ послѣдніе годы своей публицистической работы, нерѣдко отзывался и на общеполитическія темы. Имъ написана и знаменитая передовая статья о народномъ представительствѣ, первая по времени въ русской легальной печати.

[12]) Саблинъ, М. А. (1842—1898), статистикъ и публицистъ, членъ товарищества «Русск. Вѣд.». Началъ сотрудничать въ газетѣ съ конца шестидесятыхъ годовъ, въ 1883—88 г.г. завѣдывалъ внутреннимъ отдѣломъ, затѣмъ принялъ на себя руководство хозяйственной частью.

[13]) Богдановъ, М. Е. (1842—1920), экономистъ, членъ товарищества «Русск. Вѣд.». Работалъ въ газетѣ еще въ 60-тыхъ годахъ, особенно дѣятельно сотрудничалъ въ восьмидесятыхъ годахъ, когда ему принадлежала значительная доля передовыхъ статей экономическаго и финансоваго содержанія.

[14]) Гольцевъ, В. А. (1850—1906), извѣстный публицистъ, доцентъ Московскаго университета, редакторъ «Русской Мысли». Началъ работать въ «Русск. Вѣд.» во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ и оставался сотрудникомъ до смерти. Въ газетѣ появилось большое количество его статей, за подписью и безъ подписи, на литературныя и по-

ставъ самой редакціи пополняется новыми выдающимися силами. Одинъ за другимъ въ постоянную работу втягиваются П. И. Бларамбергъ[16]), къ которому вскорѣ переходитъ руководящая роль въ иностранномъ

литическія темы дня. Въ восьмидесятыхъ годахъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ въ библіографическомъ отдѣлѣ.

[15]) Янжулъ, И. И. (1845—1915), извѣстный экономистъ, профессоръ Москов. университета, академикъ. Съ начала семидесятыхъ годовъ и до конца жизни оставался сотрудникомъ «Русск. Вѣд.», въ которыхъ появилось большое количество его статей по различнымъ экономическимъ и общественнымъ вопросамъ.

[16]) Бларамбергъ, П. И. (1841—1907), публицистъ и композиторъ, членъ товарищества «Русскихъ Вѣдомостей». Въ газетѣ работалъ съ 1876 г., въ теченіе многихъ лѣтъ завѣдывалъ иностраннымъ отдѣломъ газеты, былъ соредакторомъ В. М. Соболевскаго и А. С. Посникова. Его перу принадлежитъ большое число передовыхъ статей по внѣшней политикѣ 70—90-хъ годовъ.

[17]) Анучинъ, Д. Н. (1843—1923), извѣстный антропологъ и публицистъ, профессоръ Московскаго университета, академикъ, членъ товарищества «Русск. Вѣд.». Началъ работать въ газетѣ въ 1877 г. и продолжалъ сотрудничество до прекращенія газеты. Писалъ статьи научнаго содержанія, а также по многимъ общественнымъ и политическимъ вопросамъ, особенно по школьному дѣлу. Послѣ смерти М. А. Саблина завѣдывалъ хозяйственной частью изданія и былъ утвержденъ при В. М. Соболевскомъ и А. С. Посниковѣ, третьимъ редакторомъ газеты. Подъ его редакціей въ 1892 г. «Русскими Вѣдомостями» былъ изданъ сборникъ «Помощь голодающимъ», разобранный полностью по подпискѣ и разо-

отдѣлѣ газеты, Д. Н. Анучинъ[17]), Г. А. Джаншіевъ[18]), С. Ѳ. Фортунатовъ[19]).

Содержаніе газеты съ привлеченіемъ такого состава сотрудниковъ постоянно развивается и развивается въ томъ самомъ направленіи, которое получило свое начало на съѣздѣ въ Гейдельбергѣ. Гораздо позднѣе, наканунѣ революціоннаго 1905 года, слишкомъ за годъ до манифеста 17 октября, «Русскія Вѣдомости», первыя въ легальной печати, выступили съ требованіемъ созыва народныхъ представителей (№ 286-й, отъ 14-го октября 1904 года). Это былъ логическій выводъ, необходимое заключеніе многолѣтней проповѣди конституціонализма. Этой статьѣ предшествовали сотни другихъ статей, въ которыхъ

шедшійся въ огромномъ по тому времени числѣ экземпляровъ (6000).

[18]) Джаншіевъ, Г. А. (1851—1900), публицистъ и адвокатъ, членъ товарищества «Русск. Вѣд.». Сотрудничалъ съ 1878 г. до своей смерти. Помѣстилъ большое количество статей, часть которыхъ собрана въ его книгахъ. Изъ нихъ одна — «Изъ эпохи великихъ реформъ» — выдержала при жизни автора семь изданій, — успѣхъ для русскаго книжнаго рынка исключительный. Главныя темы его работъ — судъ, судебная практика, адвокатура.

[19]) Фортунатовъ, С. Ѳ. (1850—1918), историкъ, проф. Московскаго университета и высшихъ женскихъ курсовъ. Сотрудничалъ въ газетѣ съ 1879 г. до ея прекращенія. За это время, особенно въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, имъ помѣщено громадное количество статей по вопросамъ внутренней жизни Франціи, Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Фортунатовъ на примѣрѣ Америки, Мануиловъ[20]) на на примѣрѣ Англіи, Іоллосъ[21]) въ своихъ знаменитыхъ «Письмахъ изъ Берлина» развивали то же положеніе и приводили читателя къ признанію непреложной необходимости «добиваться конституціи». Не случайностью, а также только естественнымъ заключеніемъ долгіе годы и даже десятки лѣтъ веденной кампаніи съ такими вождями во главѣ, какъ Посниковъ и Чупровъ, было и то, что авторомъ законодательнаго предположенія объ удовлетвореніи земельныхъ нуждъ крестьянства въ первомъ русскомъ парламентѣ оказался членъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» В. Е. Якушкинъ[22]). Не случайность привела къ тому, что,

---

[20]) Мануиловъ, А. А., (род. въ 1861 г.) извѣстный экономистъ и публицистъ, профессоръ Московскаго университета, членъ товарищества «Р. Вѣд.». Принималъ близкое участіе въ газетѣ как писатель, завѣдующій иностраннымъ отдѣломъ и редакторъ.

[21]) Іоллосъ, Г. Б. (1859—1907), извѣстный публицистъ и экономистъ, членъ первой Государственной Думы, членъ товарищества «Русск. Вѣд.». Дѣятельно работалъ въ газетѣ съ 1886 года въ качествѣ постояннаго сотрудника, берлинскаго корреспондента и редактора. На этомъ посту онъ и былъ убитъ 14 марта 1907 года подосланными убійцами. Слѣдствіе по дѣлу было прекращено и убійцъ не постигла кара, хотя ни для кого не было тайной, кто организовалъ это преступленіе и кто его выполнилъ.

[22]) Якушкинъ, В. Е. (1856—1912), извѣстный публицистъ и историкъ, приватъ-доцентъ Московскаго университета, членъ первой Государственной Думы, членъ товарищества

когда въ той же Думѣ встрѣтилась надобность въ энергической и обоснованной защитѣ крестьянскихъ интересовъ, со скамей крестьянъ-депутатовъ послышался единодушный призывъ на трибуну другого члена редакціи «Русскихъ Вѣдомостей»: «Пусть говоритъ Герценштейнъ»[23]). И если избранниками города Москвы въ первую Государственную Думу, — въ моментъ наивысшаго подъема гражданскихъ чувствъ, — оказались исключительно люди, такъ или иначе связавшіе свою дѣятельность съ «Русскими Вѣдо-

---

«Русск. Вѣд.». Первая статья его, напечатанная въ газетѣ въ 1884 г. была о Пушкинѣ, надъ которымъ онъ работалъ долгіе годы. Въ теченіе многихъ послѣдующихъ лѣтъ онъ принималъ въ газетѣ ближайшее участіе, какъ писатель и редакторъ. Большое количество его статей носило публицистическій характеръ (на разнообразныя темы внутренней нашей политической и общественной жизни), другія были научнаго содержанія по исторіи и литературѣ. Сотрудничество было прервано тяжкою продолжительной и смертельной болѣзнью, которую онъ вынесъ изъ тюрьмы (за «Выборгское воззваніе» перводумцевъ).

[23]) Герценштейнъ, М. Я. (1859—1906), извѣстный экономистъ и публицистъ, проф. Петровской сельскохозяйственной академіи, членъ первой Государственной Думы, членъ товарищества «Русск. Вѣд.». Сотрудничество его началось въ 1885 г. и продолжалось до смерти отъ руки подосланныхъ убійцъ 18 іюля 1906 г. Убійство Герценштейна, какъ и убійство Іоллоса, въ судебномъ порядкѣ не было разслѣдовано до конца. Онъ писалъ въ газетѣ преимущественно по вопросамъ финансовымъ и экономическимъ.

мостями», то — хотя это было и случайностью, — такая случайность явилась красивымъ символомъ той прочной связи, которая создалась между газетой и русскимъ обществомъ на почвѣ общей борьбы за «конституцію».

IV

Процессъ превращенія маленькаго популярнаго листка въ большую газету совершался медленно. Мы видѣли, что нѣкоторыя обстоятельства благопріятствовали этому развитію: при первомъ же боевомъ крещеніи газета нашла сочувственный откликъ въ прогрессивной части общества, и эта связь съ теченіемъ времени постоянно укрѣплялась. Съ другой стороны, она не испытывала недостатка въ способныхъ работникахъ и въ литературномъ отношеніи была съ первыхъ же лѣтъ существованія довольно сильна. Но матеріальныя средства изданія въ теченіе долгихъ лѣтъ были скудны, а тяжелыя условія русской печати, — и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже, — тормазили развитіе газеты еще больше, чѣмъ недостатокъ средствъ.

Въ воспоминаніяхъ Н. В. Давыдова, знавшаго И. Н. Павлова въ 60-хъ годахъ, отмѣчено, что онъ нуждался въ средствахъ, хотя и получилъ въ наслѣдство отъ отца право на изданіе «Русскихъ Вѣдомостей». Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ Н. Ф. Павловъ препринялъ изданіе маленькой газеты, незадолго до смерти, послѣ неудачнаго опыта съ изданіемъ большихъ газетъ, — опыта, принесшаго ему большіе убытки, если не разореніе. Небольшая и, кажется, заложенная типографія, была един-

ственнымъ рессурсомъ газеты, когда она перешла къ Скворцову. Формально это случилось въ 1866 году: первый нумеръ, подписанный Скворцовымъ не только въ качествѣ редактора, но и въ качествѣ издателя, вышелъ 30-го августа этого года (№ 102). До тѣхъ поръ газета выходила послѣ смерти Павлова отца сначала совсѣмъ безъ обозначенія имени издателя, вѣроятно пока не былъ утвержденъ въ правахъ наслѣдства сынъ Павлова; позднѣе, въ теченіе полутора года издателемъ подписывался И. Н. Павловъ; но настоящимъ распорядителемъ газеты былъ уже и въ это время ея редакторъ, Н. С. Скворцовъ.

Вскорѣ послѣ смерти Павлова-отца, — 20-го іюля 1864 года, — Скворцовъ переводитъ редакцію въ другое помѣщеніе (Полянка, у Малаго Каменнаго моста, д. кн. Трубецкой). Здѣсь Скворцову удается добиться весьма существеннаго улучшенія въ условіяхъ изданія газеты. 6-го апрѣля 1865 года были утверждены временныя правила для изданій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры. Съ сентября того же года всѣ выходившія тогда въ Петроградѣ и Москвѣ періодическія изданія получили право воспользоваться этой льготой подъ условіемъ внесенія залога. И большинство столичныхъ газетъ и журналовъ съ осени 1865 года освободилось отъ предварительной цензуры. Какъ ни тяжелъ былъ режимъ административныхъ предостереженій и каръ, но все-таки, по сравненію съ мелочной, придирчивой и при-

хотливой цензурой стараго порядка, и онъ былъ облегченіемъ для печати. «Русскія Вѣдомости» однако не могли воспользоваться этой льготой одновременно съ другими газетами и журналами. Нужно было внести залогъ, и бѣдному редактору пришлось еще полгода выжидать освобожденія отъ предварительной цензуры. Только 3-го мая 1866 года вышелъ нумеръ газеты безъ обычной въ концѣ листа надписи: «Дозволено цензурой» и съ коротенькимъ сообщеніемъ отъ редакціи: «Съ разрѣшенія г. министра внутренныхъ дѣлъ «Русскія Вѣдомости», согласно статьямъ: 15, 16 и 19-й отд. 11-го закона 6-го апрѣля 1865 года, освобождаются отъ предварительной цензуры».

Сдѣлавшись безцензурной, газета еще долго продолжала выходить въ томъ же маленькомъ форматѣ, такъ же только три раза въ недѣлю, какъ и въ годъ основанія. Лишь 1-го января 1868 года «Русскія Вѣдомости» становятся ежедневной газетой и одновременно мѣняютъ форматъ на большій, но тоже весьма маленькій: листъ размѣромъ менѣе двухъ третей обычнаго большого газетнаго листа, въ четыре столбца на страницѣ, по 104 строки каждый. Подписная цѣна газеты была тогда же увеличена до 4-хъ рублей для московскихъ годовыхъ подписчиковъ и до 6-ти рублей для иногородныхъ.

Выпуская первый нумеръ ежедневныхъ «Русскихъ Вѣдомостей», редакція обратилась къ читателямъ со слѣдующими словами:

«Приступая къ весьма существенному измѣненію въ порядкѣ нашего изданія, мы освобождаемъ себя отъ общепринятаго обычая снабжать подобныя преобразованія подробными объясненіями. Пріобрѣтая возможность ежедневно бесѣдовать съ нашими читателями, мы остаемся все тѣми же, скромными докладчиками того, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, снабжая порою наши отчеты, какъ дѣлали это и до сихъ поръ, поясненіями всякій разъ, когда увидимъ въ этомъ необходимость. Помимо всякихъ чуждыхъ намъ претензій быть руководителями общественнаго мнѣнія, мы, какъ и всегда, будемъ къ нему прислушиваться, считая себя счастливыми всякій разъ, когда намъ удастся передать его въ возможно вѣрномъ видѣ. Вотъ все, что мы можемъ подтвердить нашимъ читателямъ, приступая къ ежедневному изданію нашей газеты, достаточно извѣстной, чтобы освободить насъ отъ необходимости подробно распространяться объ ея характерѣ».

Сослаться на то, что газета «достаточно извѣстна», чтобы не нуждаться въ новомъ разъясненіи публикѣ «характера» изданія, скромные «докладчики» были въ правѣ. Читатели знали, дѣйствительно, что ихъ маленькая газета прилежно слѣдитъ за всѣмъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. И прежде всего она давала имъ обстоятельные «доклады» о томъ, что дѣ-

лалось въ новыхъ нашихъ общественныхъ учрежденіяхъ, появившихся на этотъ свѣтъ почти одновременно съ нашей газетой, — въ земскихъ собраніяхъ и городскихъ думахъ, въ мировыхъ судахъ и въ новомъ судѣ вообще. Она стремилась отмѣтить и сочувственно поддержать проблески самодѣятельности въ обществѣ и выступала съ горячею отповѣдью всякій разъ, когда усматривала въ общественныхъ учрежденіяхъ и дѣлахъ проявленіе «чиновничьихъ» порядковъ, либо старыхъ грѣховъ барской инертности и крѣпостничества.

Сдѣлавъ освѣщеніе дѣятельности молодыхъ нашихъ общественныхъ и новыхъ судебныхъ учрежденій какъ бы главнымъ пунктомъ своей программы, «Русскія Вѣдомости» конца шестидесятыхъ годовъ отдавали много вниманія и другимъ сторонамъ русской государственной и общественной жизни. А наряду съ этимъ газета внимательно слѣдитъ и за политическою жизнью Западной Европы. Еще до превращенія въ ежедневное изданіе газета Скворцова обзавелась собственными корреспондентами за границей. Постепенно вырастаютъ и становятся постоянными отдѣлы художественный, музыкальный и театральный. Словомъ, переходъ къ ежедневному выпуску нумеровъ застаетъ «Русскія Вѣдомости» уже вполнѣ сформировавшейся газетой прогрессивнаго направленія. Привлеченіе новыхъ сотрудниковъ, въ лицѣ Посникова, Соболевскаго, Чупрова и ихъ друзей и еди-

номышленниковъ, вошедшихъ въ газету со сложившимися убѣжденіями и твердо намѣченной программой въ духѣ широкаго демократизма, дало новый толчокъ развитію газеты: въ рамки скворцовскаго гуманнаго либерализма влито было богатое содержаніе, плодъ вдумчиваго примѣненія данныхъ европейской науки и историческаго опыта къ условіямъ родной дѣйствительности.

Этотъ внутренній ростъ газеты обусловливалъ и ея внѣшній ростъ. Новый болѣе обильный и разнообразный матеріалъ не умѣщался въ старыхъ рамкахъ. Не прошло двухъ лѣтъ, съ преобразованія газеты въ ежедневную, какъ пришлось увеличить форматъ ея: 18-го ноября 1869 года «Русскія Вѣдомости» вышли въ листахъ, заключавшихъ по четыре столбца, въ 120 строкъ каждый. Скоро обнаружилось, что этого небольшого увеличенія недостаточно. 16-го декабря 1870 года объемъ газеты былъ еще увеличенъ (четыре столбца въ 130 строкъ), а еще черезъ полтора года, съ 1-го Августа 1872 года, газета стала выходить листами большого формата въ шесть столбцовъ по 145-ти строкъ.

Расширеніе размѣровъ изданія совпало на этотъ разъ съ переводомъ въ другое помѣщеніе самой редакціи; 20-го іюля 1871 года она вмѣстѣ съ типографіей переходитъ въ новое помѣщеніе (Арбатъ, Кривоникольскій переулокъ, д. Делоне.) Конечно, параллельно съ увеличеніемъ объема газеты приходилось

поднимать и подписную плату на нее: въ срединѣ семидесятыхъ годовъ годовой экземпляръ газеты стоилъ уже въ Москвѣ 7 рублей, въ другихъ городахъ — 8 р. Дальнѣйшее расширеніе газеты въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ побудило еще два раза для покрытія все возраставшихъ расходовъ изданія прибѣгнуть къ той же мѣрѣ. И только затѣмъ, въ теченіе 30-ти лѣтъ, подписная цѣна газеты при всѣхъ перемѣнахъ, направленныхъ къ расширенію ея объема и обогащенію содержанія, могла быть удержана на уровнѣ начала восьмидесятыхъ годовъ.

Такъ складывался внѣшній и внутренній обликъ «Русскихъ Вѣдомостей» въ теченіе долгихъ лѣтъ. Газета давно стала не только правдивымъ «докладчикомъ», но и руководящимъ органомъ русской политической печати совершенно опредѣленнаго направленія. Въ сужденіяхъ на этотъ счетъ теперь едва ли сколько-нибудь разойдутся ея лучшіе друзья и ея злѣйшіе враги. Но не безынтересно, что ту же оцѣнку далъ газетѣ полвѣка назадъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ публицистовъ своего времени Г. З. Елисѣевъ. Во внутреннемъ обозрѣніи «Отечественныхъ Записокъ» (№ 11-й 1875 года) онъ писалъ:

> «Среди газетъ, причисляемыхъ у насъ къ такъ называемой малой прессѣ, самымъ замѣтнымъ образомъ выдѣляется изъ всѣхъ, издаваемая въ Москвѣ, газета «Русскія Вѣдомости».

Несмотря на то, что, по цѣнѣ своей, она болѣе, чѣмъ вдвое, дешевле нашихъ большихъ газетъ, и нѣсколько дешевле даже малыхъ, она смѣло можетъ быть поставлена въ образецъ и тѣмъ, и другимъ по своимъ внутреннимъ качествамъ. Главное ея достоинство состоитъ въ томъ, что она постоянно вѣрна себѣ самой и послѣдовательна. Держась твердо умѣренно-либеральныхъ воззрѣній, она никогда не измѣняетъ имъ ни въ ту, ни въ другую сторону; она не старается завлекать читателя какими-нибудь случайными ультра-либеральными и радикальными выходками; но зато отъ нея не отдаетъ никогда ни запахомъ постнаго масла, какъ отъ «Современныхъ Извѣстій», ни запахомъ аракчеевщины, какъ отъ «Московскихъ Вѣдомостей», ни тѣмъ отвратительнымъ и, большей частью, безъ всякой нужды заявляемымъ холопствомъ, букетъ котораго то и дѣло болѣе или менѣе чувствуется во многихъ изъ нашихъ газетъ. При этомъ, газета «Русскія Вѣдомости» ведетъ свое дѣло вообще толково и, что́ у насъ рѣдко встрѣчается, съ тактомъ, умѣя различать относительную важность представляющихся ей для разсмотрѣнія вопросовъ. Она не пускается съ серьезнымъ видомъ знатока въ безконечныя разсужденія о пустякахъ и не оставляетъ безъ вниманія ни одного серьезнаго вопроса,

давая мѣсто каждому, смотря по его значенію. Ни въ одной газетѣ мы не встрѣчали столько статей по различнымъ сторонамъ крестьянскаго вопроса, какъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: онѣ то и дѣло возвращаются къ нему по каждому, вновь представившемуся, случаю. Одно уже такое упорное настаиваніе на важности одного изъ существеннѣйшихъ и главнѣйшихъ вопросовъ нашей жизни, нынѣ большей частью игнорируемаго, служитъ, по нашему мнѣнію, достаточной рекомендаціей разумности газеты. Ко всему этому я долженъ присовокупить, что, несмотря на свой малый сравнительно съ большими газетами объемъ, «Русскія Вѣдомости» по многимъ вопросамъ даютъ передовыя статьи гораздо основательнѣе и разностороннѣе обработанныя, чѣмъ большія газеты».

Газета была «послѣдовательна» въ принятомъ ею направленіи, хотя именно «забытый» крестьянскій вопросъ со второй половины 70-хъ годовъ становится особенно «вреднымъ» въ глазахъ дворянско-реакціонной администраціи того времени. Она осталась «вѣрна себѣ» и въ позднѣйшія, порой еще болѣе тяжелыя времена, когда, уже безспорно занявъ подобающее мѣсто среди «большой» печати, сосредоточивала на себѣ исключительное вниманіе цензурныхъ и прочихъ властей эпохи гр. Д. Тол-

стого и Феоктистова и ихъ достойныхъ замѣстителей, вплоть до Плеве и Соловьева (главн. нач. ценз.).

Въ эти времена было, конечно, не до «ультралиберальныхъ и радикальныхъ выходокъ» не только «Русскимъ Вѣдомостямъ», всегда ихъ чуждавшимся, но и всей русской печати. Тѣмъ не менѣе, несмотря ни на что, свою проповѣдь въ духѣ гейдельбергскаго рѣшенія, свою «упорную» и «разностороннюю» разработку важнѣйшихъ вопросовъ русской общественной жизни и народнаго хозяйства Россіи «Русскія Вѣдомости» вели непрерывно изо дня въ день, изъ году въ годъ; онѣ возжигали свой свѣтильникъ то ярче, то тусклѣе, но никогда не угашали его, пользуясь каждой возможностью для осуществленія своей программы, но никогда не обольщаясь никакими «вѣяніями» и твердо вѣря лишь въ то, что избранный ими путь, — пробужденіе общественнаго правосознанія и общественной самодѣятельности въ цѣляхъ широкихъ демократическихъ, политическихъ и соціально-экономическихъ реформъ — есть единственный путь къ свободѣ и процвѣтанію родины. И въ періодъ наивысшаго торжества катковско-побѣдоносцевско-толстовской диктатуры, въ 1888 году, въ день 25-тилѣтія газеты, они съ вызванной условіями времени сдержанностью выраженій такъ опредѣляли свою программу, неуклонно проводившуюся на практикѣ:

«Это направленіе достаточно извѣстно нашимъ читателямъ. Отражая въ себѣ, какъ мы имѣемъ основаніе думать, взгляды значительной части общества, оно имѣетъ цѣлью прежде всего, выясненіе русскихъ народныхъ нуждъ и золъ, изысканіе разумныхъ средствъ для удовлетворенія первыхъ и устраненія вторыхъ путемъ своевременныхъ и соотвѣтственныхъ преобразованій и улучшеній, — къ прогрессу нашей родины во всѣхъ многоразличныхъ сферахъ ея народной жизни и производительности. Это направленіе мы въ правѣ назвать патріотическимъ: оно исходитъ изъ чувства любви къ своему народу, управляется сознаніемъ возможности и необходимости его дальнѣйшаго культурнаго развитія, одушевлено глубокой вѣрой въ будущее нашей страны, которая заняла уже видное мѣсто среди другихъ культурныхъ странъ, не только по своей внѣшней силѣ, но и по своей духовной, внутренней мощи, выразившейся какъ въ усвоеніи элементовъ европейской культуры и гражданственности, такъ и въ оригинальныхъ проявленіяхъ русскаго творчества, — въ литературѣ, искусствѣ, наукѣ, промышленности. При обсужденіи вопросовъ какъ иностранной политики, такъ и нашей внутренней жизни, мы всегда держались точки зрѣнія народныхъ интересовъ, не упуская однако изъ вида прин-

циповъ благоразумія и справедливости и избѣгая увлеченій шовинизма. Искренно любя свою родину, мы однако не считали и не считаемъ для себя обязательнымъ восхищаться и преклоняться передъ всѣмъ русскимъ только потому, что это — русское, и раздѣляемъ убѣжденіе, что всякій русскій человѣкъ не только можетъ, но и долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ общечеловѣческой культурной семьи, которому нечуждо ничто человѣческое и который способенъ руководиться всѣмъ разумнымъ и полезнымъ, что дала и даетъ европейская цивилизація. Будучи чужды узкаго доктринерства и вполнѣ признавая все значеніе жизненныхъ условій и практическихъ потребностей, способныхъ видоизмѣнять доктрину въ ея частныхъ приложеніяхъ, мы твердо вѣримъ однако, что есть извѣстные принципы, выработанные культурнымъ человѣчествомъ путемъ вѣковой работы и историческаго опыта, которые не должны быть чужды никому и не могуть быть безъ вреда нарушаемы ни при какихъ условіяхъ.

Вотъ почему мы всегда отстаивали начала, положенныя въ основаніе великихъ реформъ прошлаго царствованія, хотя въ то же время не скрывали отъ себя недостатковъ ихъ практическаго примѣненія и не переставали указывать на пути и мѣры, необходимые для ихъ

дальнѣйшаго развитія. Крестьянская реформа, давшая свободу милліонамъ крѣпостного населенія и уравнявшая въ значительной степени его права съ правами остальныхъ сословій, находила въ насъ горячихъ сторонниковъ; но это не мѣшало намъ указывать всегда на необходимость принятія дополнительныхъ мѣръ для того, чтобы эта реформа принесла настоящіе плоды. Такъ, отстаивая отъ всякихъ посягательствъ общинное землевладѣніе, какъ одну изъ благотворныхъ особенностей нашего народнаго быта, мы доказывали вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость измѣненія многихъ общинныхъ распорядковъ, а также неотложность принятія другихъ мѣръ къ поднятію крестьянскаго благосостоянія, путемъ возможно широкаго крестьянскаго земельнаго кредита и правильной организаціи переселеній, затѣмъ облегченіемъ податной тягости, поощреніемъ кустарныхъ промысловъ, реформой паспортной системы, возможнымъ ограниченіемъ пьянства и кулачества, широкимъ распространеніемъ начальнаго образованія, техническихъ свѣдѣній, лучшихъ орудій производства и т. д. Мы, далѣе, всегда признавали важное значеніе за общественнымъ самоуправленіемъ и высказывались въ пользу возможно широкаго его развитія, но въ то же время мы никогда не принадлежали къ числу

безусловныхъ сторонниковъ нынѣшнихъ земскихъ и городскихъ учрежденій и постоянно указывали на недостатки ихъ организаціи и дѣятельности. Какъ на условія, могущія содѣйствовать улучшенію этихъ учрежденій, мы указывали на измѣненіе избирательной системы, усиленіе на нихъ законодательнаго воздѣйствія и урегулированіе ихъ отношеній къ правительственной власти. Намъ чужда теорія «устраненія власти», которую «охранительные» органы приписываютъ теперь своимъ противникамъ; напротивъ того, мы вполнѣ признаемъ законность и умѣстность государственнаго вмѣшательства не только въ область мѣстнаго управленія, но и въ сферу частнаго хозяйства, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда интересы массы могутъ страдать отъ хищничества, неразсчетливости или бездѣятельности немногихъ. Такъ, мы доказывали необходимость строгаго контроля надъ банковыми и желѣзнодорожными управленіями, надъ фабричными предпріятіями, надъ эксплоатаціей лѣсовъ и другихъ естественныхъ богатствъ страны.

Особенное сочувствіе наше привлекали съ самаго начала новыя судебныя учрежденія, которыя газета наша, еще двадцать два года тому назадъ, привѣтствовала какъ «зарю новой правды» и которыя она считала своей обязан-

ностью защищать отъ нападокъ сторонниковъ подчиненія суда администраціи. Глубокое уваженіе къ новымъ судамъ, созданнымъ по образцу наилучшихъ европейскихъ, не ослѣпляло однако насъ настолько, чтобы не видѣть многихъ частныхъ недостатковъ, напримѣръ, въ институтѣ судебныхъ слѣдователей, мировыхъ судей и т. д. Вообще, порицая нѣкоторыя частности реформъ прошлаго царствованія, мы, повторяемъ, сохраняемъ твердую вѣру въ правильность и плодотворность ихъ основныхъ началъ, въ которыхъ мы видимъ важные шаги къ водворенію законности, этого — неизмѣннаго условія свободы и порядка.

Существеннымъ прогрессомъ Россіи въ культурѣ и гражданственности мы считали распространеніе и поднятіе народнаго образованія. Мы желали возможно большаго развитія земской школѣ и вообще привѣтствовали всѣ мѣры къ расширенію народнаго обученія, которому желали только болѣе правильной постановки, въ видахъ умственнаго и нравственнаго развитія учащихся и болѣе широкаго распространенія среди нихъ полезныхъ свѣдѣній. Признавая, что одна начальная школа еще не способна поднять уровень развитія народной массы, которая нуждается также въ приспособленномъ къ ея потребностямъ матеріалѣ для

чтенія и въ распространеніи техническихъ знаній, мы радовались усилившейся за послѣднее время потребности народа въ чтеніи и попыткахъ лучшаго удовлетворенія ея изданіемъ дешевыхъ книгъ, а также распространенію публичныхъ чтеній среди рабочихъ, общедоступныхъ музеевъ, попытокъ основать техническія училища для крестьянъ и ремесленнаго сословія.

Не меньше вниманія старались мы также удѣлять высшимъ категоріямъ училищъ и вообще вопросамъ учебно-воспитателнаго дѣла, и въ особенности стояли за большую доступность образованія для менѣе состоятельныхъ классовъ общества. Мы указывали также на необходимость въ большей степени сообразоваться въ программахъ съ силами учениковъ, указаніями опыта и ближайшими потребностями общества, а равно на желательность большаго поощренія реальнаго и техническаго образованія, которое находится у насъ какъ бы въ загонѣ, а между тѣмъ существенно важно для успѣховъ нашего отечества въ области техники и промышленности. По отношенію къ высшему, университетскому образованію и наукѣ вообще мы защищали необходимость для ихъ успѣховъ извѣстной свободы и самостоятельности и широкой поддержки со стороны правительства ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежде-

ній. Наконецъ, мы отстаивали по мѣрѣ силъ предоставленіе женщинамъ доступа къ высшему образованію и сочувствовали всѣмъ разумнымъ мѣрамъ, клонившимся къ расширенію женскихъ правъ въ области образованія и связанныхъ съ нимъ профессій.

Имѣя въ виду преимущественно интересы коренного русскаго населенія, мы были часто лишены возможности обращать достаточное вниманіе на интересы нашихъ окраинъ и нашихъ инородцевъ. Но мы всегда держались мнѣнія, что высшая цѣль разумной политики заключается въ умѣломъ согласованіи общегосударственныхъ интересовъ съ интересами различныхъ племенныхъ элементовъ населенія. Вполнѣ признавая пользу возможно большаго и тѣснаго сліянія различныхъ группъ въ одно цѣлое, мы полагаемъ однако, что это сліяніе можетъ скорѣе произойти само собой, путемъ распространенія русскаго языка, знакомства съ русской литературой, путемъ вообще культурнаго воздѣйствія русской народности, чѣмъ посредствомъ какихъ-либо принудительныхъ мѣръ, способныхъ скорѣе поддерживать, чѣмъ устранять племенную рознь.

Въ вопросахъ международной политики, мы, не проводя никакихъ спеціальныхъ симпатій или антипатій, старались поддерживать всегда убѣжденіе въ необходимости сохраненія

возможно дружественныхъ отношеній ко всѣмъ государствамъ и въ великой благотворности мира для народовъ вообще и для русскаго — въ особенности. Но мы вполнѣ признаемъ, что у каждаго государства есть историческія традиціи и задачи, которыя налагаютъ извѣстныя политическія обязательства, и что бываютъ положенія, когда выборъ невозможенъ и приходится жертвовать всѣмъ для охраны достоинства государства.

Голосъ скромнаго органа печати имѣетъ, конечно, весьма ограниченное значеніе въ общемъ ходѣ явленій русской жизни; тѣмъ не менѣе, ежедневная газета, издающаяся въ теченіе многихъ лѣтъ, можетъ, какъ намъ думается, не безъ пользы послужить посильно обществу, способствуя уясненію слагающихся въ немъ взглядовъ, выставляя по возможности на видъ недуги, непорядки и нужды страны и поддерживая, одобряя всякія добрыя начинанія, всякое честное стремленіе къ правдѣ, свѣту и поднятію народнаго благосостоянія. Однако, условіемъ для такого служенія мы всегда считали вѣрность извѣстнымъ идеаламъ и убѣжденіямъ и честное обращеніе съ печатнымъ словомъ. Насколько мы стояли на высотѣ такой задачи и насколько вообще, при данныхъ условіяхъ среды и времени, дѣятель-

ность «Русскихъ Вѣдомостей» соотвѣтствовала тѣмъ требованіямъ, которыя могли бы быть къ ней предъявлены, — судить, конечно, не намъ; но если намъ удалось послужить, хотя въ самой малой степени, распространенію въ русскомъ обществѣ началъ прогресса и гуманности, то мы можемъ считать, что нашъ трудъ не былъ напраснымъ и наши страданія не пропали даромъ» («Русск. Вѣд.», 1888 г., № 243, отъ 3-го сентября).

Позднѣе, когда русская печать получила возможность заговорить болѣе яснымъ, болѣе свободнымъ языкомъ, «Русскія Вѣдомости», сжато излагали эту «свою давнишнюю» программу такъ:

«Свобода личности и ея гарантіи; свобода совѣсти, печати, собраній и союзовъ; народное представительство, построенное на началахъ всеобщаго избирательнаго права и активно участвующее въ законодательствѣ и въ контролѣ надъ дѣйствіями администраціи; основной законъ, выработанный народными представителями и утвержденный Государемъ; самыя широкія законодательныя мѣропріятія къ поднятію и упроченію благосостоянія трудовыхъ народныхъ массъ соотвѣтственно началамъ соціальной справедливости; усиленная дѣятельность по развитію и распространенію народнаго обра-

зованія и просвѣщенія; возможно болѣе полное признаніе правъ различныхъ національностей имперіи на культурное самоопредѣленіе и самоуправленіе, — вотъ тѣ главныя вѣхи, по которымъ предстоитъ, по нашему мнѣнію, идти впередъ русскому народу, которымъ мы и считаемъ себя обязанными слѣдовать въ нашей скромной дѣятельности, какъ органа печати» (См. «Русск. Вѣд.», 1906 г., № 1).

Это было сказано въ первый же день по возобновленіи газеты послѣ пріостановки на основаніи чрезвычайной охраны. А два года спустя, провожая въ могилу одного изъ своихъ заслуженнѣйшихъ и доблестнѣйшихъ дѣятелей, «Русскія Вѣдомости» еще разъ напомнили содержаніе своей старой программы и подтвердили, что она была и остается знаменемъ газеты. Слова эти, вылившіяся подъ свѣжимъ впечатленіемъ горькой утраты, формулировали основныя положенія, опредѣляющія «направленіе» газеты на протяженіи многихъ десятковъ лѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ воздавали должное одному изъ тѣхъ, кои по справедливости должны считаться основоположниками этого «направленія».

Скончался Александръ Ивановичъ Чупровъ! — отъ имени «Рус. Вѣд.» писалъ я 26-го февраля 1908 года. — Другіе скажутъ, чѣмъ онъ былъ для науки, для Московскаго университета, для

Москвы, какое мѣсто занималъ въ русской общественной жизни, какую роль сыгралъ въ дѣлѣ просвѣщенія своей родины. Намъ, его товарищамъ по газетѣ, съ которой его связывали тѣснѣйшія отношенія въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, — намъ, членамъ его литературной семьи, надлежитъ сказать, чѣмъ онъ былъ для «Русскихъ Вѣдомостей».

Онъ не былъ редакторомъ нашей газеты, но и имя сотрудника ея, самаго близкаго, самаго постояннаго, самаго вліятельнаго, не даетъ даже отдаленнаго представленія объ его положеніи въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Оно было совершенно исключительнымъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ, коихъ можно назвать въ полномъ смыслѣ слова создателями газеты, творцами ея духовнаго облика. Онъ былъ однимъ изъ основоположниковъ того литературно-политическаго направленія, которому наша газета вѣрно и неизмѣнно, при всякихъ обстоятельствахъ, служитъ на протяженіи многихъ лѣтъ. Онъ былъ дѣятельнѣйшимъ членомъ маленькаго кружка молодыхъ ученыхъ и писателей, отважившихся при самомъ подъемѣ реакціи противъ преобразованій второй половины девятнадцатаго вѣка, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, выступить съ проповѣдью, которая была одновременно и продолженіемъ дѣла освобо-

дительной эпохи, и новымъ дѣломъ соціальнаго и политическаго пересозданія отечества въ духѣ широкихъ демократическихъ идей, на основѣ многовѣкового опыта европейской цивилизаціи, въ соотвѣтствіи съ жизненными условіями родной страны и практическими потребностями времени.

Впослѣдствіи, черезъ много лѣтъ послѣ того, какъ это знамя было поднято Чупровымъ и его друзьями, — изъ нихъ теперь остается въ живыхъ лишь два—три человѣка, — оно собрало вокругъ себя многія тысячи убѣжденныхъ сторонниковъ, усердныхъ, самоотверженныхъ работниковъ на различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Быть можетъ, не одна изъ современныхъ и будущихъ политическихъ партій нашихъ готова будетъ признать въ этой горсти ученыхъ и литераторовъ семидесятыхъ годовъ своихъ родоначальниковъ и духовныхъ вождей. Но было время, когда арена дѣятельности для людей этого направленія ограничивалась листомъ небольшой московской газеты, созданной Чупровымъ и его друзьями, и прошли долгіе годы, прежде чѣмъ взоры сѣятеля порадованы были первыми всходами и въ сердце его вселилась, не говоримъ увѣренность, но хоть надежда, что дѣлу, которому онъ отдалъ свою жизнь, обезпечена прочная будущность, что за крошечнымъ авангардомъ, который онъ велъ,

идутъ тысячи новыхъ, сильныхъ и даровитыхъ работниковъ.

Александръ Ивановичъ Чупровъ вмѣстѣ съ немногими своими сверстниками началъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» трудъ возбужденія, мы смѣемъ сказать, великаго движенія. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» же онъ продолжалъ работать надъ укрѣпленіемъ и расширеніемъ этого дѣла своей жизни, не прерывая съ ними связи и тогда, когда для него самого открывалась возможность служить тому же дѣлу и на другихъ поприщахъ. Онъ продолжалъ работу въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и тогда, когда недугъ заставилъ его покинуть родину. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» раздалось и послѣднее его слово на защиту дорогихъ интересовъ русскаго народа и во имя высокаго идеала соціальной справедливости, вдохновлявшаго нашего друга и учителя въ теченіе всей его жизни» («Русск. Вѣд.», 1908 г., № 47).

Эта статья относилась къ Чупрову. Но если откинуть то, что касается собственно его личной роли въ исторіи газеты и замѣнить тѣмъ, что характеризуетъ работу его товарищей, Посникова и Соболевскаго, то получится близкая къ дѣйствительности оцѣнка ихъ общей заслуги передъ газетой. Самъ Чупровъ, въ опубликованномъ письмѣ 1907 г. къ Соболевскому, касаясь той же темы, говоритъ:

«Живо помню я то время, когда ты впервые началъ подписывать «Русскія Вѣдомости», какъ редакторъ. Къ шаткому положенію нашего изданія послѣ кончины Н. С. Скворцова присоединилась мрачная перспектива для печати, возникшая съ воцареніемъ реакціи. Нужно было одновременно устраивать судьбу изданія и принимать мѣры къ оживленію газеты, которая при водворившемся режимѣ рисковала лишиться самаго интереснаго своего содержанія. Первый вопросъ ты съ успѣхомъ разрѣшилъ передачей дѣла въ руки товарищества ближайшихъ сотрудниковъ, а второй чрезъ привлеченіе къ участію въ газетѣ цѣлаго ряда знаменитыхъ литераторовъ и публицистовъ, изъ которыхъ на первыхъ мѣстахъ стояли покойные М. Е. Салтыковъ и Н. К. Михайловскій. Украсившись крупными именами, сомкнувъ вокругъ себя для текущей работы кругъ талантливыхъ сотрудниковъ, упорядоченная въ своемъ хозяйственномъ строѣ, газета наша быстрыми и вѣрными шагами пошла впередъ; кругъ читателей постепенно расширялся, и газета стала пріобрѣтать все большее и большее общественное значеніе. Причина этого успѣха заключалась несомнѣнно въ томъ направленіи и тонѣ, которые удалось тебѣ придать газетѣ и неуклонно поддержать въ теченіе четверти вѣка. Ты твердо велъ изданіе по

опредѣленной программѣ, не допуская уклоненій ни вправо, ни влѣво. Читатель нашей газеты всегда могъ знать, какъ она отзывается на каждое явленіе общественной жизни. Заботясь всячески объ обогащеніи газеты интереснымъ содержаніемъ, ты не допускалъ однако потворства вкусамъ толпы, чуждался тѣхъ пріемовъ, какими иныя изданія завоевывали себѣ популярность. Лишенная всякихъ внѣшнихъ прикрасъ, наша газета подчасъ признавалась скучной, но тѣмъ не менѣе публика съ каждымъ годомъ стремилась къ ней все больше и больше, явно предпочитая ее другимъ, которыя, казалось бы, велись живѣе и развязнѣе. Въ чемъ же здѣсь секретъ? Въ томъ, на мой взглядъ, что редакція всегда заботилась прежде всего о дѣльности содержанія, поручая разработку каждаго вопроса людямъ наиболѣе въ немъ компетентнымъ, что мнѣнія, высказываемыя въ газетѣ, всегда были честны и искренни, всегда свободны отъ какихъ бы то ни было чуждыхъ вліяній и постороннихъ интересовъ. Въ нашемъ отечествѣ народился читатель, который всего дороже цѣнить эту добросовѣстность и независимость убѣжденій и изъ-за нихъ готовъ помириться съ недостаткомъ заурядной бойкости. Въ томъ, что газета удержалась на этомъ пути, заключается великая твоя заслуга. Ты сумѣлъ объединить

сотрудниковъ въ цѣлесообразной работѣ. Влагая всю свою душу въ газетное дѣло, ты и у другихъ возбуждалъ къ нему живой интересъ, а своимъ гуманнымъ и полнымъ такта отношеніемъ къ ихъ работѣ поощрялъ энергію. На себѣ самомъ мнѣ приходилось постоянно убѣждаться, какъ умѣешь ты заставить человѣка заняться во-время даннымъ вопросомъ, направить работу мысли въ желательныя рамки, а въ случаѣ надобности внести въ ея продуктъ цѣлесообразныя исправленія.

Но чего стоило тебѣ добиваться такихъ результатовъ. Мнѣ ясно представляются въ настоящую минуту то напряженіе силъ, тѣ безсонныя ночи, тѣ изорванные нервы, словомъ, — всѣ тѣ жертвы, какими достигается при вѣчномъ спѣхѣ ежедневной работы, при непрерывно грозящихъ опасностяхъ выпускъ такого изданія, какъ «Русскія Вѣдомости». Въ то время, какъ другіе участники пользовались отдыхомъ, тебѣ зачастую, почти безъ посторонней помощи, приходилось быть прикованному къ редакторскому столу и не оставлять его, несмотря но полное изнеможеніе, до тѣхъ поръ, пока не придетъ вѣрная смѣна.

Много силъ изжито тобой, много заботъ приложено за истекшую четверть вѣка, но вѣдь и было изъ-за чего затрачивать то и другое.

Изданіе такой газеты, какъ наша, представляетъ собой огромной важности государственное дѣло. Постепенно, капля за каплей, шагъ за шагомъ, подготовлялось, въ числѣ другихъ факторовъ, трудами твоими и твоихъ сотрудниковъ то освободительное движеніе, какимъ ознаменовались послѣдніе годы. Однако, роль газеты еще далеко не закончена въ этой области. Важно вызвать въ обществѣ извѣстное теченіе, но еще важнѣе направить его въ вѣрное русло, — и здѣсь-то предстоитъ еще масса плодотворной работы».

Какъ ни справедливо все сказанное здѣсь по адресу покойнаго редактора, еще справедливѣе будетъ сказать, что дѣло Соболевскаго неотдѣлимо, поскольку рѣчь идетъ о «Русскихъ Вѣдомостяхъ», отъ дѣла Чупрова и Посникова. Теперь даже мудрено установить, что именно внесено каждымъ изъ нихъ. И если ужъ отмѣчать особенныя заслуги каждаго, то въ этомъ мѣстѣ по справедливости надо указать на одну изъ крупныхъ заслугъ Посникова.

Въ свое время Скворцовъ сумѣлъ привлечь къ газетѣ нашихъ «гейдельбергцевъ». Но старое — старится, молодое растетъ. Смѣна поколѣній работниковъ въ дѣлѣ, ведущемся десятки лѣтъ, неизбѣжна; наизбѣжно и умѣлое приложеніе основныхъ принциповъ программы къ мѣняющимся условіямъ и потребностямъ жизни, а это дѣлаетъ необходимымъ

своевременное привлеченіе къ дѣлу свѣжихъ силъ изъ рядовъ новыхъ поколѣній. Удачный выборъ людей для продолженія дорогого дѣла — одна изъ самыхъ важныхъ задачъ для каждаго дѣятеля. Знамя должно быть передано въ достойныя руки, и въ этомъ отношеніи великую услугу оказалъ «Русскимъ Вѣдомостямъ» А. С. Посниковъ. Слагая съ себя редакторскія обязанности въ 1896 году, онъ оставилъ сильный кадръ молодыхъ работниковъ, проникнутыхъ тѣмъ же духомъ, что и основоположники «Русскихъ Вѣдомостей», и не бѣдныхъ ни знаніями, ни талантомъ, ни волей. Въ ихъ числѣ были Г. Б. Іоллосъ, М. Я. Герценштейнъ, В. Е. Якушкинъ, А. А. Мануиловъ, И. Н. Игнатовъ[1]), — именно тѣ, кто былъ призванъ сыграть и сыгралъ дѣйствительно крупную, руководящую роль въ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» послѣдующихъ двухъ десятилѣтій. И всѣ

---

[1]) Игнатовъ, И. Н. (1858—1921), публицистъ, членъ товарищества «Русскихъ Вѣдомостей». Началъ писать въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» съ 1888 г., еще будучи земскимъ врачемъ, съ 1893 г. становится постояннымъ сотрудникомъ газеты, былъ одно время помощникомъ редактора, въ 1907—14 г.г. — состоялъ редакторомъ, съ 1914 г. до закрытія изданія завѣдывалъ литературнымъ отдѣломъ и отдѣломъ искусства въ газетѣ, а также предсѣдателемъ хозяйственнаго органа издательства. Въ теченіе ряда лѣтъ съ 1894 г. велъ литературно-критическіе и театральные обзоры. Его публицистическія статьи, по преимуществу, на общія политическія темы, появлялись въ газетѣ также довольно часто.

они, — безъ исключенія *всѣ*, — были привлечены къ дѣлу А. С. Посниковымъ. Позднѣе имъ на смѣну и на помощь пришли и другіе даровитые, свѣдущіе и убѣжденные люди, участію которыхъ газета много обязана. Но важно было создать основной кадръ носителей того «моральнаго знамени», подъ которымъ полвѣка выступала газета. И онъ былъ созданъ.

Самъ Посниковъ, однако, въ рѣчи на пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ газеты нашелъ справедливымъ указать на выдающіяся заслуги по созданію «Русскихъ Вѣдомостей» такими, какими онѣ были, еще нѣсколькихъ лицъ. «Трудно перечислить, — говорилъ онъ, — всѣхъ, кто имѣлъ вліяніе на газету, но нельзя обойти молчаніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые играли исключительную роль въ ея жизни. Къ такимъ лицамъ принадлежалъ, хотя и не писавшій въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», проф. Н. И. Зиберъ, — одна изъ выдающихся фигуръ въ жизни газеты, затѣмъ Е. И. Якушкинъ, авторъ «Обычнаго права»; близко стоявшій къ газетѣ и оказавшій на нее благотворное вліяніе, Н. К. Михайловскій, М. П. Щепкинъ, а также В. Е. Якушкинъ и М. Я. Герценштейнъ. Съ двумя послѣдними, какъ и съ тѣми, которые стоятъ нынѣ во главѣ «Русскихъ Вѣдомостей» (редакторами тогда были И. Н. Игнатовъ, А. А. Мануиловъ и авторъ этой книги), мы работали, такъ сказать, плечо въ плечо, въ теченіе ряда лѣтъ ежедневно».

Имя Н. И. Зибера, не писавшаго въ газетѣ (точ-

нѣе было бы сказать, принимавшаго очень небольшое участіе въ семидесятыхъ годахъ), помянуто здѣсь не напрасно, ибо именно Зиберу принадлежала иниціатива Гейдельбергскаго съѣзда и видная на немъ роль. Коснувшись этого съѣзда, Посниковъ, пережившій всѣхъ своихъ товарищей по нему, могъ съ удовлетвореніемъ сказать въ той же рѣчи: «Поскольку это было возможно, участники Гейдельбергскаго съѣзда выполнили данное на немъ обѣщаніе». Но сказать, что задачи, поставленныя тогда, были разрѣшены въ жизни, ораторъ, разумѣется, не могъ. И потому совершенно естественно его рѣчь закончилась выраженіемъ надежды и увѣренности, что работники газеты будутъ слѣдовать старой ея программѣ. «И при выполненіи этой, такъ называемой гейдельбергской программы, стремясь къ осуществленію идеала правового государства, они не забудутъ экономической стороны жизни, которая должна стоять на авансценѣ. Хозяйственные интересы страны, особенно интересы крестьянства, и впредь не будутъ забыты ими, а, наоборотъ, будутъ стоять впереди, какъ требованія, которыя рано или поздно должны быть непремѣнно выполнены».

Въ отвѣтъ на это обращеніе, тогда же, въ рѣчи А. А. Мануилова, отъ имени редакціи послѣдняго періода въ исторіи газеты, прозвучали слова, которыя могутъ служить лучшимъ выраженіемъ credo «Русскихъ Вѣдомостей», глубокихъ и основныхъ положе-

ній программы, которымъ газета осталась вѣрной до конца.

«Ставъ органомъ русской прогрессивной мысли, «Русскія Вѣдомости» никогда ни къ какому классу не примыкали и никакихъ классовыхъ интересовъ не отстаивали. Онѣ неизмѣнно стояли на внѣклассовой точкѣ зрѣнія. И въ этомъ заключалась особенность занятаго ими положенія и руководящее начало ихъ дѣятельности. «Русскія Вѣдомости» видѣли свою миссію въ отстаиваніи началъ русской культуры, какъ вѣтви культуры общечеловѣческой, — единственно прочной основы прогресса во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни и поэтому одинаково дорогой для всякаго класса, размуно понимающаго свои интересы.

«Не романтическая идеализація историческаго прогресса, закрывающая глаза на соціальные противорѣчія и конфликты была исходной точкой отправленія «Русскихъ Вѣдомостей». Напротивъ, можно смѣло утверждать, что нигдѣ въ русской печати не получали эти конфликты и противорѣчія болѣе внимательнаго освѣщенія, чѣмъ на страницахъ нашей газеты. Но нигдѣ не проводилась съ большей настойчивостью и та мысль, что необходимымъ условіемъ поступательнаго движенія страны служитъ охраненіе и укрѣпленіе ея культурнаго достоянія путемъ направленія соціальной борьбы въ русло мирнаго согласованія сталкивающихся интересовъ съ помо-

щью свободной и закономѣрной самодѣятельности заитересованныхъ сторонъ и разумнаго строительства трезвой государственной мысли.

«Русская культура, — это духовное и матеріальное наслѣдіе русскаго народа, сумма цѣнностей, созданныхъ имъ въ его многовѣковой исторіи, — то, чѣмъ можетъ по праву гордиться Россія и ради чего ей стоитъ жить; что она создала и на чемъ она призвана создать грядущее. Борьба за нормальныя условія этой созидательной работы, это — лозунгъ прогресса. Но это вмѣстѣ съ тѣмъ — и лозунгъ соціальной справедливости и политической свободы. Это — объединительное знамя русской интеллигенціи и великаго трудового народа, творческія силы котораго требуютъ простора. И въ этомъ совпаденіи интересовъ трудовой демократіи съ интересами культуры «Русскія Вѣдомости» всегда усматривали единственную надежную гарантію правильности государственнаго и общественнаго развитія Россіи и прочный залогъ ея національной мощи.

«Таковы руководящія начала «Русскихъ Вѣдомостей».

«Жизнь продолжаетъ ставить новыя и новыя задачи; возникаютъ новыя общественныя теченія; слагаются новые взгляды и новыя настроенія. Подлежатъ соотвѣтственному пересмотру программы и точки зрѣнія: ибо прошлое не должно порабощать настоящаго, и мертвые не должны владѣть живыми.

Но въ измѣнчивости временъ для «Русскихъ Вѣдомостей» остается непоколебимымъ и священнымъ переданный имъ ихъ созидателями завѣтъ честнаго служенія идеямъ труда и демократіи и великимъ началамъ справедливости, права и свободы».

Сейчасъ, черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ сказаны эти слова, и черезъ пять лѣтъ послѣ того, какъ смолкъ голосъ газеты, можно только подтвердить, что этому завѣту она до конца была вѣрна.

V

«Рука дающаго не оскудѣваетъ» — писалъ нѣкогда Аксаковъ, получивъ предостереженіе. «Русскія Вѣдомости» были постоянно излюбленнымъ объектомъ начальственныхъ воздаяній во всевозможныхъ формахъ, на какія только способна была надзирающая за печатью правительственная власть. Одна изъ этихъ карательныхъ мѣръ, — воспрещеніе розничной продажи газеты, — примѣнялась къ «Русскимъ Вѣдомостямъ» такъ часто, какъ ни къ какому другому изданію. Можно подумать, что эта кара, — кстати сказать, установленная незаконно и примѣнявшаяся съ явнымъ нарушеніемъ смысла того положенія комитета министровъ, на которомъ она якобы основывалась, — была и изобрѣтена, главнымъ образомъ, въ расчетѣ на борьбу съ «Русскими Вѣдомостями» и подобными имъ изданіями. Въ самомъ дѣлѣ, по отношенію къ газетѣ, не позволяющей себѣ никакихъ крикливыхъ «выходокъ», — что можетъ быть удобнѣе такого воздѣйствія, которое не обязываетъ власть къ объясненію причинъ своей немилости и даже къ указанію ближайшаго повода для наложенія кары. Тяжесть этого «предостереженія» безъ мотивовъ ощущается изданіемъ вдвойнѣ: оно служитъ и угрозой, такъ какъ формальное предостереженіе, — этапъ къ запрещенію, — на основаніи закона 6-го

апрѣля 1865 г. зависитъ отъ того же представителя власти; оно является и чувствительнымъ взысканіемъ, тѣмъ болѣе чувствительнымъ, чѣмъ распространеннѣе газета, нанося ей непосредственно значительный матеріальный ущербъ. «Русскія Вѣдомости» систематически разорялись этими запрещеніями розничной продажи въ теченіе долгихъ лѣтъ: какъ только въ 1870 году министерство внутреннихъ дѣлъ рѣшило примѣнить къ повременной печати комитетское постановленіе объ этомъ своеобразномъ регулированіи торговли въ разносъ произведеніями печати, розничная продажа нумеровъ «Русскихъ Вѣдомостей» была воспрещена на три мѣсяца съ лишкомъ, съ 22-го сентября по 29-е декабря. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ вновь усмотрѣлъ опасность отъ распространенія этой газеты отдѣльными нумерами: 3-го сентября 1871 г. она была вторично воспрещена въ розничной продажѣ, на этотъ разъ ужъ на полгода. Отмѣна распоряженія послѣдовала только 8-го марта 1872 года. Промежутокъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе котораго власть допускала неограниченное распространеніе газеты, очевидно, не образумилъ ея редакцію: поэтому, вѣроятно, принята была еще болѣе рѣшительная мѣра, — изъятіе «Русскихъ Вѣдомостей» изъ обращенія въ розничной торговлѣ на полтора года, съ 1-го февраля 1873 года по 26-е мая 1874 года.

Но и этого было мало для маленькаго въ то

время листка, осмѣлившагося сдержанно, но толково и настойчиво говорить о насущнѣйшихъ нуждахъ русскаго народа: прежде, чѣмъ кончился запретъ на розничную продажу «Русскихъ Вѣдомостей», имъ было объявлено первое формальное предостереженіе. Оно гласило: «фельетоны, напечатанные въ №№ 254 и 260 «Русскихъ Вѣдомостей», заключаютъ въ себѣ въ крайне-цинической формѣ враждебное сопоставленіе различныхъ классовъ населенія и въ частности оскорбительное отношеніе къ дворянскому сословію». Достаточно сказать, что поводомъ для этого предостереженія послужили «Замѣтки и наблюденія» Скромнаго Наблюдателя, которыя всегда велись въ шутливомъ, но въ сущности безобидномъ тонѣ, чтобы понять, что дѣло было не въ однѣхъ колкостяхъ и остротахъ А. П. Лукина. Если въ это время для редактора «Отечественныхъ Записокъ» ясны были основныя черты идейной программы молодой газеты, то цензурныя власти съ не меньшей ясностью видѣли, что «направленіе» «Русскихъ Вѣдомостей», при всей ихъ сдержанности и лойяльности, представляетъ для бюрократическо-дворянской реакціи, стоявшей у руля правительственнаго корабля, большую опасность, чѣмъ какія бы то ни было «случайныя (говоря словами Г. З. Елисѣева) ультра-либеральныя и радикальныя выходки». И «одно уже такое упорное настаиваніе на важности одного изъ существеннѣйшихъ и главнѣйшихъ вопросовъ нашей жизни», — крестьян-

скаго вопроса въ широкомъ смыслѣ слова, — одно это «настаиваніе», такъ радовавшее стараго журналиста, побуждало министра внутреннихъ дѣлъ говорить объ «оскорбленіи дворянскаго сословія» и возбужденіи газетою классовой «вражды».

Слѣдующее «предостереженіе», данное 28-го іюня 1878 года за статью о крестьянскомъ малоземельи и чрезмѣрности крестьянскихъ платежей (передовыя въ №№ 138, 144 и 146 «Русск. Вѣдом.» 1878 г., написанныя В. М. Соболевскимъ), ставило точку надъ і, прямо указывая, что именно возбуждало въ извѣстныхъ сферахъ особенную непріязнь къ газетѣ.

Интересно, что много лѣтъ спустя, 19-го ноября 1891 года, министръ внутреннихъ дѣлъ усмотрѣлъ «упорство» газеты во «вредномъ и предосудительномъ» направленіи въ коротенькомъ сообщеніи, даже только въ опечаткѣ вкравшейся въ телеграмму опять-таки по жгучему вопросу крестьянской жизни, о наличныхъ запасахъ хлѣба въ голодный годъ. Въ дѣйствительности, ближайшимъ поводомъ для «предостереженія» въ этомъ случаѣ послужила статья Л. Н. Толстого «Страшный вопросъ». Только цензура не сочла удобнымъ прямо указать на эту статью, вѣроятно, опасаясь привлечь къ ней должное вниманіе читателей. Но и эта статья великаго писателя только подлила масла въ огонь: истинная причина правительственнаго гнѣва, заставившаго вспомнить о полузабытыхъ въ то время «предостереженіяхъ», — не было

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
В ЮГО-СЛАВІИ

въ нихъ надобности предупреждать было «предупреждено», — истинная причина заключалась въ томъ, что въ годину страшнаго народнаго бѣдствія въ русскомъ обществѣ, казалось, совершенно «умиротворенномъ» толстовской диктатурой, пробудилось открытое недовольство правительственной политикой и желаніе активно помочь голодающимъ. «Русскія Вѣдомости», всегда будившія общественную самодѣятельность, конечно, и въ данномъ случаѣ не уклонились отъ посильнаго исполненія своей задачи, которую они считали всегда существенно важной, а потому на нихъ именно прежде всего и обрушилась карающая рука блюстителей «порядка».

По условіямъ того времени это былъ настолько исключительный случай, — предостереженіе считалось «вторымъ», а «третье» влекло пріостановку и особую толстовскую «карательную» цензуру, — что въ литературныхъ кругахъ распространилась вѣсть о предстоящемъ закрытіи «Русскихъ Вѣдомостей». Этого не случилось, и Плеве, тогдашній товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, объявилъ одному изъ членовъ редакціи, явившемуся въ министерство по дѣламъ газеты, что только необыкновенная «мягкость» министра внутреннихъ дѣлъ (И. Н. Дурново) и несклонность его къ рѣшительнымъ мѣрамъ удержала правительство отъ закрытія «Русскихъ Вѣдомостей» на этотъ разъ. Въ дѣйствительности, конечно, спасло газету то возбужденіе, которое охватило тогда даже

верхніе слои общества и заставило правительство съ лихорадочной поспѣшностью приняться за организацію помощи голодающему народу: пустить въ оборотъ продовольственной кампаніи десятки милліоновъ казенныхъ денегъ, учредить «либеральный» по тому времени правительственный комитетъ для сосредоточенія общественной благотворительности и даже прогнать съ насиженныхъ мѣстъ очень вліятельныхъ чиновниковъ, объявленныхъ козлами отпущенія за грѣхи правительства. Такой моментъ былъ, разумѣется, не совсѣмъ удобенъ для сведенія окончательныхъ счетовъ съ вліятельной газетой, не любящей «выходокъ», но «упорно» идущей въ своемъ «направленіи». И мечъ, занесенный надъ нею, пришлось до поры до времени спрятать въ ножны.

Это не значитъ, что тихая осада газеты цензурной властью, постоянныя попытки подорвать ея благосостояніе и внушить неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ прекратились: воспрещенія розничной продажи, эти немотивированныя и незаконныя предостереженія, сыпались на «Русскія Вѣдомости» безостановочно. Распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, которыми газета пока то и дѣло лишалась одного изъ важнѣйшихъ путей распространенія на долгіе мѣсяцы, повторялись (кромѣ тѣхъ трехъ разъ, о которыхъ мы уже упоминали, еще въ 1874, 1878, 1884, 1886 (дважды), въ 1887, 1895, 1896, 1905 гг. Этотъ рядъ цифръ долженъ быть пополненъ также нѣсколькими про-

межуточными годами, такъ какъ зачастую случалось, что запрещеніе, послѣдовавшее въ одномъ году, сохраняло силу и въ слѣдующемъ. Отъ этого способа карательнаго воздѣйствія на «Русскія Вѣдомости» правительство не отказывалось, можно сказать, до послѣдней минуты существованія у министра внутреннихъ дѣлъ права, или, вѣрнѣе, возможности пользоваться имъ. Весь бурный 1905 годъ нумера «Русскихъ Вѣдомостей» нельзя было пріобрѣсти въ розничной продажѣ: запрещеніе, послѣдовавшее 14-го января этого года, т. е. на другой день по полученіи въ Петербургѣ московскихъ откликовъ на «кровавое воскресенье», сохраняло свою силу до... 18-го октября. Послѣ объявленія манифеста о свободахъ подобныя мѣры обузданія печати оказались неудобными... Къ административной расправѣ съ печатью у насъ, конечно, все-таки, вернулись очень скоро, и система взысканій, мудро соединяющихъ изъявленіе начальственной немилости съ значительнымъ матеріальнымъ ущербомъ для изданія, возстановлена въ видѣ штрафовъ на основаніи «чрезвычайной» и «усиленной охраны». Щедрую дань этому новому способу административной репрессіи, столь же мало законному, какъ и недоброй памяти воспрещенія розничной продажи, «Русскія Вѣдомости» успѣли заплатить въ немногіе годы нашей своеобразной «свободы печати». Но прежде, чѣмъ вступить въ этотъ періодъ совмѣстнаго воздѣйствія на печать судебныхъ и администра-

тивныхъ скорпіоновъ, газета должна была испытать на себѣ до конца весь арсеналъ дореформенныхъ мѣръ «укрощенія своенравной».

Въ числѣ разнообразныхъ способовъ воздѣйствія на печать въ Москвѣ въ старые годы практиковалась одна мѣра такъ сказать непубличнаго характера: вызовъ редактора къ главному представителю московской администраціи, — къ генералъ-губернатору для келейной бесѣды. Эти бесѣды служили какъ бы дополненіемъ къ министерскимъ циркулярамъ, воспрещавшимъ, со ссылкою на ст. 140-ю тогдашняго Устава о цензурѣ и печати, касаться въ печати того или другого вопроса государственной важности.

Извѣстно, что министерскіе циркуляры были такъ многочисленны и захватывали такую широкую область интересовъ, не только общественныхъ, но и частныхъ, что въ точности выполнить ихъ не могло бы ни одно періодическое изданіе. Даже сама цензура не всегда была въ состояніи разобраться въ этихъ тенетахъ запретнаго для печати, а печать вольно и невольно постоянно нарушала циркуляры министра, рискуя поплатиться, и на самомъ дѣлѣ платясь, за ослушаніе и недосмотры. Казалось бы, при такихъ условіяхъ московской администраціи уже нечего было дѣлать. Но въ дѣйствительности она заботливо опекала московскую печать и къ общимъ министерскимъ ограниченіямъ прибавляла свои собственныя. Иногда это были мѣры предупредительныя: по редакціямъ

газетъ разъѣзжалъ старшій инспекторъ типографіи и развозилъ устныя предписанія генералъ-губернатора не касаться такого-то вопроса или происшествія. Иногда, въ болѣе важныхъ случаяхъ, происходили личныя объясненія съ главою московскихъ властей. Во что обращались порою эти бесѣды, и съ чѣмъ приходилось иногда бороться редакторамъ «Русскихъ Вѣдомостей», ярко рисуетъ одинъ находящійся въ нашемъ распоряженіи документъ.

Въ 1878 году произошло извѣстное избіеніе студентовъ мясниками въ Охотномъ ряду, — «мясницкая исторія», какъ называетъ это возмутительное побоище, учиненное на глазахъ и не безъ подстрекательства московской полиціи, Е. И. Апрѣлева-Ардовъ, работавшая въ то время въ газетѣ. «Въ кіевскомъ университетѣ — разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ г-жа Ардовъ-Апрѣлева — произошли безпорядки... Случай незаурядный для того времени. Нѣсколькихъ студентовъ арестовали и присудили къ высылкѣ. Арестованные по доставленію ихъ въ Москву прослѣдовали въ закрытыхъ экипажахъ съ вокзала на вокзалъ въ сопровожденіи довольно большой толпы московскихъ студентовъ, пожелавшихъ проводить кіевскихъ товарищей до пункта ихъ отправленія изъ Москвы. Путь шелъ черезъ Охотный рядъ. Здѣсь, — кому изъ чиновъ полиціи пришла злосчастная и преступная мысль разсѣять толпу студентовъ при помощи мясниковъ Охотнаго ряда, осталось неизвѣстнымъ, —

произошло нѣчто безобразное!.. Избивали беззащитныхъ людей, избивали ни въ чемъ неповинныхъ прохожихъ; проѣзжающихъ стаскивали съ пролетокъ... Студенты спасались бѣгствомъ за ограду университета, въ стѣнахъ университета, въ аудиторіяхъ, гдѣ въ то время шли лекціи... Вѣсть объ избіеніи быстро разнеслась»... Нумеръ «Русскихъ Вѣдомостей», въ которомъ ожидался редакціонный откликъ на эту злобу дня, повидимому, возбудилъ нѣкоторыя опасенія въ полицейскихъ сферахъ. По словамъ г-жи Апрѣлевой, онъ «былъ отпечатанъ и снятъ со станка въ присутствіи чиновъ полиціи». Покойный А. П. Лукинъ, разсказывая о томъ же, описывалъ, между прочимъ, такой комическій эпизодъ. Полиція, повидимому, ожидала, что цензурный комитетъ воспользуется въ этомъ случаѣ той статьей стараго цензурнаго Устава, которая разрѣшала цензорамъ конфисковать особенно опасные нумера періодическихъ изданій. Конфискаціи въ то время были, однако, не въ обычаѣ, на нихъ мѣстные органы цензуры отваживались рѣдко, вѣроятно, лишь по прямому предписанію изъ Петербурга, но все же бывали случаи, что городовые ходили въ Москвѣ по квартирамъ подписчиковъ газетъ и отбирали полученные и, быть можетъ, уже прочтенные газетные листы. На этотъ разъ московская полиція, близко заинтересованная въ дѣлѣ охотнорядскаго озорства, намѣрена была, повидимому, не допустить распространенія ожидаемой «вредной» статьи и, такъ сказать,

пресѣчь зло въ корнѣ. Но цензура почему-то оплошала: нумеръ былъ отпечатанъ, снятъ со станка, цензурные экземпляры отправлены по назначенію, а на остальныхъ сложенныхъ большою кипою, — разсказывалъ Лукинъ, — усѣлся весьма дородный квартальный надзиратель. Проходитъ часъ — другой, типографія въ смущеніи, — какъ быть? Чинъ сидитъ, а настало время раздачи газеты городскимъ разносчикамъ и отсылки въ почтамтъ. Доложили редактору, и тотъ приказалъ немедленно приступить къ работѣ. И вотъ на глазахъ Лукина произошла сцена. Квартальный надзиратель, оставшійся въ одиночествѣ, не сходитъ съ мѣста въ ожиданіи дальнѣйшихъ предписаній своего начальства. А рабочіе типографіи, не смущаясь его присутствіемъ, исполняютъ приказъ редактора: изъ-подъ блюстителя порядка вынимаются одна за другою пачки «вреднаго» изданія и отправляются по назначенію. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока работа газетной экспедиціи не была закончена. Тогда удалился изъ типографіи и квартальный надзиратель, придя къ совершенно резонному заключенію, что дальнѣйшее его пребываніе на стражѣ безполезно.

Конфискаціи на этотъ разъ не было; рѣшили прибѣгнуть къ другому способу воздѣйствія: Н. С. Скворцовъ былъ вызванъ къ генералъ-губернатору. Предполагалось, конечно, оказать на дерзкую газету должное воздѣйствіе. Но къ тому моменту, когда со-

стоялось свиданіе, статья «Русскихъ Вѣдомостей», написанная Скворцовымъ, сдѣлала свое дѣло: объясненіе приняло совсѣмъ иной оборотъ. Вотъ письмо Скворцова къ Соболевскому, написанное подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ:

«Любезный другъ, Василій Михайловичъ!..

Нѣсколько успокоившись отъ треволненій, сажусь, чтобы разсказать тебѣ кое-что о закулисной сторонѣ того мерзопакостнаго происшествія, о которомъ ты знаешь съ его внѣшней стороны.

Манифестація была допущена вслѣдствіе крайняго тупоумія московскихъ властей, которыя на первыхъ порахъ, подъ вліяніемъ статьи «Московскихъ Вѣдомостей», готовы были рукоплескать народной «расправѣ», которая вѣрнѣе могла бы быть названа бойней всѣхъ, кто попадался подъ руку и не былъ въ поддевкѣ. Послѣ появленія моей первой статьи отъ 5-го апрѣля ихъ настроеніе быстро и существенно измѣнилось подъ вліяніемъ очень сильнаго впечатлѣнія, которое статья произвела безъ различія во всѣхъ классахъ общества, кромѣ, разумѣется, Охотнаго ряда. Даже завзятые сторонники «Московскихъ Вѣдомостей» поджали хвосты и, не имѣя возможности защищать своего патрона, заключились въ скорлупу молчанія. Эти свѣдѣнія я имѣю изъ англійскаго клуба. Спустя нѣсколько часовъ по выходѣ ну-

мера, я былъ приглашенъ къ кн. Долгорукому. Я былъ до крайности возбужденъ и приготовился дать ему энергичный отпоръ, если бы онъ вздумалъ сдѣлать мнѣ что-либо подобное внушенію или высказать порицаніе. Но я ошибся; онъ принялъ меня любезнѣе, нежели когда-либо. О статьѣ онъ даже не заикнулся и встрѣтилъ меня такими словами: «Вы знаете, что произошло въ Москвѣ; я пригласилъ васъ затѣмъ, чтобы выслушать ваше мнѣніе и передать вамъ мое». Я отвѣчалъ изысканно любезнѣйшей фразой въ такомъ родѣ, что всегда цѣню его мнѣніе, а тѣмъ болѣе оно для меня важно теперь, что даже я самъ хотѣлъ просить свиданія съ этою цѣлью и радъ, что онъ пригласилъ меня. За симъ приступили къ разговору. Все, что я выслушалъ подъ флагомъ мнѣнія, заключалось въ разсказѣ просто о подробностяхъ происшествія, которыя мнѣ были извѣстны чуть ли не въ болѣе пространномъ видѣ. Въ общемъ меня разозлило то благодушіе, съ которымъ князь отнесся къ этой исторіи. Онъ сожалѣлъ и студентовъ, которыхъ (его выраженіе) онъ отъ души любитъ; скорбитъ, что не пріѣхалъ ранѣе; почти клялся, что, явись онъ ранѣе, ни одинъ студентъ и никто не пострадалъ бы (Здѣсь кстати замѣтить, что, по разсказамъ очевидцевъ, его чуть не исколотили въ первую минуту появленія, принявъ за ректора..).

Вмѣстѣ съ этимъ онъ высказалъ и нѣжность къ мясникамъ, которые приняли его радушно, ласково кланялись и даже прокричали ура. Настала очередь говорить мнѣ. Я началъ съ того, что въ этой исторіи слѣдуетъ отличать, во-первыхъ, *мясниковъ* Охотнаго ряда отъ «русскаго простого народа», каковымъ онъ ихъ все время называлъ; во-вторыхъ, еще больше слѣдуетъ отличать дикія похоти толпы отъ проявленія патріотизма. Я продолжалъ, — приблизительно и даже почти такъ: я полагаю, князь, что городская чернь, это — звѣрь, который, разъ лизнувъ безнаказанно крови, не скоро уймется; чтобы отучить его отъ этого, нужны строгія и немедленныя мѣры, необходимо слѣдствіе быстрое и тщательно веденное; это только одно можетъ успокоить общество, университетъ и обуздать чернь. Вы говорите о народѣ; въ Москвѣ есть нечто похожее на народъ, но только не въ Охотномъ ряду, а на ея окраинахъ, — это фабричные; ихъ нѣсколько десятковъ тысячъ; если они, видя какъ безнаказанно прошло мясникамъ это звѣрское буйство, послѣдуютъ ихъ примѣру, — увѣрены ли вы, князь, что они будутъ на сторонѣ мясниковъ, и что во всякомъ случаѣ у васъ достанетъ силы, чтобы справиться съ этими толпами, когда они будутъ разносить ужъ не отдѣльные магазины, а цѣлыя улицы, выбирая при этомъ наи-

болѣе зажиточные дома? Глаза моего собесѣдника при этомъ соображеніи значительно расширились. Я затѣмъ возвратился къ необходимости быстраго слѣдствія и немедленнаго арестованія главныхъ буяновъ, не дожидаясь формальностей слѣдственнаго производства, но, — увы, — былъ прерванъ внезапно ворвавшимся адъютантомъ, который сообщилъ, что пріѣхалъ кн. Н. П. Мещерскій и проситъ немедленно принять его. Въ первый разъ, проходя пріемной, я увидалъ эту глупую рожу, съ вытаращенными глазами, съ какимъ-то ошеломленнымъ взглядомъ. Чтобы объяснить этотъ пріѣздъ Мещерскаго, надо обратиться въ университетъ. Тамъ происходило слѣдующее. Тихонравова въ Москвѣ на было; проректоръ Цингеръ растерялся и заперъ университетъ, не предупредивъ студентовъ, вслѣдствіе чего въ послѣдующіе за 3-мъ апрѣля дни студенты стали собираться у университетскихъ воротъ. По счастью, скоро вернулся Тихонравовъ, принялъ дѣло въ свои руки и повелъ его отлично. Онъ собралъ совѣтъ въ непрерывное засѣданіе; принята была слѣдующая резолюція: 1) Въ виду исключительныхъ обстоятельствъ не вмѣнять студентамъ сходокъ въ преступленіе (сходки были имъ допущены въ анатомическомъ театрѣ); 2) обратиться къ генералъ-губернатору съ просьбой объ огражденіи уни-

верситета отъ черни; 3) просить о назначеніи слѣдствія съ допущеніемъ депутатовъ отъ университета (отъ этого пункта должны были отказаться); послѣдній пунктъ гласилъ о необходимости ходатайствовать о присвоеніи студентамъ внѣшняго знака отличія, — пунктъ странный и, кажется, тоже оставленный. Съ этимъ протоколомъ Тихонравовъ отправился къ попечителю. Но тотъ утвердить его, особенно 1-й пунктъ, наотрѣзъ отказался, требуя непремѣннаго университетскаго суда. Тогда совѣтъ постановилъ, несмотря на отказъ попечителя, считать рѣшеніе совѣта состоявшимся и телеграфировать о его содержаніи министру, что и было исполнено. Вотъ въ это-то время Мещерскій и явился къ кн. Долгорукову. Теперь досконально и почти дословно извѣстно, что въ кабинетѣ у кн. Долгорукова произошло. Мещерскій требовалъ войска, чтобы разогнать студентовъ штыками, но получилъ такой отпоръ, какого онъ съ Катковымъ, по внушенію котораго дѣйствовалъ, вѣроятно, не ожидали. Долгоруковъ, во-первыхъ, пристыдилъ его за такое отношеніе къ университету, выразивъ удив.....».

Конецъ письма, къ сожалѣнію, утраченъ В. М. Соболевскимъ, который мнѣ передалъ его въ 1913 г. для опубликованія въ день отъѣзда своего на Кавказъ, откуда ему уже не суждено было вернуться.

Повидимому, на утраченномъ послѣднемъ листочкѣ Скворцовскаго письма было еще лишь нѣсколько строкъ, заключавшихъ его разсказъ.

Другой случай генералъ-губернаторскаго «внушенія», вызваннаго соображеніями мѣстной «политики», былъ разсказанъ, со словъ В. М. Соболевскаго, въ «Голосѣ Минувшаго» А. Н. Максимовымъ.

«Ночью, — такъ передаетъ этотъ случай А. Н. Максимовъ, — редактора «Русскихъ Вѣдомостей» экстренно вызываютъ къ генералъ-губернатору кн. В. А. Долгорукому, который принимаетъ его въ спальнѣ въ халатѣ и встрѣчаетъ гнѣвнымъ вопросомъ: «За что вы меня не любите, за что преслѣдуете»? Оказывается, что въ этотъ день въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» была помѣщена рецензія И. И. Иванюкова на книгу В. А. Гольцева «Законодательство и нравы», и въ этой рецензіи были приведены между прочимъ нѣкоторые факты, нелестные для одного изъ князей Долгоруковыхъ, жившаго въ XVIII в., и оказавшагося не то дѣдушкой, не то прадѣдушкой московскаго генералъ-губернатора. Послѣдній увидѣлъ въ этой рецензіи и оглашеніи такихъ фактовъ личную обиду для себя и вотъ ночью вызвалъ къ себѣ редактора, чтобы выразить ему свое сугубое недовольство по этому поводу. А что значило это недовольство, легко понять, если вспомнить, что генералъ-губернаторъ имѣлъ право выслать редактора изъ Москвы въ 24 часа, и жаловаться на подобное распоряженіе было

бы некуда. На этотъ разъ дѣло впрочемъ кончилось болѣе мирно. Свои ламентаціи по поводу нанесенной ему газетою обиды кн. Долгоруковъ закончилъ требованіемъ, что если въ какомъ-нибудь изданіи будетъ напечатано что-нибудь хорошее объ его обиженномъ дѣдушкѣ, то «Русскія Вѣдомости» перепечатаютъ ради безпристрастія и это хорошее» («Гол. Минувш.», — 6-й, 1913 г.).

Болѣе извѣстенъ другой случай проявленія особой московской попечительности о благонравіи печати. 19-го февраля 1886 года московскій генералъ-губернаторъ запретилъ московскимъ газетамъ чѣмъ-либо отмѣтить двадцатипятилѣтіе отмѣны крѣпостного права. Теперь это, пожалуй, покажется невѣроятнымъ. Но, быть можетъ, многимъ еще памятно, что осторожное правительство восьмидесятыхъ годовъ отложило опасную затѣю публичнаго торжества въ память великаго дня до полувѣкового его юбилея. Сколько хлопотъ доставила тогда попечительнымъ властямъ дерзновенная мысль о такомъ празднованіи, зародившаяся въ прогрессивныхъ кругахъ нашего общества наканунѣ двадцать пятой годовщины освобожденія крестьянъ. Въ тѣ времена даже постановка памятника Александру II не считалась дѣломъ достаточно благонамѣреннымъ. Понятно, что мечтанія тогдашнихъ вольнодумцевъ, хранившихъ благодарную память объ «эпохѣ реформъ», не могли осуществиться. Немедленно были приняты рѣшительныя

мѣры пресѣченія: офиціально объявили объ отстрочкѣ юбилея ровно на четверть вѣка, а конфиденціально дали знать, кому слѣдуетъ, чтобы въ юбилейный день не было никакихъ собраній, засѣданій, банкетовъ. И собраній не было, а въ Москвѣ даже въ газетахъ знаменательная годовщина не была отмѣчена. Для достиженія такихъ блестящихъ результатовъ мѣстныя власти затратили пропасть энергіи. Въ ночь на 19-е февраля редакціи газетъ получили ультиматумъ: ни одной статьи, ни одного слова о крестьянской реформѣ!.. Какую участь постигла попытка редактора «Русскихъ Вѣдомостей» добиться отмѣны нелѣпаго распоряженія отъ самого генералъ-губернатора, читатели могутъ видѣть изъ интереснаго разсказа В. Г. Короленко, посвященнаго памяти Соболевскаго (см. главу восьмую). Требованіе было исполнено: нѣкоторыя изъ газетъ появились со статьями о джутовыхъ мѣшкахъ и тому подобныхъ злобахъ дня, а «Русскія Вѣдомости» совсѣмъ не вышли... Гостившій въ то время въ Москвѣ Дж. Кеннанъ спрашивалъ: «Почему сегодня нѣтъ «Русскихъ Вѣдомостей»? Ему отвѣчали: «Сегодня газета молчаніемъ чествуетъ двадцатипятилѣтіе освобожденія крестьянъ».

«Русскія Вѣдомости» вынуждены были молчаніемъ почтить память дѣятелей великой реформы. Протестующее молчаніе въ условіяхъ реакціи восьмидесятыхъ годовъ пріобрѣло значеніе публицистическаго пріема, которымъ пользовались не однѣ

«Русскія Вѣдомости». Конечно, отказъ отъ выпуска нумера — примѣръ исключительный. Но печать нерѣдко вынуждена была, отмѣтивъ какой-либо фактъ (всего чаще, правительственное мѣропріятіе), воздерживаться отъ обсужденія его, принявъ возможныя мѣры къ тому, чтобы читатель понялъ, что воздержаніе вынужденное, что писатель не располагаетъ свободою въ обсужденіи предмета и потому предпочитаетъ молчать. Даже Щедринъ писалъ, что не можетъ говорить «о соборахъ, ни объ исаакіевскомъ, ни о казанскомъ», а «вотъ о колокольняхъ можно». Но едва ли въ исторіи русской печати былъ другой случай наложенія на газету кары за молчаніе. Въ исторіи «Русскихъ Вѣдомостей» было и это.

Въ 1887 году представителю редакціи, явившемуся къ тогдашнему начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати для объясненій по поводу послѣдовавшаго запрещенія розничной продажи «Русскихъ Вѣдомостей», Ѳеоктистовъ мотивировалъ эту кару буквально слѣдующимъ образомъ: «Скверная газета: скверно говоритъ, скверно и молчитъ». Явнымъ доказательствомъ послѣдняго въ глазахъ правительства того времени было непоявленіе единственно въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» некролога только-что скончавшагося тогда Каткова. О его смерти было, конечно, доведено до свѣдѣнія читателей, но отъ оцѣнки политической роли издателя «Московскихъ Вѣдомостей» газета, издававшаяся въ Москвѣ, должна была

отказаться, если не хотѣла кривить душой или идти на серьезныя непріятности.

Планъ прикончить «Русскія Вѣдомости» въ 1891 году, какъ мы видѣли, не удался вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ голоднаго года. Но мысль разсчитаться съ газетой не была оставлена. Она возникала по разнымъ поводамъ и даже безъ всякаго повода. Такъ, въ январѣ 1895 года было созвано знаменитое въ лѣтописяхъ русской печати совѣщаніе «четырехъ» (т. е. министровъ: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія и синодальнаго оберъ-прокурора) для короткой расправы съ Пороховщиковской «Русской Жизнью». Среди «четырехъ» не было разногласія на счетъ необходимости закрыть эту газету за небольшую статью, въ которой она выразила свои чувства по поводу крушенія надеждъ на либеральныя «вѣянія». Такія надежды питала тогда въ теченіе трехъ мѣсяцевъ новаго царствованія не одна Пороховщиковская газета. Но «Русскія Вѣдомости» относились скептически къ этимъ ожиданіямъ нѣкоторой части нашего общества, за что и подверглись нападкамъ со стороны людей, почтенныхъ, но безъ достаточныхъ основаній воспарившихъ духомъ. Законность скептицизма «Русскихъ Вѣдомостей» скоро оправдалась; жестокая расправа съ бѣдной петербургской газетой, вся вина которой заключалась въ томъ, что она сначала повѣрила въ близкое наступленіе «вѣяній», а затѣмъ рѣзко выразила свое разочарованіе,

служила наглядным доказательством, что отъ всякихъ надеждъ этого рода давно пора отказаться. Русское общество, кажется, поняло этотъ урокъ и ровно черезъ десять лѣтъ обнаружило способность на нѣчто большее, нежели ожиданіе «вѣяній». Газета Пороховщикова была одной изъ послѣднихъ жертвъ нѣкогда довольно распространенныхъ иллюзій.

Интересно, что при этой вѣрной оказіи въ 1895 году совѣтъ «четырехъ» едва не покончилъ и съ «Русскими Вѣдомостями». Повода къ этому не было, но необходимость закрыть газету и мотивировалась именно тѣмъ, что при всей своей вредности газета едва ли дастъ поводъ къ короткой расправѣ «четырехъ» какой-нибудь «радикальной выходкой». На этотъ разъ инициатива возбужденія вопроса принадлежала Побѣдоносцеву. Онъ, конечно, ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что «Русскую Жизнь» слѣдуетъ закрыть, но находилъ, что правительство дѣйствуетъ непослѣдовательно, вылавливая, такъ сказать, мелкую рыбешку, и не изводя такихъ опасныхъ противниковъ, какъ «Вѣстникъ Европы» и «Русскія Вѣдомости». Совѣщаніе отнеслось сочувственно къ этой мысли. Даже назначено было засѣданіе, въ которомъ на первой очереди предстояло рѣшить участь «Вѣстника Европы». Но противъ закрытія этого журнала былъ въ то время одинъ изъ министровъ (если не ошибаюсь, тогдашній министръ юстиціи). Это обстоятельство побудило

отсрочить рѣшеніе дѣла, и предложеніе Побѣдоносцева сошло на-нѣтъ.

Впрочемъ, что касается «Русскихъ Вѣдомостей», то мысль донять ихъ не мытьемъ, такъ катаньемъ, скоро была блестяще осуществлена. Въ концѣ 90-хъ годовъ на посту начальника главнаго управленія по дѣламъ печати водворился М. П. Соловьевъ. При немъ цензурное вѣдомство испытало необыкновенный приливъ энергіи. Кары всѣхъ родовъ посыпались какъ изъ рога изобилія. Запретительные циркуляры получили новое развитіе: въ нихъ стали указывать печати, не только чего или о чемъ она не должна писать, но и какъ она должна писать о томъ, чего ей дозволялось касаться. Соловьевъ занялся еще и кодификаціей «дѣйствующихъ» циркуляровъ. Получился длинный списокъ, изъ котораго явствовало, что печать въ Россіи, вообще говоря, никакими дѣлами сколько-нибудь существеннаго для государства и общества значенія интересоваться не должна. Для чего она все-таки, по мнѣнію Соловьева, была нужна, — на этотъ вопросъ врядъ ли онъ и самъ отвѣтилъ бы. У него была «идея», которой онъ ревностно служилъ: онъ находилъ, — и это было справедливо, — что загнанная русская оппозиціонная печать была даже въ то ужасное время неизмѣримо сильнѣе той, которая безкорыстно или за плату служила правительству. И вотъ Соловьевъ видѣлъ свою миссію, какъ главы цензурнаго вѣдомства, въ томъ, чтобы

уравнять силы борющихся въ литературѣ теченій. Для достиженія этой своей завѣтной мечты онъ не отступалъ ни передъ чѣмъ: извѣстны случаи, что, подчиняясь давленію Соловьева, нѣкоторые либеральные, но не лишкомъ дорожившіе своимъ достоинствомъ издатели устраняли не нравившихся начальнику цензуры редакторовъ и замѣняли ихъ лицами, рекомендованными Соловьевымъ.

Но самымъ надежнымъ средствомъ для установленія желаннаго равновѣсія между правой и лѣвой печатью все-таки оставалась прямая репрессія, и Соловьевъ былъ такъ щедръ на нее, что къ концу его управленія дѣлами печати, ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ не было ни одной большой газеты (кромѣ, конечно, «Московскихъ Вѣдомостей» и «Новаго Времени»), которая бы выходила дѣйствительно безъ предварительной цензуры, на основаніи временныхъ правилъ 6-го апрѣля 1865 года. Да и то «Новому Времени» третье предостереженіе, послѣ котораго оно подлежало бы «карательной» толстовской цензурѣ, было присуждено, но въ видѣ особаго снисхожденія къ столь благонамѣренной газетѣ замѣнено «строгимъ выговоромъ» отъ министра внутреннихъ дѣлъ (дѣлать такіе выговоры, скажемъ кстати, министръ не имѣлъ ни малѣйшаго права), съ распубликованіемъ объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе. Всѣ же остальныя столичныя газеты оказались во власти предварительной цензуры: болѣе мо-

лодыя изданія и разрѣшались только подъ этимъ условіемъ; старыя же газеты, если только способны были очнуться отъ неизбѣжной послѣ третьяго предостереженія летаргіи на срокъ до шести мѣсяцевъ, подвергались поистинѣ цензурному истязанію. Каждый вечеръ, къ 11-ти часамъ, къ цензору отправлялся совсѣмъ готовый нумеръ. Онъ просматривалъ его и либо умывалъ руки: выпускайте, молъ, большого вреда отъ него я не вижу, а тамъ видно будетъ, что высшее начальство скажетъ, либо накладывалъ на злополучный нумеръ свою руку, не рѣшаясь взять, безъ вѣдома высшей цензуры, на себя самого отвѣтственность за выпускъ опаснаго произведенія печати.

«Русскія Вѣдомости» получили третье предостереженіе, съ пріостановкой на два мѣсяца, 22-го апрѣля 1898 года, и въ теченіе *трехъ* лѣтъ находились въ условіяхъ этой поистинѣ каторжной цензуры. Тысячу разъ, — безъ всякаго преувеличенія *тысячу* разъ, — одинъ изъ нашихъ редакціонныхъ товарищей (за рѣдкими исключеніями, эту тяжелую обязанность исполнялъ П. М. Шестаковъ) отвозилъ цензору въ назначенное время очередной нумеръ и получалъ отъ него разрѣшительную подпись. Въ сущности, разрѣшая «готовый» нумеръ, цензоръ разрѣшалъ только черновой проектъ нумера, такъ какъ приготовить къ 11-ти часамъ вечера, утренній выпускъ газеты, физически невозможно. Значительная

часть газетнаго матеріала (телеграммы, хроника и т. п.) приходитъ въ редакцію поздно вечеромъ и ночью. Поэтому даже подцензурнымъ газетамъ у насъ разрѣшалось представлять на цензурный просмотръ неотложныя статьи, не стѣсняясь позднимъ временемъ, а печатаніе позднихъ мелкихъ извѣстій за сугубой отвѣтственностью редактора допускалось и въ этихъ газетахъ безъ предварительной цензуры.

Когда большая часть столичной ежедневной печати стараніями Соловьева была переведена на каторжное положеніе особаго толстовскаго порядка цензуры, передъ правительствомъ сталъ вопросъ, идти ли почти на полное прекращеніе частныхъ газетъ въ столицахъ, или изобрѣсти для нихъ какой-нибудь modus vivendi. Не сомнѣваюсь, что въ послѣдніе предреволюціонные годы стараго режима была бы испробована сначала первая часть альтернативы, если бы представился къ тому случай. Можетъ быть, потомъ и убѣдились бы въ неудобствѣ такого рѣшенія и отказались бы отъ него. Но сначала попытались бы... Въ 90-хъ годахъ въ правящихъ кругахъ при всѣхъ ихъ ретроградности сохранялось все же больше спокойствія и, пожалуй, увѣренности въ себѣ. Поэтому результатъ усердной дѣятельности Соловьева нѣсколько смутилъ министерство внутреннихъ дѣлъ, и власти склонились къ менѣе прямолинейному образу дѣйствія.

Газетамъ, находившимся въ условіяхъ анало-

гичныхъ съ тѣми, въ какія были поставлены «Русскія Вѣдомости» по возобновленіи послѣ пріостановки, было разрѣшено пользоваться телеграммами офиціозныхъ агентствъ и мелкими фактическими сообщеніями, приходящими въ редакцію позднѣе 11-ти часовъ вечера, на свой страхъ, безъ представленія цензору. Фактически это свело вечерній цензурный просмотръ къ какой-то суммарной и сумбурной предварительной цензурѣ всѣхъ статей, предназначенныхъ въ очередной нумеръ. При этомъ цензоръ по буквѣ толстовскихъ правилъ не имѣлъ права вычеркнуть ни одного слова, но могъ пріостановить цѣлый выпускъ. Надо думать, что даже самымъ ретивымъ цензорамъ этотъ родъ газетной цензуры представлялся тяжелой обузой. Для редакціи же и сотрудниковъ газеты эта предварительная цензура безъ красныхъ чернилъ была истинной казнью египетской. И день, когда при Сипягинѣ, вслѣдъ за проведеніемъ новаго начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, кн. Шаховского, закона о срочности предостереженій, всѣмъ газетамъ, томившимся въ этой цензурной каторгѣ, было объявлено освобожденіе отъ нея, — въ тѣсномъ кружкѣ «Русскихъ Вѣдомостей» отпраздновали, какъ настоящій праздникъ. Перспектива подвергаться вновь предостереженіямъ, пріостановкамъ и прочимъ прелестямъ административнаго «сердечнаго попеченія», да еще въ сипягинское время, не казалась страшнѣе этой

тысячи и одной ночи карательной цензуры. Впереди все могло быть, но... хоть гирше — та инше...

Причины и поводы къ «предостереженію» 1898 года, повлекшему за собой временную пріостановку «Русскихъ Вѣдомостей» и трехлѣтнюю карательную цензуру, небезынтересны.

21 апрѣля 1898 г. министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ «Русскимъ Вѣдомостямъ» третье предостереженіе и пріостановилъ газету на два мѣсяца, какъ значилось въ официальномъ сообщеніи объ этомъ («Русск. Вѣд.» № 112, отъ 25-го іюня 1898 г.), «за сборъ пожертвованій въ пользу духоборовъ, съ распубликованіемъ о семъ въ № 93-мъ «Русскихъ Вѣдомостей» сего года и за уклоненіе отъ исполненія распоряженія московскаго генералъ-губернатора». Напомнимъ, что незадолго передъ этимъ, 19-го марта 1898 г., Левъ Толстой написалъ извѣстное «Письмо къ обществу» о матеріальной помощи духоборамъ, получившимъ разрѣшеніе выѣхать заграницу. Но замѣтка, по поводу которой послѣдовала административная кара, гласила буквально только слѣдующее: «Въ контору «Русскихъ Вѣдомостей» поступило въ распоряженіе гр. Л. Н. Толстого для оказанія помощи больнымъ и нуждающимся духоборамъ: отъ иногородняго подписчика — 300 рубл., отъ г. М. — 400 рубл., отъ неизвѣстнаго — 300 р.». Что же касается неисполненнаго распоряженія генералъ-губернатора (или, точнѣе, требованія оберъ-

полиціймейстера, съ которымъ только и имѣла въ этомъ случаѣ дѣло редакція), то оно дѣйствительно было неисполнимо: требовали передачи въ распоряженіе администраціи денегъ, пожертвованныхъ въ распоряженіе Толстого, которому онѣ, конечно, и были своевременно вручены... Таково было нарушеніе *цензурныхъ* правилъ, за которое сурово покарали газету. Но справедливости ради можно сказать, что, какъ удалось тогда же выяснить, министерство внутреннихъ дѣлъ въ то время было вообще очень недовольно «Русскими Вѣдомостями», въ частности критикой его мѣропріятій по борьбѣ съ голодомъ.

Редакція попыталась объясниться съ властями. «Я, — разсказываетъ объ этой попыткѣ Д. Н. Анучинъ, — отправился къ Великому Князю Сергѣю Александровичу и пытался разъяснить, что никакого неисполненія требованія генералъ-губернатора въ данномъ случаѣ не было, а не могло быть исполнено требованіе оберъ-полиціймейстера, но мнѣ отвѣтили, что это безразлично. Старался я также доказать, что въ принятіи пожертвованія въ пользу больныхъ духоборовъ нѣтъ ничего преступнаго, что никакого запрета принимать такія пожертвованія не было, и что контора газеты сама сбора пожертвованій не открывала, а приняла таковое, какъ она принимаетъ вообще всякія пожертвованія на благотворительныя цѣли, причемъ обязательно публи-

куетъ о томъ въ газетѣ. Великій Князь сказалъ мнѣ, что пріемъ пожертвованія не составляетъ самъ по себѣ проступка, и нельзя запретить подобныя пожертвованія, но не слѣдовало объ этомъ печатать въ то время, когда духоборы не желаютъ подчиняться требованіямъ правительства. Въ Петербургъ былъ отправленъ А. И. Чупровъ, который объяснялся съ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати Соловьевымъ, былъ у министра Горемыкина, но безрезультатно. Дали понять, что запрещеніе исходитъ изъ Москвы, а Соловьевъ пояснилъ, что, конечно, кара наложена не за то, что указано. Запрещенія собирать въ пользу больныхъ и нуждающихся духоборовъ не было, и быть не могло, да и нарушенія требованія Великаго Князя тоже не было. Но вообще «Русскія Вѣдомости» давно заявляютъ о себѣ усиленнымъ подчеркиваніемъ и намѣреннымъ замалчиваніемъ. Такъ, онѣ раздували голодъ. Почему и не сообщать о голодѣ, но не надо сгущать красокъ, и рядомъ съ печальными фактами нужно сообщать и объ отрадныхъ. Иностранныя корреспонденціи газеты, особенно изъ Берлина, тоже носятъ на себѣ извѣстный отпечатокъ, который не можетъ быть признанъ умѣстнымъ. Узнавъ изъ миссіи А. И-ча, что иниціатива кары шла изъ Москвы, я отправился вторично къ Великому Князю, но получилъ отвѣтъ, что ничего нельзя сдѣлать и что кара нами заслужена. Затѣмъ Великій Князь прибавилъ: «Я знаю,

вы думаете, что я причиной вашей кары; вамъ такъ говорили въ Петербургѣ. Но это — неправда. Вамъ назначили кару, даже не снесясь со мной».

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что, повидимому, въ тотъ моментъ, когда было дано это предостереженіе, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати разсчитывалъ этимъ путемъ достигнуть окончательнаго прекращенія опальной газеты. Свое удовольствіе по этому поводу онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ, получившихъ широкую огласку тогда же въ обществѣ: «Наконецъ-то удалось накрыть всю шайку! И Т—ку Т—ую вмѣстѣ съ ними!»

Радость маніака-цензора была, однако, преждевременна. Если не ему самому, то его преемникамъ пришлось снова принимать мѣры къ ограниченію распространенія «вреднаго» изданія, снова «предостерегать» редакцію объ угрожающемъ газетѣ закрытіи.

Въ воспоминаніяхъ о своихъ цензурныхъ мытарствахъ покойный Анучинъ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Въ началѣ 1900-хъ годовъ, помню, я имѣлъ бесѣду съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Плеве. Доступъ къ нему тогда былъ не легокъ; свиданіе съ нимъ устроилъ мнѣ мой бывшій коллега по университету, занимавшій въ то время важный постъ въ Петербургѣ, Н. А. Звѣревъ. Принялъ меня министръ на своей дачѣ, на Аптекарскомъ островѣ. Помню, пришлось мнѣ ждать

нѣкоторое время, затѣмъ повели меня черезъ рядъ комнатъ, гдѣ занимались чиновники и жандармскіе офицеры, въ кабинетъ министра. Принялъ онъ меня, въ общемъ, любезно и охотно далъ разъясненія по нѣкоторымъ вопросамъ, касавшимся положенія печати. Между прочимъ, онъ сказалъ, что ему хорошо извѣстно направленіе «Русскихъ Вѣдомостей», что онъ ничего не имѣетъ противъ обсужденія земскихъ вопросовъ, разныхъ злоупотребленій и т. д., но не можетъ допустить разсужденій о народномъ представительствѣ и конституціи. — «Можете писать о земствѣ, что вамъ угодно, но если заговорите о необходимости конституціи, я васъ закрою». И это было наканунѣ революціи 1905 года.

Впрочемъ, что касается карательнаго усердія русской дореволюціонной цензуры, то можно положительно утверждать, что оно не изсякало даже въ условіяхъ бурнаго пятаго года, когда, казалось бы, правительству было не до печати и ея словесныхъ прегрѣшеній. Вотъ факты.

Мы видѣли, что послѣднее по времени воспрещеніе розничной продажи «Русскихъ Вѣдомостей» было отмѣнено лишь на другой день послѣ манифеста 17-го октября. Послѣднее предостереженіе ими было получено почти что наканунѣ несостоявшагося, правда, созыва булыгинской совѣщательной Думы.

Какъ извѣстно, 6-го августа 1905 года была опубликована эта булыгинская «конституція». Въ

общественномъ мнѣніи того времени, безповоротно осудившемъ ее, ей противопоставлялась другая «конституція», опубликованная мѣсяцемъ раньше въ нашей газетѣ и прозванная тогда конституціей «Русскихъ Вѣдомостей». Это былъ проектъ «Основного закона Россійской Имперіи», въ главныхъ положеніяхъ выработанный однимъ изъ кружковъ «Союза освобожденія», а затѣмъ значительно переработанный комиссіей іюльскаго «земскаго съѣзда» и окончательно редактированный С. А. Муромцевымъ. Покойный Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ[1]) такъ изображаетъ исторію появленія этого акта въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». (Сборникъ «Русскія Вѣдомости» — 1913, стр. 92—96).

«Земскіе и земско-городскіе съѣзды 1904 — 1905 гг., сыгравшіе столь крупную роль въ на-

---

[1]) Кокошкинъ, Ѳ. Ѳ. (1871—1919), извѣстный публицистъ и государствовѣдъ, членъ первой Государственной Думы и Учредительнаго Собранія, членъ товарищества «Русскихъ Вѣдомостей». Работать въ газетѣ началъ въ 1905 году, скоро это сотрудничество стало постояннымъ и дѣятельнымъ и продолжалось до смерти Кокошкина, убитаго вмѣстѣ съ А. И. Шингаревымъ, подосланными убійцами наканунѣ открытія Учредительнаго Собранія. Это убійство, какъ и убійство Герценштейна и Іоллоса, осталось также безнаказаннымъ и также даже не было предметомъ судебнаго разбирательства, хотя и въ этомъ случаѣ убійцы были извѣстны. Большевицкая власть на этотъ разъ пошла въ подлинномъ смыслѣ слова по стопамъ правительства Николая II-го.

шемъ освободительномъ движеніи, конечно, не могли бы выполнить своей исторической миссіи безъ широкаго содѣйствія и поддержки печати. Такую поддержку, выразившуюся въ освѣдомленіи общества объ ихъ дѣятельности и въ возбужденіи вниманія и сочувствія къ ней, они, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтили въ общемъ во всей русской прогрессивной печати. Но для съѣздовъ, какъ для всякой значительной общественной организаціи, нужно было и нѣчто бо́льшее. Руководившее ихъ дѣятельностью организаціонное бюро нуждалось въ такомъ органѣ печати, съ которымъ оно могло бы поддерживать постоянное соприкосновеніе и при помощи котораго могло бы знакомить широкіе круги общества не только съ преніями и постановленіями съѣздовъ, но и съ вносимыми на ихъ обсужденіе подготовительными работами самого бюро. Наиболѣе подходящій для этой цѣли органъ печати предуказывался, можно сказать, самъ собой. Въ Москвѣ, гдѣ собирались всѣ съѣзды, за исключеніемъ перваго, ноябрьскаго, и гдѣ находилось и работало бюро, существовала газета, въ теченіе уже сорока лѣтъ служившая тѣмъ самымъ идеаламъ, которыми вдохновлялись и дѣятели съѣздовъ, — газета, издавна стоявшая близко къ земскимъ кругамъ и удѣлявшая особое вниманіе земской жизни, и въ

то же время пользовавшаяся широкимъ распространеніемъ и прочнымъ довѣріемъ въ средѣ русской интеллигенціи. Естественно, что именно къ этой газетѣ и обратились руководители земскихъ съѣздовъ. Сношенія между организаціоннымъ бюро и редакціей «Русскихъ Вѣдомостей» завязались тѣмъ легче, что одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ съѣздовъ и бюро, В. Е. Якушкинъ, входилъ въ то же время въ составъ названной редакціи (позднѣе личная связь между редакціей и съѣздами была усилена тѣмъ, что одинъ изъ членовъ редакціи В. А. Розенбергъ принялъ на себя секретарскія обязанности на съѣздѣ).

Въ эпоху дѣятельности съѣздовъ, среди вопросовъ, волновавшихъ общественную мысль, естественно, выдвигался въ первую очередь вопросъ о будущемъ политическомъ строѣ Россіи. Этому вопросу были посвящены двѣ работы членовъ земскаго организаціоннаго бюро, обѣ напечатанныя впервые въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: докладъ «объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россіи», подробно мотивировавшій основныя положенія, принятыя апрѣльскимъ съѣздомъ, и «Проектъ Основного Государственнаго Закона Россійской Имперіи», развивавшій ихъ въ форму законченнаго конституціоннаго проекта.

Докладъ объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россіи былъ составленъ мною (Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ) при участіи Н.Н.Львова и представленъ апрѣльскому съѣзду вмѣстѣ съ вытекавшими изъ него тезисами отъ имени организаціоннаго бюро. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» онъ былъ напечатанъ въ формѣ ряда статей за моей подписью, безъ упоминанія о съѣздѣ и организаціонномъ бюро, а также и о сотрудничествѣ Н. Н. Львова. Причина этого лежала во внѣшнихъ условіяхъ, при которыхъ приходилось дѣйствовать съѣздамъ и бюро.

Докладъ, представленный апрѣльскому съѣзду, и принятыя имъ положенія опредѣляли будущій политическій строй Россіи лишь въ общихъ и главныхъ чертахъ и притомъ исключительно со стороны организаціи народнаго представительства. Чтобы придать конституціоннымъ стремленіямъ русскаго общества совершенно ясный и практическій характеръ, необходимо было развить и дополнить вышеупомянутыя общія положенія и облечь въ точную и конкретную форму, другими словами, нужно было составить проектъ русской конституціи. Эту задачу взялъ на себя одинъ изъ авторитетнѣйшихъ членовъ земскаго организаціоннаго бюро, С. А. Муромцевъ, привлекшій къ себѣ на помощь въ качествѣ сотрудниковъ троихъ сотоварищей по бюро:

Н. Н. Львова[2]), Н. Н. Щепкина[3]) и меня (Ѳ.Ѳ.К.), участвовавшаго еще ранѣе въ выработкѣ такъ называемаго «освобожденческаго» проекта конституціи, который послужилъ главнымъ матеріаломъ для С. А. Муромцева). Въ своей статьѣ «С. А. Муромцевъ и земскіе съѣзды», помѣщенной въ сборникѣ «Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ», я имѣлъ уже случай характеризовать цѣль и содержаніе предпринятой работы слѣдующимъ образомъ: Уже давно С. А. Муромцевъ былъ занятъ мыслью воплотить конституціонныя стремленія русскаго общества въ законченной юридической формѣ, «врубить въ представленія русскаго общества надлежащій образъ россійской конституціи», какъ выражался онъ самъ. Онъ думалъ также, что предъявленіе отъ имени авторитетной общественной организаціи готоваго проекта основного конституціоннаго закона при извѣстныхъ условіяхъ можетъ оказать существенное вліяніе на будущій конституціонный

---

[2]) Львовъ, Н. Н. (род. въ 1867 г.), извѣстный общественный дѣятель, членъ Государственной Думы. Писалъ въ «Русск. Вѣд.» съ 1905 г.

[3]) Щепкинъ, Н. Н. (1854—1919), извѣстный общественный дѣятель, членъ Государственной Думы, тов. Московскаго городского головы, разстрѣлянъ въ Москвѣ большевицкой властью. Начало его работъ въ «Русск. Вѣд.» относится къ 90-мъ годамъ. Съ 1905 года и до послѣднихъ дней газеты писалъ довольно часто.

строй Россіи. Земскіе съѣзды какъ разъ и явились организаціей, наиболѣе соотвѣтствующей этому плану. Исходный пунктъ для задуманной С. А. работы былъ уже данъ въ видѣ проекта «Основного государственнаго закона Россійской Имперіи», составленнаго въ октябрѣ 1904 года въ Москвѣ группою членовъ «Союза освобожденія» и напечатаннаго въ мартѣ 1905 года въ Парижѣ П. Б. Струве въ качествѣ изданія редакціи «Освобожденія» (и позднѣе перепечатаннаго въ газетѣ «Право» и въ сборникѣ «Конституціонное государство»). Основанія этого проекта были весьма близки къ тѣмъ, которыя были потомъ приняты апрѣльскимъ земскимъ съѣздомъ. С. А., одобряя эти основанія, не былъ однако вполнѣ удовлетворенъ редакціей проекта, группировкой матеріала, расположеніемъ частей, недостаточнымъ развитіемъ нѣкоторыхъ положеній и включеніемъ отдѣльныхъ постановленій, представлявшихся ему практически неосуществимыми въ ближайшемъ будущемъ. Съ его точки зрѣнія была необходима переработка проекта и прежде всего въ духѣ: а) строгой юридической формулировки положеній, б) разработки подробностей, и в) приближенія, не въ ущербъ смыслу, языка проекта къ языку, уже усвоенному русскимъ законодательствомъ.

Наряду съ проектомъ «Основного Закона» былъ составленъ также проектъ избирательнаго закона, воспроизводившій въ переработанномъ видѣ основныя черты аналогичнаго проекта, выработаннаго въ 1904 году группою членовъ «Союза освобожденія».

Организаціонное бюро признало необходимымъ представить оба проекта подготовлявшемуся іюльскому земско-городскому съѣзду и вмѣстѣ съ тѣмъ огласить ихъ въ печати. Опубликованіе ихъ было важно прежде всего для ознакомленія широкихъ круговъ общества съ конституціонной программой земцевъ, но сверхъ того оно, по условіямъ времени, было наиболѣе удобнымъ технически средствомъ ознакомить съ проектами самыхъ членовъ предстоящаго съѣзда. Вмѣсто того, чтобы предпринимать сложную и небезопасную отъ вмѣшательства администраціи операцію воспроизведенія проектовъ гектографическимъ или инымъ подобнымъ способомъ, было, очевидно, гораздо проще раздать членамъ съѣзда нумера газеты съ напечатанными въ нихъ проектами. Нужно было лишь найти газету, которая согласилась бы напечатать цѣликомъ выработанные тексты. «Русскія Вѣдомости» и въ данномъ случаѣ пошли навстрѣчу организаціонному бюро. 6-го іюля 1905 года, въ день открытія земско-го-

родского съѣзда, проекты основного и избирательнаго закона были опубликованы въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», и экземпляры соотвѣтствующаго № газеты были розданы членамъ съѣзда. Редакція во вступительной статьѣ характеризовала проектъ основного закона слѣдующимъ образомъ: «Онъ обращаетъ на себя вниманіе правильностью основныхъ своихъ положеній, послѣдовательностью проведенія ихъ и обстоятельною разработкою подробностей. Одною изъ особенностей этого проекта является его форма: онъ не представляетъ, подобно, напр., помянутому «Проекту основного закона Россійской Имперіи», совершенно новаго и цѣльнаго построенія, имѣющаго стать на мѣсто старыхъ, отжившихъ законодательныхъ нормъ; напротивъ, онъ не отличается такою законченностью и, какъ бы слѣдуя установившейся у насъ законодательной практикѣ, вливаетъ новое содержаніе въ старыя формы, служа дополненіемъ, измѣненіемъ и отмѣною существующихъ законовъ. Эту особенность разсматриваемаго проекта съ точки зрѣнія законодательной техники можно признать, пожалуй, недостаткомъ, но этотъ недостатокъ составляетъ въ то же время и преимущество проекта, такъ какъ дѣлаетъ его немедленно осуществимымъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ раз-

сматривается проектъ гофмейстера А. Г. Булыгина».

О связи проектовъ съ земскими съѣздами при опубликованіи ихъ не было упомянуто, и, какъ показали послѣдующія событія, предосторожность эта оказалась далеко не излишней. Іюльскій съѣздъ возбудилъ чрезвычайное безпокойство въ высшихъ бюрократическихъ кругахъ (въ Петербургѣ ему даже приписывали намѣреніе объявить себя учредительнымъ собраніемъ), вызвалъ обыскъ въ организаціонномъ бюро и разслѣдованіе, порученное сен. Постовскому. При такихъ условіяхъ прямое указаніе на происхожденіе публикуемыхъ проектовъ могло бы, помимо репрессій по отношенію къ газетѣ, помѣшать распространенію соотвѣтствующаго ея №».

Появленіе этого важнаго документа въ газетѣ (№ 180 «Русск. Вѣд.» 1905 года, статья «Къ вопросу объ организаціи будущаго представительства») имѣло въ то время огромное политическое значеніе, и, конечно, никакія предостереженія не могли отклонить редакцію «Русскихъ Вѣдомостей» отъ опубликованія и послѣдовательной защиты этой «конституціи». Но тотъ же министръ внутреннихъ дѣлъ Булыгинъ, который сочинялъ неосуществившійся, хотя въ свое время и утвержденный проектъ «со-

вѣщательной» Думы, попытался «предостеречь» «Русскія Вѣдомости» и на этотъ разъ. Предостереженіе было дано 7-го іюля и гласило, что «вредное направленіе» выразилось именно въ статьѣ «Къ вопросу объ организаціи будущаго представительства», а также въ статьяхъ, выяснявшихъ необходимость той самой реформы, которую правительство тремя мѣсяцами позже, 17-го октября 1905 года, провозгласило жизненной потребностью страны.

На этомъ оборвалась нить доконституціонныхъ преслѣдованій «Русскихъ Вѣдомостей». Но безъ промедленія, — если не считать промедленіемъ двухмѣсячный періодъ, — «когда начальство ушло», воздѣйствія сильной руки на газету возобновились и съ наступленіемъ новаго режима своеобразной русской «свободы печати». Созвѣздіе «временныхъ правилъ» 24-го ноября и «чрезвычайной охраны», введенной въ Москвѣ почти слѣдомъ за обнародованіемъ этихъ правилъ, оказалось чрезвычайно враждебнымъ газетѣ: началось прямо съ конца: — 22-го декабря 1905 года московскій генералъ-губернаторъ, адм. Дубасовъ, распорядился послать сильный полицейскій нарядъ въ редакцію и контору «Русскихъ Вѣдомостей», заарестовалъ крупную сумму денегъ, находившихся въ распоряженіи конторы, и пріостановилъ изданіе «Русскихъ Вѣдомостей» на все время дѣйствія въ Москвѣ чрезвычайной охраны.

Другими словами, газета была прекращена *навсегда*, потому что чрезвычайная охрана продержалась въ Москвѣ 2½ года, — срокъ, совершенно достаточный для того, чтобы самая сильная газета не была въ состояніи воскреснуть. Къ счастью, летаргія продолжалась лишь нѣсколько дней. Скорый на рѣшенія адмиралъ убѣдился, что вина за московское возстаніе не можетъ быть возложена на «Русскія Вѣдомости», и разрѣшилъ выходъ газеты.

Въ первомъ январскомъ нумерѣ «Русскихъ Вѣдомостей» 1906 года, въ первомъ и по возобновленіи послѣ перерыва, появилось слѣдующее сообщеніе отъ редакціи о нѣкоторыхъ результатахъ полицейскаго нашествія 22-го декабря:

«22-го декабря состоялось распоряженіе московскаго генералъ-губернатора о пріостановкѣ изданія «Русскихъ Вѣдомостей», вслѣдствіе чего съ 23-го по 31-е декабря газета не выходила. 28-го декабря въ московскихъ газетахъ было опубликовано объявленіе генералъ-губернатора слѣдующаго содержанія:

«Въ виду того, что редакція газеты «Русскія Вѣдомости» во время мятежнаго движенія, еще не окончившагося въ Москвѣ и другихъ городахъ, явно поддерживая его, собирала зна-

чительныя пожертвованія въ пользу боевыхъ революціонныхъ организацій и мятежныхъ дѣятелей, какъ, напримѣръ, въ пользу разныхъ забастовочныхъ комитетовъ, политическихъ ссыльныхъ, борцовъ за свободу и проч., — московскій генералъ-губернаторъ, на основаніи 8-го пункта 26-й ст. правилъ о положеніи чрезвычайной охраны, сдѣлалъ распоряженіе о пріостановленіи изданія названной газеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу 4-го пункта той же статьи, сдѣлано распоряженіе о наложеніи ареста на всѣ суммы, собраныя редакціей «Русскихъ Вѣдомостей» для противоправительственныхъ цѣлей».

23-го декабря прибывшими въ помѣщеніе редакціи полицейскими чинами было дѣйствительно предложено представить имъ бухгалтерскую выписку о всѣхъ поступившихъ въ контору «Русскихъ Вѣдомостей» и не переданныхъ по назначенію пожертвованіяхъ, и вся сумма ихъ, безъ разбора, на какія цѣли сколько пожертвовано, была потребована и выдана полицейскимъ чинамъ чекомъ на московскій купеческій банкъ.

По поводу этой конфискаціи суммъ въ газетахъ появился рядъ совершенно невѣрныхъ извѣстій, опубликованіе которыхъ тѣмъ болѣе

странно, что, казалось бы, какъ телеграфныя агентства, такъ и другіе репортеры имѣли полную возможность навести справки въ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» и получить точныя свѣдѣнія. Въ «Новомъ Времени», напримѣръ, было напечатано, что въ конторѣ «Русскихъ Вѣдомостей» конфискованы 67 тыс. руб., пожертвованныя разными лицами въ пользу всеобщей стачки, для стачечных комитетовъ и въ пользу союза союзовъ... Забраны списки жертвователей и матеріалы, показывающіе, куда деньги сдавались». «Русскій Листокъ», найдя нужнымъ перепечатать это извѣстіе изъ «Новаго Времени», прибавилъ къ нему отъ себя заголовокъ: «Отобраніе революціонныхъ пожертвованій». «Русское Слово» помѣстило замѣтку, въ которой сообщило слухъ, что въ конторѣ «Русскихъ Вѣдомостей» взято болѣе 50-ти тыс. руб., собранныхъ въ пользу забастовщиковъ. Въ петербургскихъ газетахъ отъ 24-го декабря помѣщена была телеграмма «С.-Петербургскаго Агентства» отъ 23-го декабря такого содержанія: «Въ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» весь день идетъ обыскъ; опечатана касса и отобраны деньги, собранныя въ пользу стачечниковъ». Въ «Нар. Хоз.» («Нашей Жизни») отъ 24-го декабря приведено было извѣстіе, что «вслѣдъ за закрытіемъ «Русскихъ Вѣдомостей» по рас-

поряженію генералъ-губернатора были произведены обыски у всѣхъ сотрудниковъ газеты, служащихъ типографіи и конторы». Всѣ эти извѣстія невѣрны. Какъ сказано выше, полиціей отобрана вся сумма пожертвованій, имѣвшихся налицо къ 23-му декабря по бухгалтерской выпискѣ конторы «Русскихъ Вѣдомостей», на томъ основаніи, какъ сказано въ составленномъ тогда полицейскомъ протоколѣ, «что опредѣлить точно по категоріямъ, куда именно деньги предназначены, займетъ много времени». Никакого обыска ни въ редакціи, ни въ конторѣ, ни въ квартирахъ сотрудниковъ и служащихъ не было произведено, а если у кого и были произведены, то безъ всякаго отношенія къ участію ихъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». «Списокъ жертвователей» и «матеріаловъ, показывающихъ, куда деньги сдавались», также никто не требовалъ и не забиралъ, да и надобности въ этомъ не могло быть, такъ какъ въ печатаемыхъ ежемѣсячно въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» отчетахъ о пожертвованіяхъ указывается подробно, отъ кого, сколько и на что получено и кому сколько выдано. Совершенно невѣрно также, что въ конторѣ «Русскихъ Вѣдомостей» взято «болѣе 50-ти тыс.» или даже «67-ми тыс. революціонныхъ пожертвованій», или пожертвованій «въ пользу забастовщиковъ», или

«въ пользу всеобщей стачки, союза союзовъ, стачечнаго фонда» и т. д. Всего было конфисковано 53, 629 руб. 68 к. 24—26-го декабря бухгалтеріей «Русскихъ Вѣдомостей» былъ произведенъ подробный подсчетъ пожертвованій и полный списокъ ихъ былъ отосланъ 26-го декабря московскому градоначальнику. Изъ подсчета оказалось, что общая наличная сумма пожертвованій составляетъ 55,380 р. 67 к., болѣе противъ показанной ранѣе на 1,751 р., что объясняется спѣшностью перваго подсчета, произведеннаго въ присутствіи чиновъ полиціи. Въ означенной суммѣ значится пожертвованій: 20,685 р. 44 к. — въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая въ разныхъ губерніяхъ; 663 р. 44 к. — для пострадавшихъ на войнѣ; 1,554 р. 83 к. — на учрежденіе стипендій; 18,264 р. 92 к. — на просвѣтительныя цѣли (главнымъ образомъ на фондъ народнаго образованія, собранныя въ 1904—1905 гг.); 3,492 р. 18 к. — въ память разныхъ лицъ (Г. А. Джаншіева, А. П. Чехова, Н. К. Михайловскаго, С. Н. Трубецкого, Г. И. Успенскаго и др.); 496 р. 10 к. — на постановку памятниковъ (адмир. Макарову, кн. С. Н. Трубецкому, Чехову, писателю Нефедову и др.); 1,003 р. 23 к. — на разныя благотворительныя цѣли (для недостаточныхъ студентовъ, для Общества вспомоществованія уча-

щимся женщинамъ, на убѣжища престарѣлыхъ женщинъ медицинскаго званія, для погорѣльцевъ и т. п.) и т. д. Пожертвованій, имѣющихъ отношеніе къ послѣднимъ событіямъ, состоитъ 8,938 р. 78 к., въ томъ числѣ 2,877 р. 60 к. въ пользу пострадавшихъ въ Москвѣ въ декабрьскіе дни. Такимъ образомъ, сколько-нибудь сомнительныхъ съ точки зрѣнія администраціи пожертвованій имѣется всего 6,061 р. 18 к. Въ числѣ ихъ однако большинство такихъ, которыя не могутъ вызывать никакихъ сомнѣній, какъ-то: для пострадавшихъ отъ забастовокъ рабочихъ и ихъ семей — 470 р. 08 к., на столовыя для нихъ же — 209 р. 20 к., для таковыхъ же рабочихъ въ Петербургѣ и ихъ семей — 386 р. 75 к., также въ Иваново-Вознесенскѣ — 68 р., для семей почтово-телеграфныхъ служащихъ —75 руб., для телефонныхъ служащихъ — 55 р., для пострадавшихъ отъ погромовъ въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ — 477 р. 50 к., въ распоряженіе конституціонно-демократической партіи — 59 р. 60 к., для пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія и ихъ семей — 1,890 р. 93 к., въ распоряженіе Общества политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ — 82 р., на фондъ для борьбы за свободу печати — 130 р., на поддержаніе освободительнаго движенія — 116 р. (подъ

«освободительнымъ» движеніемъ нельзя разумѣть мятежное), на фондъ для рабочихъ печатнаго дѣла — 15 р. и др. Пожертвованій въ распоряженіе стачечныхъ комитетовъ и на памятникъ борцамъ за свободу имѣется всего 1,771 руб., но и по отношенію къ нимъ, какъ и вообще ко всѣмъ указаннымъ пожертвованіямъ, необходимо имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: 1) всѣ эти пожертвованія поступили за время съ 1-го октября по 30-е ноября, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, когда «мятежнаго движенія» нельзя было предвидѣть, и когда въ Москвѣ не было еще введено положенія чрезвычайной охраны; 2) всѣ подобныя пожертвованія нельзя было считать въ то время предназначенными для «боевыхъ революціонныхъ организацій»; пожертвованія въ стачечные комитеты разсматривались всѣми какъ благотворительныя, предназначенныя для бастующихъ рабочихъ и ихъ семей; что касается памятника борцамъ за свободу, то подъ нимъ разумѣется, очевидно, памятникъ, имѣющій быть поставленнымъ когда-то въ одной изъ столицъ въ память погибшихъ и пострадавшихъ за свободу въ Россіи, на цѣль, въ которой видѣть что-либо противозаконное, едва ли можно. Всѣ подобнаго рода пожертвованія принимались въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ конторами большинства

петербургскихъ и московскихъ газетъ, отчеты о поступленіи ихъ также печатались во множествѣ газетъ, и со стороны властей не принималось, насколько намъ извѣстно, никакихъ мѣръ къ запрещенію и отобранію таковыхъ пожертвованій; 3) при передачѣ пожертвованій по назначенію, редакціей обращалось вниманіе на то, чтобы они шли дѣйствительно на указанныя благотворительныя цѣли и выдавались лишь извѣстнымъ редакціи лицамъ (имена ихъ указаны въ опубликованныхъ отчетахъ); если же въ данное время не оказывалось учрежденій и лицъ, которымъ могли бы быть переданы пожертвованія извѣстной категоріи, то таковыя хранились въ банкѣ; такъ, напримѣръ, хранились суммы, полученныя на фондъ народнаго образованія, съ начисленіемъ на нихъ тѣхъ же процентовъ, что и получаемыя на суммы изданія, подобно тому, какъ хранятся и въ Петербургѣ (въ процентныхъ бумагахъ) суммы, поступившія на фондъ народнаго просвѣщенія и состоящія въ вѣдѣніи особаго комитета, разрѣшеннаго бывшимъ министромъ кн. Святополкъ-Мирскимъ (впрочемъ, только для собиранія и храненія, а не для расходованія суммъ); 4) скопленіе суммъ по нѣкоторымъ категоріямъ, напримѣръ, въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, объясняется тѣмъ, что бывшія за-

бастовки, почтовая, а затѣмъ желѣзнодорожная, и бывшія въ Москвѣ событія, не могли не вызвать замедленія въ ихъ отправкѣ по назначенію.

Редакція «Русскихъ Вѣдомостей» разсчитываетъ, что изъ конфискованной суммы пожертвованій всѣ тѣ, которыя внесены на благотворительныя цѣли, будутъ возвращены, такъ какъ не имѣется никакихъ законныхъ основаній къ ихъ конфискаціи и даже задержанію. Особенно не можетъ быть оправдываемо задержаніе суммъ, предназначенныхъ для пострадавшихъ отъ неурожая; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нужда голодающихъ такъ велика, что скорѣйшая отправка туда пожертвованій является положительной необходимостью».

Закулисная сторона этой исторіи до нѣкоторой степени освѣщена въ воспоминаніяхъ Д. Н. Анучина.

«Чѣмъ больше начало разгораться движеніе, — пишетъ Анучинъ, — тѣмъ чаще стали поступать въ контору газеты пожертвованія въ пользу пострадавшихъ отъ него. Цифра ихъ въ общемъ оказалась довольно крупной, что, очевидно, и обратило на себя вниманіе адмирала Дубасова; и вотъ въ одинъ декабрьскій вечеръ 1905 года является въ помѣщеніе редакціи большой отрядъ городовыхъ съ ружьями,

оцѣпливаетъ весь домъ, и полицейскій офицеръ требуетъ выдачи всей суммы пожертвованій (кажется, около 50-ти тыс. руб.). Денежный ящикъ былъ запертъ, ключъ его находился у артельщика, жившаго гдѣ-то далеко, да въ ящикѣ и не могло быть столько денегъ, требовалось взять ихъ съ текущаго счета въ банкѣ, что невозможно было сдѣлать вечеромъ. Послѣдовало продолжительное объясненіе и переговоры по телефону съ кѣмъ слѣдуетъ, и, наконецъ, рѣшено было отложить до завтра, причемъ у конторы газеты поставлены были на ночь часовые. На другой день былъ выданъ нами полицейскому офицеру подъ расписку чекъ въ банкъ, а мнѣ товарищи предложили отправиться къ Дубасову для объясненій. Въ генералъ-губернаторскомъ домѣ находилось въ это время порядочное число разныхъ офицеровъ, полицейскихъ и другихъ чиновъ. Дубасовъ принялъ меня стоя, въ присутствіи нѣсколькихъ адъютантовъ, и разразился рядомъ упрековъ, что мы поддерживаемъ возстаніе, собираемъ деньги для противозаконныхъ цѣлей, что онъ конфискуетъ собранныя деньги, уничтожитъ газету, не остановится передъ высылкой и т. п. Всѣ мои попытки объясненій были напрасны и я вышелъ, понятно, съ весьма разстроеннымъ и угнетеннымъ видомъ. Помню, когда я сошелъ внизъ, со мной поздоровался П. И. Бартеневъ (издатель «Русскаго Архива»), бывшій зачѣмъ-то у Дубасова, и съ самымъ невиннымъ видомъ

сталъ говорить со мною о Пушкинѣ (о которомъ я писалъ въ «Русск. Вѣд.» шестью годами ранѣе). Я что-то ему отвѣчалъ и поспѣшилъ поскорѣе отъ него отдѣлаться и отправиться къ дожидавшимъ меня товарищамъ. «Русск. Вѣд.», дѣйствительно, были остановлены Дубасовымъ на неопредѣленное время, и неизвѣстно, что бы могло затѣмъ для насъ послѣдовать, если бы, по счастливой случайности, у насъ не оказался неожиданный заступникъ въ лицѣ покойнаго князя П. Н. Трубецкого, бывшаго тогда московскимъ предводителемъ дворянства. Онъ сообщилъ Дубасову, что «Русск. Вѣд.» — органъ умѣренный, пользующійся симпатіями московскаго общества, и что, если газета принимала пожертвованія на незаконныя цѣли, то это надо объяснить случайностью, тѣмъ, что въ послѣднее время у всѣхъ смѣшались понятія, что дозволено и что нѣтъ, — вообще нѣчто въ этомъ родѣ. Черезъ нѣсколько дней я былъ снова у Дубасова и на этотъ разъ былъ позванъ въ другую комнату, гдѣ мнѣ предложили сѣсть за столомъ, за которымъ помѣстился и самъ Дубасовъ, его секретарь и еще какіе-то чиновники. Дубасовъ сказалъ мнѣ, что онъ, какъ не московскій житель, не былъ знакомъ съ московскими газетами, въ томъ числѣ и съ «Русск. Вѣд.», но теперь онъ получилъ свѣдѣнія, что наша газета издается давно, и что направленіе ея, «хотя и либеральное, но приличное». Поэтому онъ нашелъ возможнымъ разрѣшить

дальнѣйшій выпускъ газеты. Съ другой стороны онъ поставленъ въ извѣстность, что въ числѣ конфискованныхъ суммъ имѣются многія пожертвованія на разрѣшенныя цѣли, напр., въ пользу голодающихъ, недостаточныхъ учащихся и т. п., въ виду чего произведена будетъ провѣрка пожертвованій и всѣ суммы, внесенныя на дозволенныя цѣли, будутъ возвращены, а конфискованы будутъ только пожертвованія на цѣли незаконныя».

Начавшійся при такихъ печальныхъ условіяхъ 1906 годъ и продолжался не менѣе печально. Это былъ годъ первой нашей Государственной Думы, годъ большихъ надеждъ и большихъ разочарованій. Положеніе «Русскихъ Вѣдомостей» было въ этотъ историческій моментъ чрезвычайно трудное. Газета была въ полномъ смыслѣ слова между двухъ огней. «Русскія Вѣдомости», — говоритъ А. А. Кизеветтеръ, въ своемъ очеркѣ публицистической дѣятельности газеты въ эту эпоху, — «постоянно рекомендовали не пренебрегать въ пылу борьбы за далекіе идеалы ближайшими и практически осуществимыми задачами... Эту «осуществимость» газета отнюдь не измѣряла степенью «пріемлемости» тѣхъ или иныхъ задачъ для даннаго правительства. Программа, развитая въ думскомъ адресѣ, была признана совершенно «непріемлемой» для кабинета Горемыкина, и тѣмъ не менѣе «Русскія Вѣдомости» привѣтствовали эту программу, какъ пе-

речень мѣръ, которыя могли бы и должны были осуществляться, такъ какъ необходимость этихъ мѣръ подсказывалась реальными потребностями страны; правда, эти мѣры были радикальны, но газета какъ-разъ и стояла на той точкѣ зрѣнія, что лишь радикальными реформами можно достигнуть дѣйствительнаго оздоровленія Россіи, лишь бы только эти радикальныя реформы были согласованы съ условіями народной жизни. И когда разразился конфликтъ между Думой и кабинетомъ, когда съ очевидностью выяснилась невозможность для нихъ какого бы то ни было сотрудничества, «Русскія Вѣдомости» опредѣленно стали указывать, какъ на единственно правильный и здоровый выходъ изъ создавшагося положенія, опять таки на мѣру радикальную, и тѣмъ не менѣе съ ихъ точки зрѣнія вполнѣ могущую быть осуществленной при условіи общаго искренняго желанія добра Россіи. Въ полномъ согласіи съ настроеніемъ самой Думы «Русскія Вѣдомости» опредѣленно стали на ту точку зрѣнія, что такимъ выходомъ могло быть только созданіе парламентскаго министерства...

«Русскія Вѣдомости», — говоритъ тотъ же авторъ далѣе, — неизмѣнно выдерживали вдумчиво-осторожное отношеніе къ развертывающимся событіямъ. Опредѣленно установивъ свою точку зрѣнія на необходимость коренной отмѣны стараго государственнаго порядка и горячо привѣтствуя направленныя къ этой

цѣли усилія первыхъ народныхъ представителей, «Русскія Вѣдомости» никогда не поддавались въ своихъ сужденіяхъ голосу страсти, не ослѣплялись какими-либо иллюзорными увлеченіями. Сознаніе сложности переживаемаго момента сквозило во всѣхъ откликахъ газеты на политическія событія. Но, если эта сознательная сдержанность противостояла порывамъ излишняго оптимизма, то въ ней же коренилось спасительное предохраненіе и отъ пессимистическаго отчаянія. И вотъ почему прочувствованная похоронная статья «Русскихъ Вѣдомостей» по поводу роспуска первой Думы была все же закончена мажорнымъ аккордомъ, выражавшимъ непоколебимую вѣру въ конечную побѣду народнаго дѣла: «Настоящее тревожно, будущее темно, ночь надвигается... Но солнце взойдетъ надъ родиной, все-таки взойдетъ!»

Надо ли говорить, что повтореніе исторіи 22-го декабря даже во время существованія первой Думы не было исключено, пока дѣйствовало въ Москвѣ положеніе о чрезвычайной охранѣ. Но случилось нѣчто худшее. 9-го іюля покончили съ первой Думой, а черезъ десять дней пришла вѣсть о томъ, что не стало одного изъ выдающихся членовъ перваго русскаго собранія народныхъ представителей, нашего дорогого товарища, Михаила Яковлевича Герценштейна... Прошло какихъ-нибудь семь мѣсяцевъ и «Русскія Вѣдомости» понесли вторую невознаградимую утрату: 14-го марта 1907 года отъ руки

убійцъ, поразившихъ Герценштейна, палъ среди бѣлаго дня въ центрѣ Москвы, на людной улицѣ, другой нашъ товарищъ, одинъ изъ редакторовъ «Русскихъ Вѣдомостей», Григорій Борисовичъ Іоллосъ...

Что Іоллосъ и Герценштейнъ приняли мученическій вѣнецъ за то направленіе, которое они вынесли на трибуну Государственной Думы изъ стѣнъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей», — въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Убійцы ихъ не могли руководствоваться личной враждой къ нимъ: для этого не было никакихъ основаній; а все ихъ политическое значеніе заключалось въ ихъ публицистической дѣятельности, основные завѣты которой руководили и ихъ депутатскими выступленіями. Недаромъ и друзья убійцъ или сами убійцы въ подметномъ письмѣ, съ печатью пресловутой черносотенной, истинно-русской «каморы», присланномъ на другой день послѣ убійства Іоллоса въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей», угрожали повтореніемъ своихъ злодѣяній.

Пролить полный свѣтъ на это ужасное дѣло могъ бы, конечно, судъ, но суда надъ убійцами нашихъ друзей не было, такъ какъ ни слѣдственнымъ, ни полицейскимъ властямъ не посчастливилось ихъ открыть...

Въ дальнѣйшемъ «борьба» дореволюціонныхъ властей съ «вреднымъ направленіемъ» «Русскихъ Вѣдомостей» продолжалась съ неизмѣнной энергіей

до самой февральской революціи 1917 года. Умѣренная, не склонная къ «радикальнымъ выходкамъ», газета продолжала возбуждать и при обновленномъ строѣ прежнія опасенія. Не даромъ еще Плеве въ бесѣдѣ съ однимъ виднымъ дѣятелемъ говорилъ: «Вы среди общественныхъ дѣятелей то же, что «Русскія Вѣдомости» среди нашей печати. Намъ не страшны требованія лѣвыхъ: съ ними мы справимся; намъ опасны умѣренныя требованія, въ которыхъ нельзя отказать, безъ нарушенія элементарной справедливости, — мы должны ихъ удовлетворить, а они, наростая, выбьютъ въ концѣ-концовъ насъ изъ нашей позиціи». 4-го іюня 1907 года, вслѣдъ за роспускомъ второй Государственной Думы, начался «штрафной» періодъ въ исторіи русской печати. «Русскія Вѣдомости» были оштрафованы на другой день послѣ изданія обязательныхъ постановленій, за нарушеніе которыхъ каралась печать въ административномъ порядкѣ. Въ чемъ именно администрація усматривала нарушеніе этихъ постановленій, обыкновенно никакихъ объясненій не давалось. Само собою, что и отъ редакціи ни разу не было спрошено никакихъ разъясненій по поводу статей, вызвавшихъ неудовольствіе администраціи и послужившихъ поводомъ къ наложенію на изданіе штрафа. Все дѣлается очень просто и необыкновенно скоро, даже иногда слишкомъ скоро. Въ помѣщеніе редакціи является полицейскій чиновникъ и предъявляетъ

служебную телеграмму, въ которой значится, что генералъ-губернаторъ или градоначальникъ постановилъ наложить штрафъ за нарушеніе такого-то пункта обязательнаго постановленія въ такой-то статьѣ такого-то нумера газеты, съ замѣной штрафа, въ случаѣ неуплаты его, арестомъ редактора при полиціи. Суммы штрафа бывали разныя: случалось платить по 100 рублей, бывали штрафы и въ 3,000 рублей. Въ общемъ «Русскія Вѣдомости» внесли въ видѣ штрафовъ довольно значительный капиталъ. Куда пошли эти деньги, мы не знаемъ. За что собственно онѣ были взысканы съ газеты, я думаю, затруднились бы съ точностью сказать и тѣ, кто налагалъ штрафы. Бывали случаи, когда положительно невозможно было догадаться, въ чемъ отысканъ хотя бы малѣйшій поводъ для административной кары. Былъ случай, что, взыскавъ штрафъ, не сочли нужнымъ опубликовать въ офиціальномъ органѣ полиціи, за нарушеніе какихъ правилъ и въ какой статьѣ газеты онъ былъ взысканъ. Понятно, что при такихъ порядкахъ нѣтъ ни малѣйшей возможности хотя бы приблизительно опредѣлить, что считается администраціей дозволительнымъ и что недопустимымъ. Нужно было всегда быть готовымъ къ уплатѣ за что-то штрафа, — всегда, т. е. буквально во всякое время дня и ночи, ибо бывали случаи взысканія въ 12 часовъ ночи, подъ угрозой немедленнаго препровожденія редактора въ тюрьму.

Въ промежуткахъ между административными штрафами производились конфискаціи отдѣльныхъ нумеровъ газеты. Штрафы взимались на основаніи чрезвычайной и усиленной охраны, конфискаціи оправдывались правилами 24-го ноября 1905 года. Весьма нерѣдко арестъ, наложенный на нумеръ инспекціей по дѣламъ печати, не получалъ утвержденія со стороны органовъ судебной власти. Тогда, мѣсяца черезъ два, черезъ три, запретъ съ нумера, въ которомъ спеціальные чины надзора за печатью усмотрѣли нарушеніе закона, снимался, и читатели могли, если угодно, ознакомиться со статьею, обезпокоившей цензурную власть. Но бывало и такъ, что прокурорскій надзоръ согласится съ цензурнымъ распоряженіемъ о конфискаціи. Тогда дѣло идетъ судебнымъ порядкомъ, но большею частью, какъ показываетъ практика «Русскихъ Вѣдомостей», до суда все-таки не доходитъ. Въ такихъ случаяхъ злополучный нумеръ находился подъ запрещеніемъ уже гораздо большій срокъ, что, впрочемъ для ежедневной газеты не представляетъ уже большой важности: два ли мѣсяца, два ли года пробудетъ въ новѣйшемъ цензурно-судебномъ чревѣ китовомъ нумеръ, который долженъ быть выданъ публикѣ *сегодня* и прочтется сегодня же или никогда не прочтется, — право, не все ли это равно?

Бывали случаи возбужденія преслѣдованій въ судебномъ порядкѣ и безъ предварительной конфи-

скаціи. Бывали случаи уничтоженія конфискованнаго нумера по постановленію суда, но безъ возбужденія судебнаго преслѣдованія противъ редактора. Обвиненія противъ «Русскихъ Вѣдомостей» выдвигались, кажется, по всѣмъ популярнымъ въ нашей прессѣ статьямъ уголовнаго кодекса, начиная съ излюбленнѣйшей 129-й ст. Уголовнаго Уложенія. Но всѣ эти дѣла либо прекращались до суда (частью судебною властью, частью по февральскому манифесту 1913 года), либо заканчивались оправданіемъ по суду. Только въ двухъ случаяхъ усмотрѣннаго судомъ формальнаго нарушенія законовъ о печати дѣла завершились судебной карой: однодневнымъ арестомъ редактора при тюрьмѣ и 5-тирублевымъ штрафомъ. Этотъ арестъ выпалъ на долю покойнаго В. М. Соболевскаго передъ самымъ концомъ его сорокалѣтней работы въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Позднѣе, уже во время войны, одинъ изъ многочисленныхъ, процессовъ, порожденныхъ дѣломъ Бейлиса, привелъ на скамью подсудимыхъ, кромѣ подписавшаго нумеръ въ качествѣ отвѣтственнаго редактора П. В. Егорова, также автора статьи В. А. Маклакова. Въ первой инстанціи дѣло завершилось присужденіемъ каждаго изъ нихъ къ двухмѣсячному заключенію. Приговоръ былъ обжалованъ и дѣло было поглощено февральской революціей.

Война поставила всю русскую печать въ исключительныя условія военной цензуры. Съ этимъ можно

и должно мириться. Но наша военная цензура въ значительной мѣрѣ лишь по недоразумѣнію именовалась военной. Очень скоро она превратилась въ назойливую общую цензуру. Былъ изданъ длинный перечень вопросовъ, которыхъ печать не могла касаться безъ предварительнаго цензурнаго просмотра статьи. Лишь въ нѣкоторой своей части перечень охватывалъ военныя дѣла и связанные съ войной интересы государства. Значительно полнѣе была другая часть, которая откровенно защищала правительство и администрацію отъ журнальной и газетной критики въ такомъ же широкомъ масштабѣ, какъ прежнія запретительные циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ. Цензура старалась, но высшія петербургскія власти, именно гражданскія, а не военныя, все-таки были постоянно недовольны, и редакція «Русскихъ Вѣдомостей» неоднократно получала, черезъ предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета, предупрежденія отъ министра внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклакова, что газета будетъ закрыта въ административномъ порядкѣ. Министръ не успѣлъ это сдѣлать, но какъ разъ передъ самымъ его уходомъ въ отставку (лѣтомъ 1915 года) вопросъ о закрытіи «Русскихъ Вѣдомостей» былъ поставленъ на ближайшую очередь.

При февральскомъ временномъ правительствѣ русская печать пользовалась полною фактической свободою, которая была легализирована апрѣль-

скимъ закономъ 1917 г., долго числившимся формально неотмѣненнымъ и при большевикахъ. Но совѣтская власть на практикѣ быстро покончила со свободой печати. Для всѣхъ русскихъ газетъ, и для «Русскихъ Вѣдомостей» въ томъ числѣ, первые восемь-девять мѣсяцевъ владычества большевиковъ было временемъ какой-то газетной лихорадки. Военная цензура сохранилась, даже сохранился маклаковскій перечень, но и режимъ прямого, грубѣйшаго административнаго воздѣйствія на печать былъ въ полномъ ходу. То и дѣло газеты, всѣ, кромѣ официальныхъ, закрывались — на недѣлю, на двѣ. Потомъ снова начинали выходить — до новой остановки. Военная цензура дѣйствовала, а рядомъ съ ней стали дѣйствовать и совѣтскіе трибуналы, щедро награждавшіе писателей и журналистовъ тюремными карами, запрещеніями и штрафами въ неслыханномъ размѣрѣ (20 тыс., 50 тыс., 100 тыс. — что на нынѣшнія деньги составлетъ большіе милліарды, если не трилльоны).

Счетъ съ «Русскими Вѣдомостями» былъ сведенъ однимъ ударомъ въ апрѣлѣ 1918 года. Совѣтской власти хорошо было извѣстно, что донять газету, издававшуюся трудовымъ писательскимъ товариществомъ, большими штрафами невозможно. Просто не заплатили бы этихъ сотенъ тысячъ, потому что не изъ чего было платить. Взять изморомъ, какъ и всю печать, путемъ постоянныхъ пріостановокъ, или

покончить сразу, привести въ исполненіе угрозу Побѣдоносцева, Плеве и Ник. Маклакова — «запретить навсегда» — вотъ къ чему сводился вопросъ

Для редакціи не было сомнѣнія, что этотъ ударъ будетъ нанесенъ газетѣ. Но прежде, чѣмъ онъ былъ нанесенъ, нанесли другой, ужасный, кровавый. Судьбѣ было угодно, чтобы газета, въ лицѣ близкихъ ей людей, вторично, черезъ десять лѣтъ, испытала на себѣ политическій терроръ власти, раньше, чѣмъ онъ разразился надъ всей страной. Наканунѣ открытія Учредительнаго Собранія отъ руки подосланныхъ убійцъ пали заточенные въ тюрьму члены этого собранія, писатели Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и А. И. Шингаревъ[4]), одинъ — членъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей», другой — ихъ давній дѣятельный постоянный сотрудникъ. Черная реакція вырвала изъ кружка людей, собравшихся около знамени «Русскихъ Вѣдомостей», двухъ выдающихся работниковъ. Красная реакція не осталась въ долгу и вырвала тоже двоихъ. Закулисная интрига, повлекшая за собою убійство Іоллоса и Герценштейна, предварила ту полосу безчисленныхъ смертныхъ

---

[4]) Шингаревъ, А. И. (1869—1918), врачъ, публицистъ и общественный дѣятель, членъ Государственной Думы и Учредительнаго Собранія. Сотрудничество его въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» началось въ 1907 г. и продолжалось до самой его смерти. Писалъ онъ много и часто на политическія темы дня Звѣрски убитъ въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ.

казней при старомъ режимѣ, которую В. Г. Короленко заклеймилъ въ своемъ «Бытовомъ явленіи». Убійство Кокошкина и Шингарева, при тождественныхъ обстоятельствахъ, какъ бы раскрыло двери кровавому террору красной власти, борьба съ которымъ — безсильная борьба словомъ и перомъ — отравила послѣдніе дни знаменитаго писателя. И какъ тогда, такъ и на этотъ разъ, убійство изъ-за угла писателей, сильныхъ только своимъ литературнымъ вліяніемъ и облеченныхъ именно благодаря ему званіемъ народныхъ представителей, осталось безнаказаннымъ. Власть въ томъ и другомъ случаѣ не захотѣла или не посмѣла возбудить противъ убійцъ судебное преслѣдованіе.

Черезъ четыре мѣсяца послѣ гибели Кокошкина и Шингарева настала очередь газеты. «Русскія Вѣдомости» были привлечены къ суду особаго трибунала, созданнаго въ то время спеціально для разбора прегрѣшеній печати. Кажется, этотъ судъ просуществовалъ очень недолго, и его роль чуть ли не ограничилась осужденіемъ «Русскихъ Вѣдомостей» и одной-двухъ газетъ, съ которыми покончили въ тотъ же день.

Въ составъ суда входили три латыша, состоящихъ на совѣтской военной службѣ, а обвинителемъ былъ тогдашній совѣтскій верховный главнокомандующій прапорщикъ Крыленко. Обвинитель былъ очень суровъ, а судьи — очень послушны, и приговоръ былъ

вынесенъ: «закрыть навсегда». Поводомъ послужила статья Савинкова[5]), въ общемъ довольно сдержанная и во всякомъ случаѣ не преступавшая ни по тону, ни по содержанію предѣловъ допускавшейся тогда въ печати оппозиціи большевизму. Но статья была признана оскорбительной для главарей коммунистической партіи, по адресу которыхъ направлена была одна фраза, вложенная авторомъ въ уста какой-то студентки: «Ахъ, что они сдѣлали съ моей Россіей!» Конечно, эта статья была только поводомъ къ запрещенію газеты. Истинная причина заключалась въ стремленіи вообще упразднить инакомыслящую прессу. Позднѣе эта мысль была осуществлена, такъ сказать, однимъ росчеркомъ пера. Но въ тотъ моментъ пытались дѣйствовать репрессіей противъ отдѣльныхъ органовъ печати. Повидимому, предполагалось, что устраненіемъ популярныхъ среди читателей и авторитетныхъ изданій вліяніе несовѣтской печати будетъ парализовано. Даже допускали немедленно вслѣдъ за закрытіемъ газеты выходъ новой подъ тою же редакціей, т. е. въ сущности возобновленіе старой подъ новымъ названіемъ. Если бы власть считалась съ неотмѣнными законами о

---

[5]) Савинковъ, Б. В., извѣстный политическій дѣятель. Писалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» недолго, сначала, во время европейской войны, присылалъ статьи полубеллетристическаго содержанія, позднѣе, въ послѣдній годъ выхода газеты, далъ нѣсколько статей на политическія темы дня.

свободѣ печати, появленіе такихъ новыхъ газетъ было бы неизбѣжно, ибо при явочной системѣ трудно, если не невозможно, предотвратить замѣну прекращенныхъ газетъ и журналовъ другими. Но съ закономъ не считались и уже въ то время ни одна газета не могла появиться безъ предварительнаго *прямого* разрѣшенія власти. Заявка издателя и свидѣтельство регистрирующаго правительственнаго мѣста превратились въ пустую формальность, которая выполнялась послѣ того, какъ болѣе высокое мѣсто совѣтской правящей организаціи разрѣшало предпринять изданіе.

Послѣ запрета «Русскихъ Вѣдомостей» у товарищества, издававшаго ихъ, возникла мысль использовать оставшійся безъ дѣла редакціонный и техническій аппараты для какой-либо другой полезной работы. Между прочимъ, рѣшили попытаться, нельзя ли издавать вечернюю газету. А надо сказать, что по сложившимся издавна въ Москвѣ и Петербургѣ порядкамъ государственной и общественной жизни (кажется, мало поколебавшимся и въ настоящее время) вечернія газеты у насъ плохо прививались. Онѣ всѣ оказывались малосодержательными даже въ информаціонномъ отношеніи. Разсчитывали онѣ только на городского читателя, не помышляя объ иногородныхъ, и за неимѣніемъ другихъ рессурсовъ били на сенсацію или даже превращались въ своего рода расширенныя театральныя афиши. Создать

серьезную вечернюю газету, особенно въ условіяхъ того времени, было очень трудно. Но въ крайности — отчего не попробовать.

Къ удивленію, однако, рекогносцировка въ совѣтскихъ кругахъ дала совершенно неожиданные результаты. «Почему они хотятъ издавать вечернюю газету?» — спрашивали тамъ. — «Но, вѣдь, «Русскія Вѣдомости» запрещены навсегда». — «Такъ что же? Другіе издаютъ послѣ запрещенія новыя газеты. Ничто не мѣшаетъ и имъ сдѣлать то же».

Тогда рѣшено было начать изданіе новой газеты — «Вѣдомостей». «Нѣтъ, — сказали власти, — это названіе неудобно. Надо уважать судебный приговоръ». «Вѣдомости» были переименованы редакціей въ «Свободу Россіи», и В. Я. Брюсову, бывшему въ то время главой управленія печати, былъ отданъ приказъ выдать надлежащее свидѣтельство.

Газета появилась. Издателемъ-редакторомъ числилось, правда, постороннее редакціи лицо, но весь внѣшній обликъ газеты, кромѣ заголовка, и, главное, все ея содержаніе не оставляли никакого сомнѣнія, что это тѣ же «Русскія Вѣдомости», отпечатанныя тѣми же хорошо извѣстными каждому москвичу шрифтами въ той же типографіи издательства «Русскія Вѣдомости» (Б. Чернышевскій, 7). Мальчишки-разносчики, заручившись кипами свѣжихъ экземпляровъ перваго нумера «новой» газеты, кричали на всѣхъ перекресткахъ московскихъ улицъ:

«Русскія Вѣдомости!», «Русскія Вѣдомости!»... И редакція газеты не имѣла ни охоты, ни — быть можетъ — даже способности вводить кого-либо въ обманъ маскарадомъ. Кто приходилъ въ редакцію, встрѣчалъ на томъ же мѣстѣ тѣхъ же людей, дѣлающихъ то же дѣло. Ни отъ кого ни на одну минуту не было тайной, что возобновились именно «Русскія Вѣдомости». И даже лейбъ-органъ совѣтской власти, московскія «Извѣстія», на другой же день по выходѣ перваго нумера «Свободы Россіи», въ ближайшемъ своемъ нумерѣ, возобновилъ полемику съ... «Русскими Вѣдомостями». Замѣтка «Извѣстій» такъ и начиналась: «Русскія Вѣдомости» («Свобода Россіи») пишутъ и т. д.

Но это была только отсрочка. Прошло два-три мѣсяца, и 6-го іюля н. с., въ день убійства германскаго посла гр. Мирбаха, въ поздній часъ пришло извѣщеніе, что газета пріостановлена впредь до новаго распоряженія. Одновременно были остановлены всѣ московскія газеты, кромѣ коммунистическихъ и соціалъ-демократическихъ. Редакціямъ было объявлено, что право на дальнѣйшій выходъ получатъ только тѣ изданія, которымъ будетъ дано, такъ сказать, вторичное разрѣшеніе (особая нелегальная отмѣтка на типографскомъ свидѣтельствѣ, установленномъ для газетъ и журналовъ по апрѣльскому закону). «Русскимъ Вѣдомостямъ», какъ и большинству московскихъ газетъ,

разрѣшили возобновить выпускъ нумеровъ. Но это разрѣшеніе дѣйствовало всего нѣсколько часовъ. Въ ночь на 15-28 іюля, когда долженъ былъ выйти первый по возобновленіи нумеръ газеты въ редакцію явился совѣтскій военный чинъ въ сопровожденіи отряда красногвардейцевъ и объявилъ новый приказъ о пріостановкѣ. На утро въ «Извѣстіяхъ» появилось пространное сообщеніе о томъ, что всѣ московскія «буржуазныя» газеты, т. е. фактически опять-таки всѣ газеты, кромѣ коммунистическихъ и соціалъ-демократическихъ (часъ послѣднихъ пробилъ позднѣе), пріостанавливаются «впредь до полнаго утвержденія совѣтской власти» въ Россіи.

Съ тѣхъ поръ прошло пять лѣтъ; апрѣльскій законъ 1917 года о свободѣ печати успѣли къ 1922 году замѣнить декретомъ объ установленіи предварительной цензуры и концессіоннаго порядка разрѣшенія газетъ и журналовъ; но моментъ «полнаго утвержденія совѣтской власти», когда появленіе въ Россіи «буржуазныхъ» газетъ не будетъ, по словамъ того же сообщенія, «преступленіемъ противъ рабочихъ и бѣднѣйшихъ крестьянъ», все еще не наступилъ. «Буржуазной» прессы, т. е. не казенной, не офиціальной или офиціозной, а независимой и смѣющей свое сужденіе имѣть, хотя бы въ самой сдержанной формѣ, въ Россіи нѣтъ и въ поминѣ. Красная звѣзда коммунистической власти въ своемъ гоненіи на печать оставила далеко позади даже

сумасшедшаго мальтійскаго гросмейстера, императора Павла I. Тотъ наложилъ запретъ на всю иностранную печать, не исключая и нотъ, ибо и подъ нотными знаками можетъ укрыться недозволенная мысль. Но на предварительную цензуру въ отечествѣ все-таки возлагали нѣкоторыя надежды. Теперь его безумная идея блокироваться отъ наплыва вредныхъ идей осуществлена въ Россіи въ болѣе полномъ объемѣ.

VI

При всевозможныхъ обстоятельствахъ, во всѣ эпохи своего продолжительнаго существованія «Русскія Вѣдомости», съ тѣхъ поръ, какъ окончательно сложилась физіономія газеты, вели свою линію. Это можетъ нравиться и не нравиться, но это — фактъ. Опредѣленность направленія газеты, однако, никогда не переходила въ сектантскую исключительность или партійную нетерпимость. «Русскія Вѣдомости» всегда стремились быть и всегда были органомъ общественнымъ и объединяющимъ русское общество и его литературныя силы во имя любви къ свободѣ и любви къ родинѣ (по выраженію Герцена). Для людей, руководящихъ газетою, она всегда была высокой каѳедрой, съ которой можетъ раздавться только чистое слово. Больше того: для нихъ, преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе, «Русскія Вѣдомости» являлись какъ бы храмомъ, въ которомъ можетъ раздаваться только слово истины. А двухъ истинъ для искренняго убѣжденія нѣтъ, и символъ вѣры «Русскихъ Вѣдомостей» не допускаетъ истолкованія истины вкривь и вкось. Но, блюдя *духъ* вѣры, газета не была требовательна относительно формы, обряда; будучи опредѣленной, она оставалась терпимой и стремилась не обособиться отъ инакомыслящихъ и не рас-

членить, а объединить воинство духа. Вотъ почему «Русскія Вѣдомости», никогда не обращаясь въ «парламентъ мнѣній», могли постоянно пользоваться сотрудничествомъ представителей самыхъ разнообразныхъ литературныхъ теченій и политическихъ направленій, нерѣдко соперничавшихъ и враждовавшихъ въ другомъ мѣстѣ, но на столбцахъ «Русскихъ Вѣдомостей», помнившихъ не о томъ, что ихъ раздѣляло, а о томъ, что было всѣмъ имъ близко и дорого. Рыцари духа сходились здѣсь, зная, что въ этомъ чистомъ мѣстѣ нѣтъ «ни запаха постнаго масла», «ни запаха аракчеевщины», «ни отвратительнаго холопства», но есть честныя убѣжденія, — пусть кое въ чемъ и ошибочныя, — и есть дѣятельная любовь къ родинѣ и народу.

Они сходились въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и шли вмѣстѣ противъ общаго врага развернутымъ фронтомъ. И кого только не было среди нихъ! Низенькій домъ въ Чернышевскомъ переулкѣ не разъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ «великаго писателя земли русской»[1]). Какая пропасть, казалось бы, отдѣляла этого проповѣдника «царства Божьяго внутри насъ», отрицавшаго науку и не видѣвшаго въ государствѣ и его принудительной власти, при ка-

[1]) Толстой, Л. Н. (1828—1910). О сотрудничествѣ великаго писателя въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» подробнѣе разсказано въ моей книгѣ «Журналисты безвременья». Началось оно въ восьмидесятыхъ годахъ и продолжалось до смерти Л. Н.

комъ бы то ни было строѣ, достойнаго орудія для достиженія общественнаго блага, отъ людей, осѣненныхъ знаменемъ науки, убѣжденныхъ государственниковъ, вѣрующихъ въ возможность установленія справедливыхъ общественныхъ отношеній на почвѣ права, путемъ разумныхъ соціальныхъ реформъ? Но у великаго художника-мыслителя, преданнаго религіозной мечтѣ о коренномъ переустройствѣ міра путемъ усовершенствованія внутренняго человѣка, и у газеты позитивно настроенныхъ публицистовъ и ученыхъ, стремившихся къ практически-осуществимой политической и соціальной реформѣ въ своемъ отечествѣ, находилось постоянно общее дѣло — и на протяженіи четверти вѣка въ рядахъ скромныхъ работниковъ «Русскихъ Вѣдомостей» много разъ появлялась мощная фигура великаго старика, и со столбцовъ нашей газеты раздавалось его вѣщее слово.

И другой великій и суровый старикъ, гордость русской литературы, взыскательный и строгій судья русской общественности, проницательному взору котораго были открыты людскія сердца, нашелъ, что и ему по дорогѣ съ «Русскими Вѣдомостями». Здѣсь я отмѣчу интересный отзывъ М. Е. Салтыкова о «Русскихъ Вѣдомостяхъ», въ письмѣ его къ другу, доктору Н. А. Бѣлоголовому. 31-го августа 1884 года Салтыковъ сообщаетъ о своемъ первомъ свиданіи съ Соболевскимъ:

«На-днях былъ у меня редакторъ «Русскихъ Вѣдомостей» и предлагалъ участвовать. Но явно, что, предлагая, онъ боится за газету. Да и мнѣ какъ-то совѣстно на старости лѣтъ сдѣлаться газетнымъ фельетонистомъ. Однако я обѣщалъ и попробую. Это единственный порядочный органъ и притомъ со смысломъ издающійся. Очень умѣренный, но честный».

А черезъ полгода, 19-го января 1885 года, когда проба состоялась и повела къ продолжительному сотрудничеству, великій писатель говоритъ въ письмѣ къ тому же другу:

«Посылаю вамъ двѣ мои сказки, которыхъ вы, конечно, не читали, потому что онѣ напечатаны въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», вами не получаемыхъ (а между тѣмъ это единственная газета, которую взять въ руки не стыдно)».

Обзоръ дѣятельности Щедрина[2]) въ нашей газетѣ и его литературныхъ сношеній съ редакціей я посвятилъ отдѣльный очеркъ въ своей книгѣ «Журналисты безвременья» (М. 1917 г.). Эти сношенія, впрочемъ, скоро вышли за предѣлы чисто дѣловыхъ. Щедринъ бралъ на себя роль добровольнаго ходатая по цензурнымъ дѣламъ газеты и, со

[2]) Салтыковъ, М. Е. (1826—1889). Подробно история сотрудничества знаменитаго сатирика изложена мною въ этой же книгѣ. Начало относится къ 1884 году. Оборвалось со смертью М. Е.

своей стороны, возлагалъ на Соболевскаго хлопоты по пріисканію для него, Салтыкова, подмосковнаго имѣнія. Возложеніе такого порученія на покойнаго редактора, кстати сказать, было предпріятіемъ довольно-таки рискованнымъ и даже прямо комическимъ, — до такой степени В. М. былъ не въ курсѣ подобныхъ дѣлъ. Оно и кончилось ничѣмъ. Въ одномъ изъ писемъ Н. К. Михайловскаго къ Соболевскому мы находимъ слѣдующую юмористическую иллюстрацію къ этому въ своемъ родѣ единственному эпизоду въ сношеніяхъ газеты со своимъ знаменитымъ сотрудникомъ:

«Вчера, — пишетъ Михайловскій, 4-го мая 1885 года, — получилъ отъ Салтыкова очень ворчливое письмо. Есть и на твою долю. Прежде, когда, бывало, скажешь ему, что ты только на его письма и отвѣчаешь безъ замедленія, онъ говорилъ самымъ глубокимъ и мрачнымъ басомъ: «Да! Пишетъ! А зачѣмъ онъ столько сахару или клею какого кладетъ въ чернила, что страницы слипаются?» Теперь ужъ не въ клеѣ дѣло, а въ томъ 1) что ты затягиваешь какую-то обѣщанную справку насчетъ имѣнія для него, а 2) что слишкомъ неопредѣленно отвѣтилъ насчетъ Чижова, которому де ждать нельзя. Уважь старика, купи чернилъ безъ клею и напиши обстоятельно».

Чернила «безъ клею» нашлись, и самъ Салты-

ковъ отъ мысли объ имѣніи отказался. Но разъ завязавшихся отношеній съ «Русскими Вѣдомостями» великій писатель не прерывалъ до конца: для работы въ «умѣренной, но честной и со смысломъ издающейся» газетѣ у него не было недостатка въ чернилахъ.

И другой «неумѣренный» редакторъ опальныхъ, уничтоженныхъ именно въ качествѣ главнаго органа «неумѣренныхъ» круговъ русской интеллигенціи, «Отечественныхъ Записокъ», Николай Константиновичъ Михайловскій [3]), находился въ многолѣтнихъ, по его выраженію, «дружескихъ и товарищескихъ отношеніяхъ» съ редакціей «Русскихъ Вѣдомостей». Особенно интенсивно его участіе въ газетѣ было въ періодъ, предшествовавшій образованію «Русскаго Богатства» подъ его редакціей. Журналъ отвлекъ Михайловскаго отъ газеты. Поглощенный журнальной работой въ 1894 году, онъ писалъ Соболевскому, предупреждая, что долженъ отдать свое время исключительно журналу; но при этомъ Н. К. настойчиво указывалъ, что его фактическое отсутствіе въ газетѣ въ теченіе нѣкотораго, даже продолжительнаго времени не должно

[3]) Михайловскій, Н. К. (1842—1904), знаменитый писатель. Связь съ редакціей «Русск. Вѣд.» восходитъ къ концу семидесятыхъ годовъ, но писать въ газетѣ Н. К. сталъ лишь послѣ закрытія «Отечественныхъ Записокъ» въ 1885 г. Подробнѣе объ его сотрудничествѣ — въ той же моей книгѣ.

быть истолковано какъ нежеланіе въ ней больше работать. Онъ пишетъ со свойственной ему прямотою:

«Я не могу себѣ даже представить такое положеніе дѣлъ, при которомъ мои литературныя отношенія къ «Русскимъ Вѣдомостямъ» прекратились бы принципіально».

Но и фактическое сотрудничество Михайловскаго, — не только добрыя личныя отношенія, — продолжалось до послѣднихъ лѣтъ жизни знаменитаго публициста. Такъ, 7-го февраля 1899 года онъ писалъ Соболевскому:

«Другъ Василій Михайловичъ, прилагаемая рукопись служитъ лишь выраженіемъ моего желанія быть хоть чѣмъ-нибудь полезнымъ «Русскимъ Вѣдомостямъ». Хочешь, — печатай, хочешь, — уничтожь: ни обиды, ни ущерба мнѣ этимъ не нанесешь. Я читалъ это вчера (6-го февраля) на литературномъ вечерѣ въ честь Мицкевича. Если сочтешь нужнымъ, прибавь: читано тамъ-то, тогда-то. Обнимаю тебя Ник. Михайловскій».

Рукопись, о которой говорится въ этомъ письмѣ, — статья «Пушкинъ и Мицкевичъ», которая была напечатана въ № 42-мъ «Русск. Вѣд.» 1899 года.

Сотрудничество Толстого, Салтыкова, Михайловскаго въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», — дѣло извѣстное и многимъ памятное. Менѣе извѣстно, или,

можетъ быть, совсѣмъ неизвѣстно въ широкихъ кругахъ, что въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» работали Николай Гавриловичъ Чернышевскій [4]) и Петръ Лавровичъ Лавровъ [5]).

Когда надъ заживо-погребеннымъ русскимъ предтечей К. Маркса, авторомъ знаменитыхъ «Примѣчаній» къ политической экономіи Милля, пріоткрылся сводъ его двадцатилѣтней тюрьмы-могилы, его первая статья для періодической печати появилась въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»: въ №№ 63-мъ и 64-мъ 1885 года, за подписью Андреевъ, былъ напечатанъ большой фельетонъ «Характеръ человѣческаго знанія». Въ литературныхъ кругахъ знали, кто этотъ Андреевъ, и ожидали возобновленія его литературной дѣятельности, по выраженію Салтыкова, «съ большимъ любопытствомъ». Увы! эта дѣятельность уже не была продолжительной и почти всецѣло, за исключеніемъ двухъ-трехъ статей, была отдана переводческому труду.

Сотрудничество П. Л. Лаврова было продолжительно. А. Н. Максимовъ далъ въ юбилейномъ сборникѣ «Русскихъ Вѣдомостей» исчерпывающій библіографическій обзоръ всего напечатан-

---

[4]) Чернышевскій, Н. Г. (1828—1889), знаменитый писатель. Послѣ долголѣтней ссылки, возобновилъ свою литературную дѣятельность въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» въ 1885 г.

[5]) Лавровъ, П. Л. (1823—1900), знаменитый писатель. Состоялъ постояннымъ сотрудникомъ газеты съ 1886 года.

наго знаменитымъ философомъ-эмигрантомъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Одно время (въ 1886—92 гг.), онъ велъ систематическіе обзоры англійской жизни, появлявшіеся, за подписью Z—z или совсѣмъ безъ подписи, большею частью въ фельетонахъ, подъ общимъ заглавіемъ «Письма изъ Лондона». Изъ помянутаго перечня видно, что «Лавровъ былъ не случайнымъ сотрудникомъ газеты, посылающимъ отдѣльныя статьи, а ея постояннымъ участникомъ, работавшимъ въ опредѣленномъ отдѣлѣ... Писалъ онъ въ газету охотно и много; лишь съ теченіемъ времени, когда годы стали брать свое и сломили его богатырскую натуру, статьи его стали появляться все рѣже и рѣже...» Два послѣднихъ лавровскихъ «письма изъ Лондона» появились въ газетѣ въ 1897 году.

Перенести мѣсто дѣйствія (т. е. въ данномъ случаѣ мѣсто пребыванія автора) изъ Парижа въ Лондонъ побудили тѣ же самыя «независящія обстоятельства», которыя заставили тщательно скрывать имя этого сотрудника. Легко представить, что было бы съ газетой, если бы объ участіи въ ней Лаврова, хотя бы и совершенно безобидномъ, провѣдали въ цензурномъ вѣдомствѣ. Въ исторіи «Русскихъ Вѣдомостей» былъ случай, когда газету чуть-было не разгромили только за то, что она отказалась сообщить по требованію министра внутреннихъ дѣлъ имя автора одной статьи.

Министръ (гр. Д. А. Толстой) настаивалъ передъ

московскимъ генералъ-губернаторомъ кн. В. А. Долгоруковымъ, чтобы тотъ выслалъ В. М. Соболевскаго въ административномъ порядкѣ изъ Москвы. Соболевскій былъ въ то время единственнымъ офиціально утвержденнымъ редакторомъ газеты. Съ высылкой его, газета должна была пріостановиться и на долгое время, если не навсегда, такъ какъ разсчитывать на скорое утвержденіе новаго редактора не было ни малѣйшаго основанія. Обыкновенно собираніе справокъ о благонамѣренности кандидата въ редакторы занимало тогда многіе мѣсяцы. Вѣрнѣе, что въ тотъ моментъ остраго столкновенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго всецѣло зависѣло утвержденіе редактора, газета вовсе не дождалась бы благопріятнаго рѣшенія дѣла. А вопросъ о высылкѣ Соболевскаго стоялъ такъ серьезно, что у него уже были уложены дорожныя вещи. Распоряженія о выѣздѣ ждали съ часу на часъ, но исторія неожиданно кончилась благополучно.

Глава московской администраціи не нашелъ почему-то основаній къ исполненію желанія, заявленнаго изъ Петербурга. Конечно, Толстой могъ бы достичь своей цѣли не такъ, такъ иначе, но отступилъ передъ кн. Долгоруковымъ, человѣкомъ съ большими связями при дворѣ, и ограничился выраженіемъ язвительнаго сожалѣнія, что московскій генералъ-губернаторъ не воспользовался въ этомъ случаѣ своими широкими полномочіями.

Подобный же случай отказа отъ выдачи сотрудника заинтересовавшимся его именемъ властямъ повлекъ за собою въ 1896 году, при не столь крутомъ И. Л. Горемыкинѣ, запрещеніе розничной продажи «Русскихъ Вѣдомостей» на нѣсколько мѣсяцевъ. Понятно, что участіе въ газетѣ Лаврова было бы поставлено ей въ непростительную вину. И оно скрывалось, какъ скрывалось сотрудничество въ теченіе двадцати лѣтъ парижскаго корреспондента К. В. Аркадакскаго[6]) и И. И. Добровольскаго[7]), автора научныхъ фельетоновъ, всегда подписывавшагося буквами: Н. С. и получившаго подъ этимъ псевдонимомъ широкую извѣстность среди читателей «Русскихъ Вѣдомостей», или Н. В. Чайковскаго[8]), который былъ предшественникомъ П. Л. Лаврова въ качествѣ лондонскаго корреспондента.

Какіе-то неясные слухи объ участіи видныхъ

---

[6]) Аркадакскій (род. 1851), писатель, членъ товарищества «Русск. Вѣд.», многолѣтній корреспондентъ изъ Парижа, впослѣдствіи представитель редакціи въ Петербургѣ, руководившій информаціей изъ Гос. Думы и Государственнаго Совѣта. Сотрудничалъ съ 1881 года до послѣднихъ дней изданія.

[7]) Добровольскій, И. И. (род. 1849), писатель и врачъ. Началъ сотрудничество въ 1882 г., съ 1887 г. и до закрытія газеты состоялъ ея постояннымъ сотрудникомъ.

[8]) Чайковскій, Н. В. (род. 1850 г.), извѣстный общественный дѣятель. Состоялъ корреспондентомъ «Русск. Вѣд.» въ 1880—84 г.г.

эмигрантовъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», повидимому, доходили до министерства внутреннихъ дѣлъ. Этимъ можно объяснить, что время отъ времени редакціи предъявлялось требованіе, чтобы то или иное лицо изъ числа русскихъ, проживающихъ за границей, не писало въ газетѣ. Редакторы расписывались въ томъ, что имъ министерская бумага объявлена, и тѣмъ дѣло кончалось: по счастливой случайности, поиски вредныхъ заграничныхъ сотрудниковъ газеты направлялись все по ложному слѣду. Лишь однажды, было указано лицо, дѣйствительно, принимавшее дѣятельное участіе въ газетѣ: послѣ требованія, чтобы прекратилось сотрудничество К. В. Аркадакскаго, пришлось измѣнить подпись подъ его парижскими корреспонденціями (вмѣсто Д—чъ поставить К.) и перемѣнить адресъ для сношеній съ нимъ.

Исключительное положеніе Лаврова въ эмигрантской средѣ и та нетерпимость, съ которой къ его имени относились въ правительственныхъ кругахъ, дѣлали сношенія съ нимъ необыкновенно трудными. Онъ самъ настаивалъ на чрезвычайной осторожности. Ни одно его письмо въ редакцію не подписано полнымъ именемъ (а только буквами: П., П. Кр. или псевдонимами). Вся переписка велась черезъ разныхъ лицъ, притомъ нерѣдко мѣнявшихся по требованію Лаврова. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ выражаетъ опасеніе за судьбу

переписки не только въ предѣлахъ Россіи, но и на парижской почтѣ.

«Мы, — пишетъ Лавровъ Соболевскому 18/6-го января 1894 года, — живемъ хотя и въ республикѣ, однако въ такое время, что надо быть съ почтою республики «свободы, равенства и братства» очень осторожными. А потому посылаю письмо чрезъ М. М., т. е. (М. М. Ковалевскаго). Представляю вамъ судить по мѣстнымъ удобствамъ, предпочтете ли вы отвѣтить мнѣ прямо или тѣмъ же путемъ»...

И это несмотря на вполнѣ цензурный характеръ лавровскихъ статей для газеты. Какъ былъ Лавровъ умѣренъ въ своихъ статьяхъ, можно видѣть по слѣдующимъ его строкамъ. Въ 1890 году, 5-го марта — 21 февраля, П. Л. писалъ Соболевскому по поводу разыгравшейся тогда «якутской» исторіи:

«Вы, конечно, знаете о сибирскихъ «ужасахъ» и объ агитаціи въ Англіи и Америкѣ по этому поводу. Въ Англіи образовалось три Общества. На-дняхъ будетъ митингъ въ Гайдъ-Паркѣ *(объ этомъ вашъ лондонскій корреспондентъ едва ли извѣститъ васъ)*. Въ Америкѣ дѣло, какъ слышно, идетъ еще шире. А у васъ-то что? Но закроемъ наготу Ноя покровомъ сыновьяго уваженія».

«Лондонскій корреспондентъ» былъ самъ Лавровъ, который зналъ условія русской печати и,

скорбя о «наготѣ Ноя», умѣлъ предъявлять къ газетѣ исполнимыя требованія и цѣнить въ ней то, что было дѣйствительно цѣнно. Въ другой разъ, вскорѣ послѣ только-что приведеннаго письма, 20/8-го марта, онъ пишетъ:

> «Всѣ редакціи, какъ я слышалъ, должны были получить письмо (Цебриковой), но если бы оно какъ-нибудь до васъ не дошло, то извѣстите меня чрезъ кого-нибудь, и я вамъ его доставлю. Въ настоящую минуту я имѣю экземпляры. А я и не имѣлъ понятія объ его существованіи до той минуты, когда оно появилось въ Петербургѣ, такъ она умѣла это дѣло законспирировать. А многіе наши либералы могутъ покраснѣть предъ рѣшимостью этой госпожи. Затѣмъ я надѣюсь, что ваше здоровье поправилось и что вы не думаете объ оставленіи вашего боевого литературнаго поста».

И каждый разъ, когда въ отечествѣ начиналось гоненіе на тѣхъ «умѣренныхъ», которые оставались на своихъ «постахъ», этотъ «неумѣренный» Pierre Kranz, этотъ опасный Le vieux monsieur (подписи Лаврова подъ нѣкоторыми письмами), спѣшилъ подѣлиться съ редакторомъ «умѣренной» газеты своей скорбью, своими тревогами. Онъ высказываетъ сожалѣніе объ «отставкѣ Чупрова *по-бользни*», онъ тревожится по поводу «слуха», что Гамбаровъ «*прекратилъ* свои лекціи», онъ пораженъ вѣстью «объ

изгнаніи» (т. е. о прекращеніи университетскихъ лекцій) нѣкоторыхъ петербургскихъ профессоровъ, между ними Карѣева, Венгерова, Батюшкова и нѣсколькихъ другихъ. «Свѣдѣнія черпаю, — пишетъ Лавровъ, — изъ вашей газеты. Тамъ сообщено это какъ бы въ дополненіе къ прежнему извѣстію подобнаго же рода о Туганъ-Барановскомъ и объ Исаевѣ. Пожалуйста, сообщите, если вамъ что-либо извѣстно. Изумителенъ, конечно, не самый фактъ, а количество принесенныхъ жертвъ» (изъ писемъ отъ 12-го и 18-го сентября 1899 года).

Толстой, Салтыковъ, Михайловскій, Лавровъ, — я не говорю уже о Глѣбѣ Ивановичѣ Успенскомъ, литературная связь котораго съ «Русскими Вѣдомостями» и тѣсныя дружескія отношенія съ членами редакціи газеты дѣятельно поддерживались цѣлыя десятилѣтія (см. болѣе подробно объ его сотрудничествѣ, какъ и о работѣ въ «Русск. Вѣд.» Михайловскаго и Л. Толстого, въ «Журналистахъ безвременья»), — всѣ эти и многіе другіе яркіе представители отнюдь не «умѣренныхъ» теченій въ нашей журналистикѣ были не случайными, а постоянными сотрудниками «Русскихъ Вѣдомостей». Но рядомъ съ ними въ газетѣ подвизались и люди другого склада. Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ [9])

[9]) Стасюлевичъ, М. М. (1826—1911), извѣстный публицистъ и историкъ, редакторъ «Вѣстника Европы». Писалъ преимущественно во второй половинѣ 90-хъ годовъ.

находился въ постоянныхъ дружескихъ сношеніяхъ съ редакціей, и если писалъ мало, то вѣдь и въ своемъ журналѣ онъ появлялся рѣдко, весь отдаваясь редакторскому труду и общественной дѣятельности. Не часто появлялись въ нашей газетѣ статьи Анатолія Ѳедоровича Кони[10]). Но и его связь съ «Русскими Вѣдомостями» тоже давно завязалась. Въ письмѣ своемъ въ редакцію, служащемъ отвѣтомъ на обращеніе по поводу юбилейнаго изданія 1913 года, А. Ѳ. Кони самъ вспоминаетъ о томъ времени, когда его замѣтки доставлялись въ редакцію черезъ Г. А. Джаншіева и печатались безъ подписи автора. Константина Константиновича Арсеньева[11]) мы считали своимъ постояннымъ сотрудникомъ и радовались, что ясное и убѣдительное слово этого мудраго и чистаго сердцемъ *судьи чести* въ дѣлахъ политики, какъ и въ дѣлахъ литературы, раздавалось со столбцовъ «Русскихъ Вѣдомостей» до послѣдняго ихъ часа. Двѣ послѣднія статьи Арсеньева мнѣ пришлось вернуть ему уже послѣ закрытія «Свободы Россіи».

Своимъ считали «Русскія Вѣдомости» въ тече-

[10]) Кони, А. Ѳ. (род. 1844 г.), извѣстный судебный дѣятель и писатель. Сотрудничалъ въ «Русск. Вѣд.» со второй половины 80-хъ годовъ.

[11]) Арсеньевъ, К. К. (1837—1919), извѣстный публицистъ и общественный дѣятель. Изрѣдка писалъ въ «Р. В.» еще въ 90-хъ годахъ. Съ 1907 г. сотрудничество стало постояннымъ и дѣятельнымъ.

ніе нѣсколькихъ десятилѣтій и такого дѣйствительно умѣреннаго, спокойнаго и уравновѣшеннаго политика, какъ Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Но, быть-можетъ, здѣсь важнѣе отмѣтить, что и онъ самъ считалъ себя до конца дней *своимъ* въ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей», къ которой формально, по роду своего участія въ газетѣ (ничѣмъ не связанное сотрудничество), не принадлежалъ. Даже въ послѣдніе годы своей жизни первый предсѣдатель русскаго парламента бывалъ нашимъ постояннымъ гостемъ и нерѣдко его можно было видѣть въ редакціи въ поздніе часы выпуска очередного нумера. Забота объ его здоровьѣ, расшатанномъ волненіями бурной эпохи и послѣдующей тюрьмой, побуждали иногда напоминать ему о необходимомъ для него отдыхѣ. А онъ возражалъ: «У васъ здѣсь такъ хорошо!»

И много еще можно бы назвать живыхъ и уже отошедшихъ въ вѣчность политическихъ и литературныхъ дѣятелей, принадлежащихъ къ различнымъ умѣреннымъ политическимъ группамъ, которые чувствовали себя «хорошо» въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» и работали въ нихъ и съ ними, наряду съ «неумѣренными» ихъ сотрудниками. Вл. С. Соловьевъ [12]) и П. Н. Милюковъ [13]), Н. И. Карѣевъ [14])

---

[12]) Соловьевъ, Вл. С. (1853—1900), знаменитый философъ и публицистъ. Сотрудничалъ въ газетѣ съ 1891 г.

[13]) Милюковъ, П. Н. (род. 1859 г.), извѣстный историкъ, публицистъ и общественный дѣятель, членъ Государственной

и В. И. Герье[15]), И. А. Стебутъ[16]) и К. А. Тимирязевъ[17]), И. И. Мечниковъ[18]) и В. О. Ключескій[19]), С. Н. и Е. Н. Трубецкіе[20]) и [21]), А. А. Кизеветтеръ[22]) и Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, В. А. Гольцевъ и В. П. Воронцовъ (В. В.)[23]), Н. А. Каблуковъ и Н. В.

Думы, министръ иностранныхъ дѣлъ при Временномъ Правительствѣ. Сотрудничалъ въ «Русск. Вѣд.» съ 1892 г. до запрещенія газеты.

[14]) Карѣевъ, Н. И. (род. 1850), извѣстный историкъ, профессоръ Петербургскаго Университета, членъ первой Государственной Думы. Сотрудничалъ въ «Русск. Вѣд.» до послѣдняго времени съ начала 80-хъ годовъ.

[15]) Герье, В. И. (1837—1920), историкъ, профессоръ Московскаго Университета, основатель Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Москвѣ, членъ Государственнаго Совѣта. Въ «Русск. Вѣд.» его статьи печатались съ 1893 г.

[16]) Стебутъ, И. А. (1833—1923 г.), знаменитый ученый агрономъ, профессоръ Петровской Академіи. Сотрудничалъ въ «Русск. Вѣд.» съ 1888 г.

[17]) Тимирязевъ, К. А. (1843—1921), извѣстный ботаникъ, профессоръ Московскаго Университета. Началъ сотрудничать въ «Русск. Вѣд.» въ 1887 г. Съ 1904 по 1917 состоялъ дѣятельнымъ сотрудникомъ газеты.

[18]) Мечниковъ, И. И. (1845—1917), знаменитый біологъ, профессоръ Новороссійскаго Университета и Пастеровскаго Института въ Парижѣ. Сотрудничалъ въ «Русск. Вѣд.» съ 1907 г. до своей смерти.

[19]) Ключевскій, В. О. (1842—1911), знаменитый историкъ, профессоръ Московскаго Университета и Московской Духовной Академіи. Сотрудничалъ въ газетѣ въ теченіе многихъ лѣтъ съ 1887 г.

Давыдовъ [24]), Б. Н. Чичеринъ и А. Ѳ. Фортунатовъ [25]), К. Д. Кавелинъ [26]) и М. М. Ковалевскій, Д. А. Дриль [27]) и А. С. Пругавинъ [28]), кн. Д. И. Шаховской [29]) и П. Б. Струве [30]), кн. П. Д. Долгоруковъ [31]) и Д. Н. Доброхотовъ [32]), и И. И. Иванюк

[20]) Трубецкой, кн., С. Н., (1862—1905), философъ и публицистъ, профессоръ и ректоръ Московскаго Университета. Сотрудничалъ въ 1904—1905 гг.

[21]) Трубецкой, кн., Е. Н. (1863—1918), философъ и публицистъ, профессоръ Кіевскаго и Московскаго Университета, членъ Государственнаго Совѣта. Въ теченіе многихъ лѣтъ, съ 1905 г., дѣятельно сотрудничалъ въ «Русск. Вѣд.».

[22]) Кизеветтеръ, А. А. (род. 1866 г.), извѣстный историкъ и публицистъ, профессоръ Московскаго Университета, членъ второй Государственной Думы, членъ товарищества «Русск. Вѣд.» Сотрудничество въ «Русск. Вѣд.» съ 1906 года было постояннымъ, близкимъ и дѣятельнымъ.

[23]) Воронцовъ, В. П. (1847—1919), извѣстный экономистъ, писавшій подъ псевдонимомъ В. В. Сотрудничалъ въ «Русск. Вѣд.» въ теченіе многихъ лѣтъ, начиная съ 1888 г.

[24]) Давыдовъ, Н. В. (1848—1919), юристъ и извѣстный московскій общественный дѣятель. Сотрудничалъ въ «Русск. Вѣд.» съ 1909 г. до ихъ запрещенія.

[25]) Фортунатовъ, А. Ѳ. (род. въ 1856 г.), извѣстный статистикъ, профессоръ Петровской Академіи. Началъ сотрудничать въ 1880 г. Дѣятельное сотрудничество съ 1885 г. продолжалось до закрытія газеты.

[26]) Кавелинъ, К. Д. (1818—1885), знаменитый юристъ и публицистъ. Въ «Русск. Вѣд.» выступилъ въ 1880 г. со статьей, въ которой горячо защищаетъ національное равноправіе.

[27]) Дриль, Д. А. (1846—1910), криминалистъ, доцентъ Московскаго Университета, сотрудничалъ много лѣтъ съ 1885 г.

ковъ[33]) и многіе, многіе десятки другихъ извѣстныхъ дѣятелей занесли свои имена въ списокъ сотрудниковъ «Русскихъ Вѣдомостей». Конечно, часто ихъ между собой и отъ редакціи газеты, въ которой они работали, многое раздѣляло. Но нѣчто *большое* и *важное* связывало ихъ всѣхъ съ газетой.

[28]) Пругавинъ, А. С. (1850—1919), извѣстный писатель, сотрудничалъ въ газетѣ съ 1879 г. въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, иногда довольно дѣятельно.

[29]) Шаховской, кн., Д. И. (род. 1862 г.), извѣстный общественный дѣятель, членъ и секретарь первой Государственной Думы. Сотрудничалъ въ газетѣ съ конца 90-хъ годовъ.

[30]) Струве, П. Б. (род. 1870 г.), извѣстный экономистъ и публицистъ, профессоръ Петербургскаго Политехническаго Института, академикъ Русской Академіи Наукъ, редакторъ «Русской Мысли», членъ второй Государственной Думы. Дѣятельно сотрудничалъ въ «Русск. Вѣд.» въ 1905—1907 гг., по возвращеніи изъ-заграницы, куда онъ уѣхалъ за два года передъ тѣмъ, для редактированія «Освобожденія».

[31]) Долгоруковъ, кн., Пав. Д. (род. въ 1866 г.), общественный дѣятель, членъ второй Государственной Думы. Писалъ въ «Русск. Вѣд.» съ 1905 года на политическія темы. Корреспондировалъ во время Японской войны съ театра военныхъ дѣйствій.

[32]) Доброхотовъ, Д. Н. (1852—1920), извѣстный адвокатъ, предсѣдатель московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Сотрудничалъ въ газетѣ съ средины 80-хъ годовъ до послѣдняго времени.

[33]) Иванюковъ, И. И. (1844—1912), экономистъ и публицистъ, профессоръ Петровской Академіи и Петербургскаго Политехническаго Института. Сотрудничалъ съ 1884 года въ теченіе многихъ лѣтъ.

VII

Двери «Русскихъ Вѣдомостей» были всегда открыты для тѣхъ, кто честно искалъ правды и истины и признавалъ, что ему по дорогѣ съ «умѣренной, но честной» газетой. Здѣсь, быть можетъ, небезполезно будетъ привести, кромѣ отмѣченныхъ отзывовъ о газетѣ, еще нѣсколько отрывковъ изъ воспоминаній литературныхъ дѣятелей. Передъ нами вырисовывается изъ этихъ замѣтокъ картина внутренней жизни газеты въ разныя эпохи ея существованія. Беремъ ихъ безъ всякихъ комментарій съ своей стороны и лишь группируемъ этотъ довольно обширный матеріалъ въ историческомъ порядкѣ.

Прежде всего — «легендарныя времена», по выраженію Короленко, когда редакторомъ газеты былъ Н. С. Скворцовъ. Объ этой эпохѣ Посниковъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ:

«Скворцовъ былъ человѣкъ во многомъ весьма оригинальный. Я не знаю хорошо его ранняго прошлаго, но, какъ извѣстно по его некрологу, онъ происходилъ изъ дворянъ Костромской губерніи и, по окончаніи курса въ мѣстной гимназіи, поступилъ сперва въ ярославскій Демидовскій лицей, а черезъ короткое время на историко-филологическій факультетъ московскаго университета. Скромный и трудолюбивый юноша, онъ нуждался въ средствахъ къ

жизни и, будучи уже на старшихъ курсахъ университета, получилъ предложеніе работать въ газетѣ Н. Ф. Павлова — «Наше Время», въ которой участвовали между прочимъ, Б. Н. Чичеринъ и Ф. М. Дмитріевъ. Послѣ того, какъ «Наше Время» прекратило свое существованіе, Павловъ при содѣйствіи тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Валуева открываетъ въ 1863 г. небольшую газету «Русскія Вѣдомости», выходившую сначала три раза въ недѣлю, и Скворцовъ начинаетъ дѣятельно участвовать и здѣсь. Усердный и талантливый работникъ, онъ мало-по-малу затягивается всецѣло газетой, оставляетъ университетъ и подпадаетъ вполнѣ подъ вліяніе Павлова, человѣка блестящаго и много испытавшаго въ жизни, страстнаго игрока, имѣвшаго хорошее состояніе, но запутавшагося и вѣчно нуждавшагося въ деньгахъ. Отрывочные разсказы Скворцова объ этомъ періодѣ его жизни и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ ему приходилось исполнять трудную и неблагодарную работу безвѣстнаго, но въ сущности главнѣйшаго газетнаго сотрудника, производили всегда большое впечатлѣніе на слушателей. Интересенъ былъ, напр., его разсказъ о томъ, какъ трудно было получить жалованье сотруднику отъ Павлова, денежныя дѣла котораго, какъ я сказалъ уже, находились всегда въ разстройствѣ. На обращенную къ нему просьбу о деньгахъ Павловъ обычно отвѣчалъ, что денегъ сейчасъ нѣтъ, что необ-

ходимо немного обождать и, если это не удовлетворяло просителя, спрашивалъ, наконецъ: «Да на что собственно вамъ такъ нужны деньги?» И когда сотрудникъ объяснялъ, что онъ совсѣмъ обносился, что деньги нужны ему, чтобы купить сапоги или пріобрѣсть пару платья, — тогда Павловъ, искренно обрадовавшись, восклицалъ: «Эхъ, Боже мой, да вѣдь этому такъ легко помочь!» и съ величайшей любезностью предлагалъ сотруднику взять необходимыя вещи изъ своего обширнаго гардероба. Была единственная возможность получить отъ Павлова деньги немедленно, — это явиться къ нему и объявить: вотъ, молъ, Николай Филипповичъ, вчера со мною приключилось несчастіе, я проигрался, задолжалъ и обѣщалъ сегодня уплатить проигранное. Въ такихъ случаяхъ Павловъ убѣдительно доказывалъ безразсудность поступка, но не протестовалъ противъ уплаты, не отговаривался неимѣніемъ денегъ и, какъ бы это ни было затруднительно, давалъ просимую сумму, говоря: «Да, этотъ долгъ, карточный долгъ, долженъ быть уплаченъ непремѣнно въ обѣщанный срокъ».

«По смерти Н. Ф. Павлова въ 1864 году газета перешла къ его сыну, Ипполиту Николаевичу, а обязанности редактора, по желанію сотрудниковъ, принялъ на себя 25-лѣтній Скворцовъ; но Павловъ оставался во главѣ изданія не долго: питомецъ московскаго университета, филологъ по спеціальности,

онъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности и не чувствовалъ большой склонности къ газетной работѣ, особенно въ органѣ не вліятельномъ и не весьма доходномъ. Онъ передалъ изданіе Н. С. Скворцову, который съ тѣхъ поръ стоялъ во главѣ «Русскихъ Вѣдомостей» до самой своей смерти и который, внѣ «Русскихъ Вѣдомостей», безъ нихъ, прямо былъ бы, какъ говорится, не мыслимъ: вся жизнь его и всѣ упованія — все было тѣсно, неразрывно связано съ газетой. При немъ она постепенно перерождается, становится ежедневной, увеличивается въ объемѣ и переходитъ въ разрядъ вліятельнѣйшихъ органовъ нашей печати.

«Русскія Вѣдомости» того времени представляли, главнымъ образомъ, органъ, служившій для отраженія, — хотя, конечно, и не очень яркаго, — провинціальной жизни и для заявленія объ ея наиболѣе существенныхъ нуждахъ. Мало-по-малу при газетѣ образовался свой штабъ провинціальныхъ корреспондентовъ, который представлялъ гордость и несомнѣнную силу газеты, такъ какъ въ другихъ органахъ нашей печати этотъ отдѣлъ внутреннихъ извѣстій или совсѣмъ отсутствовалъ, или же былъ безъ сравненія много ниже, чѣмъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Фамиліи и адреса корреспондентовъ составляли тогда великій редакціонный секретъ, такъ какъ открытіе имени человѣка, рѣшившагося писать о нуждахъ мѣстной жизни и тѣмъ болѣе обличать

непорядки, грозило смѣльчаку неисчислимыми непріятностями. И надо отдать полную справедливость Скворцову въ томъ, что онъ строго хранилъ въ тайнѣ фамиліи своихъ провинціальныхъ сотрудниковъ, а въ случаѣ нужды и отстаивалъ ихъ стойко. Помню одинъ случай, какъ главное управленіе по дѣламъ печати потребовало отъ него, согласно желанію военнаго министерства, сообщить фамилію корреспондента, напечатавшаго фактъ, оказавшійся безусловно не подлежащимъ оглашенію. Когда, послѣ ряда всевозможныхъ хитроумныхъ «отписокъ», Скворцову ничего не оставалось болѣе, какъ только открыть фамилію писавшаго, онъ съ изумительной находчивостью воспользовался исключительной случайностью, спасшей не въ шутку струхнувшаго автора сообщенія: какъ разъ въ это время редакція получаетъ свѣдѣніе о смерти своего постояннаго корреспондента именно изъ этой мѣстности, откуда было прислано это, такъ взволновавшее военное министерство сообщеніе. Скворцовъ пользуется печальной случайностью и сообщаетъ главному управленію фамилію скончавшагося, бывшаго будто бы авторомъ злополучной корреспонденціи. Этотъ фактъ, конечно, только одинъ изъ безчисленныхъ эпизодовъ газетной жизни, но одинъ онъ уже указываетъ, какой огромный культурный интересъ могла бы представить исторія зарожденія и постепеннаго развитія у насъ такъ называемаго отдѣла «Внутреннія Извѣ-

стія», о которомъ вскользь и съ такимъ скорбнымъ чувствомъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ превосходнѣйшихъ фельетоновъ Г. И. Успенскій. Несомнѣнно одно, что «Русскія Вѣдомости» уже съ самой первой поры своего существованія удѣляли значительную долю вниманія нашей внутренней жизни и стойко вели борьбу съ цензурой всѣхъ видовъ, энергично и неослабно преслѣдовавшей все, сколько-нибудь выдававшееся въ этой области и пробуждавшее общественный интересъ. Второй газетный отдѣлъ, игравшій большую роль въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», былъ посвященъ московской жизни, въ частности — дѣятельности реформированной Думы, отчеты о засѣданіяхъ которой начали печататься тогда во всеобщее свѣдѣніе. Не малое значеніе имѣли и начавшіе появляться въ газетѣ отчеты о засѣданіяхъ новыхъ судовъ, возбуждавшіе огромный интересъ, особенно когда воспроизводились рѣчи извѣстныхъ обвинителей и адвокатовъ, а также и тогда, когда возникала полемика по тому или другому изъ болѣе громкихъ процессовъ. Значительное вниманіе удѣляла газета также театру и музыкѣ, особенно московскому Малому театру, или сценѣ драматической, съ нѣкоторыми выдающимися представителями которой, какъ, напримѣръ, съ С.В. Шумскимъ Скворцовъ былъ довольно близокъ. Такъ же близокъ былъ онъ одно время и съ Ник. Рубинштейномъ, первымъ директоромъ московской консерва-

торіи. Сравнительно мало развитъ былъ отдѣлъ иностранныхъ извѣстій, но недостатокъ этотъ редакція пыталась восполнить въ передовыхъ статьяхъ, посвящавшихся наиболѣе важнымъ вопросамъ изъ иностранной жизни.

«Когда, весной 1871 г., я поселился въ редакціи и началъ работать въ газетѣ, то, кромѣ вышеупомянутыхъ постоянныхъ сотрудниковъ, я встрѣчалъ ежедневно еще слѣдующихъ лицъ, о которыхъ нельзя не упомянуть: корректора Постникова, фактора типографіи А. В. Кононова и завѣдывавшаго разсылкой газеты А. Е. Крепова[1]). занимавшагося отчасти переводами для газеты и ставшаго потомъ сотрудникомъ по иностранному отдѣлу. Эти лица стояли близко къ редакціи, проводили почти цѣлый день, да и значительную часть ночи, въ помѣщеніи газеты и были искренно преданы дѣлу ея изданія. Изъ представителей общественныхъ группъ, принимавшихъ временами участіе въ газетѣ, слѣдуетъ вспомнить дѣятелей тогдашней еще очень молодой адвокатуры; такъ, въ самомъ началѣ моей газетной дѣятельности я встрѣтилъ въ редакціи кн. А. И. Урусова, очень популярнаго въ то время, и Ф. Н. Плевако. Изъ университетской коллегіи, находившейся тогда еще всецѣло подъ обаяніемъ «Московскихъ

[1]) Креповъ, А. Е. (ум. 1910 г.), наборщикъ, корректоръ и переводчикъ въ ин. отдѣлѣ «Русск. Вѣд.» семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ.

Вѣдомостей», никто не участвовалъ въ газетѣ, да и не бывалъ въ редакціи, кромѣ проф. И. К. Бабста, по иниціативѣ котораго я былъ оставленъ при университетѣ и котораго собственно я сблизилъ со Скворцовымъ. Изъ лицъ, вращавшихся въ театральномъ мірѣ, время отъ времени помѣщалъ въ газетѣ отзывы о театрѣ, да и о музыкѣ, К. А. Тарновскій[2]), авторъ многихъ водевилей, бывшій одно время сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей», человѣкъ сравнительно состоятельный, мало подходившій однако по своимъ убѣжденіямъ къ характеру большинства сотрудниковъ. Но вся тяжесть работы лежала на редакторѣ и на небольшой группѣ постоянныхъ сотрудниковъ, изъ числа которыхъ надо выдѣлить А. П. Лукина, писавшаго подъ псевдонимомъ «Скромный Наблюдатель»... Главнымъ работникомъ оставался всегда самъ редакторъ Скворцовъ, который приводилъ въ порядокъ разнородныя сообщенія, поступавшія за день, и писалъ руководящія статьи, преимущественно по вопросамъ внѣшней политики. Писалъ онъ легко и много. При корректурѣ статей онъ обращалъ самое тщательное вниманіе на стилистическую ихъ отдѣлку. Въ этомъ отношеніи Н. С. Скворцовъ былъ чрезвычайно требователенъ: онъ способенъ былъ просидѣть, не разгибая спины, многіе часы

[2]) Тарновскій, К. А. (1826—1892), драматургъ. Работалъ въ «Р. В.» въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, главнымъ образомъ, по отдѣлу театра и музыки.

надъ правкой не нравившагося ему текста. Лежавшую на немъ тяжелую работу онъ исполнялъ преимущественно поздними вечерами, а также ночью, и до такой степени прывыкъ къ этому, что прямо-таки не могъ съ успѣхомъ ни править корректуръ, ни писать днемъ. Работа по ночамъ вызывалась впрочемъ отчасти и тогдашними невозможными условіями полученія агентскихъ телеграммъ. Въ Москвѣ онѣ доставлялись въ редакцію поздно ночью, да еще нерѣдко по частямъ, а самое главное, телеграммы присылались въ редакцію не переведенныя на русскій языкъ, какъ нынѣ, а въ подлинномъ видѣ, какъ онѣ получались съ телеграфа. Обычно въ нихъ были пропуски, искаженія названій мѣстъ и именъ дѣйствующихъ лицъ; притомъ же телеграммы присылались не напечатанныя, а скопированныя съ рукописи на копировочномъ станкѣ, да еще на тонкой бумагѣ. Разобрать такую телеграмму представлялось дѣломъ въ высокой степени труднымъ, мучительнымъ даже, и надо было имѣть большую привычку, чтобы передать ее правильно. А между тѣмъ за неточную передачу редакціи угрожала отвѣтственность, особенно при тогдашнихъ условіяхъ цензуры. Сворцовъ могъ просидѣть за редакторскимъ столомъ и проработать надъ выпускомъ газеты хотя бы всю ночь напролетъ, и онъ просиживалъ такъ надъ нею, — надо помнить, — изо дня въ день въ теченіе многихъ лѣтъ. Трудоспособность его была, дѣйствительно,

совершенно исключительная; но довольно исключительный былъ и порядокъ его жизни. Случалось, что, покончивъ съ выпускомъ газеты и вставъ, наконецъ, изъ-за редакторскаго стола, уже собственно раннимъ утромъ, онъ приказывалъ кучеру Евдокиму, — большому артисту по ѣздѣ, — запрягать красавца сѣраго рысака своего, и мы мчались за городъ, обычно въ Петровскій паркъ. Какіе-нибудь полчаса, проведенные въ безлюдныхъ аллеяхъ парка, на свѣжемъ воздухѣ зарождавшагося дня, дѣйствовали явно живительно на истомленнаго человѣка, и онъ возвращался домой хоть нѣсколько освѣженный; но засыпать ему приходилось все же тогда, когда большинство людей уже бодрствовало. Привычка работать ночью до того вошла въ его плоть и кровь, что онъ какъ-будто и не могъ заснуть до вторыхъ пѣтуховъ, если даже и являлась возможность освободиться отъ выпуска газеты. Въ такіе свободные отъ занятій въ редакціи вечера онъ сидѣлъ все-таки и читалъ въ своемъ кабинетѣ допоздна, и любимымъ его чтеніемъ были сочиненія политическія и историческія».

Извѣстная писательница Е. И. Ардовъ-Апрѣлева имѣла возможность наблюдать работу редакціи скворцовскаго періода въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1878 года (она замѣщала тогда своего больного брата П. И. Бларамберга въ иностранномъ отдѣлѣ газеты). Между прочимъ она пишетъ:

«Редакція «Русскихъ Вѣдомостей» помѣщалась тогда въ Юшковомъ пер., близъ Мясницкой.

«Сама редакція занималад вѣ комнаты... Одна поменьше — кабинетъ редактора; другая — свѣтлая, просторная — служила рабочей комнатой для всѣхъ остальныхъ членовъ редакціи.

«Здѣсь за однимъ и тѣмъ же широкимъ, длиннымъ столомъ, день за днемъ и по ночамъ, работали совмѣстно всѣ члены редакціи.

«Сознавая свою неопытность, я приходила раньше другихъ, чтобы во время справиться съ пачками газетъ — французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ — сложенныхъ, вмѣстѣ съ длинными полосками бѣлой писчей бумаги, на столѣ передъ моимъ кресломъ.

«Нѣкоторыя были уже отмѣчены цвѣтными карандашами, и я тотчасъ же принималась за переводъ или компиляцію отчеркнутыхъ статей. Вскорѣ послѣ меня появлялся помощникъ редактора, Василій Николаевичъ Невѣдомскій[3]), главный завѣдующій политическимъ отдѣломъ, и усаживался на концѣ стола, рядомъ со мной.

«Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, высокій, плотный, но не толстый; нѣсколько чопорный, онъ имѣлъ видъ скорѣе вице-директора департамента, чѣмъ журналиста. Весьма образованный, пункту-

[3]) Невѣдомскій, В. Н. (1828—1899), извѣстный переводчикъ. Въ 1872—78 гг. завѣдывалъ иностраннымъ отдѣломъ газеты и состоялъ помощникомъ Скворцова по общей редакціи.

альный до педантизма, онъ многимъ не нравился своей холодной сдержанностью, не допускающей фамильярности, и своей требовательностью. Очень самолюбивый и по тому самому внѣшне высокомѣрный, всегда готовый какъ-бы дать отпоръ мнимымъ посягательствамъ на его аторитетъ помощника редактора, — онъ былъ человѣкъ вполнѣ воспитанный, и съ нимъ, несмотря на его въ сущности безобидныя слабости, работать было легко.

«Совершенную противоположность представлялъ собой Александръ Петровичъ Лукинъ. Насколько Невѣдомскій являлъ собой типъ петербуржца, настолько Лукинъ — типъ москвича того далекаго времени, то-есть конца семидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія.

«Говорливый, веселый, беззаботный Лукинъ былъ тогда въ расцвѣтѣ своихъ силъ. Его юморъ, не всегда тонкій, порой лавировалъ между дозволеннымъ и недозволеннымъ въ области строгой литературной этики «Русскихъ Вѣдомостей», не брезгая иной разъ касаться даже и непровѣренныхъ слуховъ... Редакція не одобряла пріемовъ, не соотвѣтствующихъ направленію серьезной газеты. А. П. былъ самолюбивъ, не легко шелъ на уступки, но уступки все-таки достигались, благодаря такту и миролюбію редактора.

«Въ кругу читателей талантливые фельетоны А. П. имѣли большой успѣхъ какъ въ Москвѣ, такъ

и въ провинціи, и воскресные фельетоны за подписью «Скромный Наблюдатель» читались нарасхватъ.

«Помимо еженедѣльныхъ фельетоновъ, на Лукинѣ лежало и завѣдываніе внутреннимъ отдѣломъ... Онъ садился на другой конецъ стола, противъ Невѣдомскаго, и нѣкоторое время наша совмѣстная тройственная работа ничѣмъ не нарушалась.

«Съ двухъ часовъ редакціонная комната начинала оживляться. Приходили сотрудники... Иные приносили свои статьи, иные присаживались къ нашему столу дописывать свою рукопись, или прокорректировать свою статью; входили и выходили репортеры... Около Лукина шелъ порой негромкій, но оживленный говоръ. На нашемъ концѣ стола разговоръ велся краткій, исключительно дѣловой. Невѣдомскій съ изысканной вѣжливостью привѣтствовалъ сотрудниковъ; сжато и коротко отвѣчалъ на обращенныя къ нему просьбы и также кратко, дѣловито и вѣжливо давалъ требуемыя отъ него свѣдѣнія или указанія и, уклоняясь отъ недѣловыхъ разговоровъ, углублялся въ свою работу.

«Приблизительно около четырехъ часовъ приходилъ редакторъ. Дружески пожавъ намъ руки, Николай Семеновичъ торопливой, неслышной походкой проходилъ въ свой кабинетъ.

«Когда я вызываю въ памяти то далекое прошлое, уже затуманенное забвеніемъ, я съ трудомъ улавливаю черты лица Н. С. — Мнѣ вспоминается только

тихій спокойный голосъ, спокойныя движенія, трудоспособность безъ устали, безъ отдыха; не выдвигая себя и оставаясь какъ бы въ сторонѣ, но, какъ казалось мнѣ тогда, тридцать пять лѣтъ тому назадъ, такъ кажется теперь, когда прошлое вновь всплываетъ передо мной, что печать порядочности, бережнаго до щепетильности отношенія къ печатному слову, первоначально далъ газетѣ, заслужившей уваженіе какъ москвичей, такъ и провинціальныхъ читателей, именно Николай Семеновичъ».

Для С. Я. Елпатьевскаго воспоминанія о «Русскихъ Вѣдомостяхъ» въ значительной степени сливаются съ воспоминаніями о Соболевскомъ, въ редакторство котораго установилась его тѣсная связь съ газетой. Статья Елпатьевскаго была написана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ вѣсти о смерти Соболевскаго. Онъ говоритъ въ ней между прочимъ:

«Нельзя говорить о Соболевскомъ, не говоря о «Русскихъ Вѣдомостяхъ», какъ нельзя говорить о «Русскихъ Вѣдомостяхъ», не говоря о Соболевскомъ; нельзя раздѣлять ихъ потому, что они неотдѣлимы, какъ два сросшіяся тѣла. Нельзя потому еще, что Соболевскій всю жизнь проявлялъ себя, за рѣдкими исключеніями, не подписанными своими статьями, а только какъ редакторъ «Русскихъ Вѣдомостей», только черезъ «Русскія Вѣдомости».

«Къ тому почтительно-скорбному сонму голосовъ, раздавшемуся надъ могилой Соболевскаго, гдѣ такъ

широко вскрывалась дѣятельность и значеніе Соболевскаго, я прибавилъ бы, или, вѣрнѣе, подчеркнулъ бы, только одно, что слабо прозвучало тамъ, — о роли «Русскихъ Вѣдомостей» и черезъ нихъ Соболевскаго въ созданіи типа ежедневной газеты въ Россіи, я говорю о свободной, некупленной, такъ сказать, неарендованной печати, и въ особенности о вліяніи «Русскихъ Вѣдомостей» на укладъ и направленіе провинціальной печати, которая наперекоръ стихіямъ, такъ выросла за послѣднія тридцать лѣтъ и играетъ теперь такую огромную роль въ политическомъ и соціальномъ самоопредѣленіи Россіи.

«Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что «Русскія Вѣдомости» были первой газетой этого типа. И они не имѣли предшественниковъ, какъ журналы 70-хъ годовъ имѣли предшественниковъ въ журналахъ 60-хъ и 50-хъ годовъ. Возникали тогда газеты прогрессивнаго направленія въ Петербургѣ, но ни одна не дожила до сего времени. Были личные органы, вродѣ Аксаковскаго «Дня», «Современныхъ Извѣстій» Гиляровa-Платонова. «Русскія Вѣдомости» не были личнымъ органомъ. Со вступленіемъ В. М. Соболевскаго они сразу сдѣлались выразителями мнѣній коллективной группы, гдѣ не было хозяина, гдѣ общая линія поведенія, общій тонъ диктовались мыслью и волей группы, стоявшей во главѣ редакціи. И не одна газета до «Русскихъ Вѣдомостей» не поднималась до такой высоты, такой,

я бы сказалъ, роскоши постановки газетнаго дѣла. Не говоря уже о крупныхъ именахъ, сгруппировавшихся сразу около «Русскихъ Вѣдомостей», — профессоровъ, общественныхъ дѣятелей, — трудно назвать литературную силу истекшаго тридцатилѣтія, въ той или иной мѣрѣ примыкавшую къ народничеству, которая не фигурировала бы на страницахъ «Русскихъ Вѣдомостей».

«И «Русскія Вѣдомости» всегда были органомъ направленія, можно сказать, органомъ по преимуществу русской интеллигенціи, никогда не укладывавшейся въ одну партію и находившей въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» откликъ на все то, чѣмъ жила русская интеллигенція за послѣднія тридцать лѣтъ».

В. Г. Короленко, возвратясь изъ ссылки въ серединѣ 80-хъ годовъ, возобновилъ свою *публицистическую* дѣятельность въ провинціальной, поволжской печати, но скоро ощутилъ потребность и въ столичномъ *безцензурномъ* изданіи. «Неудобство работы въ маленькомъ провинціальномъ органѣ» — говоритъ онъ — «было, во-первыхъ, въ захолустности газеты, и, во-вторыхъ, въ этой толерантности редакціи подъ покровомъ цензуры. Я чувствовалъ, что для того, чтобы стать настоящимъ провинціальнымъ публицистомъ, мнѣ нужно обратное: строгая редакція и отсутствіе цензора. Нужно было такъ отточить перо, чтобы оно писало тонко, отчетливо, чтобы былъ замѣтенъ и значителенъ каждый оттѣнокъ и, вмѣстѣ

съ тѣмъ, не было бы наивной, при тогдашнихъ условіяхъ, подчеркнутости, которую въ провинціальной печати такъ безцеремонно истребляла цензура. Я чувствовалъ, что мнѣ нужна школа. И я сталъ стучаться въ «Русскія Вѣдомости».

«Тогда это была чуть ли не единственная опредѣленно либеральная газета... Другія газеты являлись и изчезали, какъ эфемериды. Только въ Москвѣ, у самаго очага катковщины, зародились, окрѣпли и говорили полнымъ голосомъ «Русскія Вѣдомости».

«Ихъ недаромъ называли «профессорской газетой». Много знанія, много солидности, много корректной сдержанности и подъ этой сдержанностью постоянно бьющееся горячее гражданское чувство. Газета вызывала много озлобленія и цѣлый градъ катковскихъ доносовъ; но никогда она не позволяла себѣ изъ самосохраненія ни одной завѣдомо фальшивой ноты. Профессорская газета говорила ровно и убѣжденно. Читатель отлично слышалъ то, что она говорила, и не менѣе ясно слышалъ онъ также то, о чемъ она молчала. Это былъ комплексъ взглядовъ, выраженныхъ ясно и полно, безъ вызывающихъ подчеркиваній, но ясныхъ даже тогда, когда какая-нибудь деталь оставалась безъ освѣщенія. Цѣлое освѣщало частности и умолчанія. И газета все время держалась на томъ опасномъ рубежѣ, по одну сторону котораго — явная гибель, по дру-

гую излишняя осторожность и блѣдность... Редакція была постоянно въ линіи огня, но держалась на позиціяхъ, хорошо укрѣпленныхъ и имѣвшихъ нѣкоторые шансы удержаться.

«Такъ она продержалась и успѣла создать традицію русскаго либерализма того времени въ широкомъ чисто-русскомъ смыслѣ этого слова. Въ тогдашнемъ либерализмѣ, какъ въ зернѣ, хранились возможности всѣхъ передовыхъ направленій, еще связанныхъ морозами тогдашней исторической минуты».

Другой знаменитый писатель, М. М. Ковалевскій, въ своей рѣчи на пятидесятилѣтіи «Русскихъ Вѣдомостей», подѣлился со слушателями своими долголѣтними наблюденіями надъ газетой. «Русскія Вѣдомости», на взглядъ этого наблюдателя, по-истинѣ были «стражемъ нашихъ вольностей и вмѣстѣ съ тѣмъ передовымъ бойцомъ въ дѣлѣ ихъ расширенія и упроченія. Съ 1878 года, т. е. 35 лѣтъ тому назадъ, я — говоритъ Ковалевскій — попалъ въ условія, позволявшія мнѣ зорко слѣдить за дѣятельностью газеты, благодаря дружбѣ съ нѣкорыми изъ ея руководителей и нерѣдкому сотрудничеству. И все это время «Русскія Вѣдомости» оставались глашатаемъ тѣхъ широкихъ круговъ русскаго общества, которое, не разбиваясь на партіи, понимая, что въ единеніи сила, настаивали на необходимости поступательнаго хода нашей гражданственности въ направленіи къ политической свободѣ, самоуправле-

нію на широкихъ демократическихъ основахъ, гражданскому равноправію и народному представительству. Когда съ 1863 года всякаго рода «новеллы» стали грозить сохраненію въ цѣлости и неприкосновенности великихъ реформъ Александра II, никто не обнаружилъ большей стойкости и большей послѣдовательности въ отстаивніи суда присяжныхъ, драгоцѣннаго начала несмѣняемости судей, свободы рѣчи на судѣ, самоуправленія «сословія присяжныхъ повѣренныхъ», городского, земскаго и волостного самоуправленія, свободы высшаго преподаванія и автономіи университетовъ, уравненія въ правахъ русскаго крестьянина съ прочими сословіями, сохраненія и расширенія свободы и физическихъ и духовныхъ проявленій личности, какъ газета, пятидесятилѣтній юбилей которой мы празднуемъ сегодня... Когда, начиная съ 17-го октября, наступилъ для нашего отечества новый періодъ его жизни, — періодъ робкихъ, а иногда и мучительныхъ шаговъ по пути пріобщенія Россіи къ политическимъ порядкамъ Запада, — «Русскія Вѣдомости» стали на стражѣ новыхъ вольностей и постоянно настаивали и настаиваютъ на возможно полномъ проведеніи ихъ въ жизнь... Ихъ по-истинѣ можно назвать истолкователями нуждъ и желаній русской демократіи, стремящейся къ свѣту и свободѣ».

Тогда же П. Н. Милюковъ подошелъ къ характеристикѣ газеты съ другой стороны. Онъ подвергъ

разсмотрѣнію «внѣшнюю политику» «Русскихъ Вѣдомостей», которая, на взглядъ Милюкова, всегда являлась «внутренней политикой» газеты.

«Газеты-учительницы, газеты-воспитательницы, какою являются «Русскія Вѣдомости», давно уже не знаетъ Западная Европа. Иностранный корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» — существо особенное, непонятное для современныхъ иностранныхъ газетъ. Онъ не бѣгаетъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ за послѣдними новостями, не сидитъ по вечерамъ въ кафэ, мѣняясь со своими собратьями сплетнями, онъ не хроникеръ, не Бловицъ, не ѣздитъ изъ конца въ конецъ Европы, гоняясь за послѣдними событіями. Иностранный корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» сидитъ десятки лѣтъ въ одномъ мѣстѣ, посѣщаетъ парламентъ и митинги, наблюдаетъ всякія проявленія общественности, слѣдитъ за эволюціей политическихъ партій и часто работаетъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный книгами. Обыкновенно это — человѣкъ, пострадавшій отъ чрезмѣрной близости къ внутренней жизни Россіи. И вопросы, его занимающіе за границей, тѣ же, что и въ Россіи. Онъ учится у Европы, какъ надо отвѣчать на нихъ, и съ нимъ вмѣстѣ учатся его читатели, съ которыми сообщается онъ по-старинному, — по почтѣ. Это все тѣ же два основныхъ вопроса, которые привлекали вниманіе читателей «Русскихъ Вѣдомостей» еще въ 1873 году, — конституція и демократія.

Яркимъ примѣромъ такого корреспондента можетъ служить маститый П. Л. Лавровъ. Немногіе знали, что онъ цѣлые годы сотрудничалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», что его корреспонденціями можно наполнить цѣлыхъ восемь печатныхъ томовъ. И первыя же строки первой извѣстной намъ корреспонденціи (въ 1886 году) изъ Лондона этого вліятельнаго дѣятеля русскаго соціализма говорили о «крайней неудовлетворительности англійскихъ законоположеній о земельной собственности» и касались вопроса «о существованіи палаты лордовъ, за упраздненіе которой раздается все больше голосовъ».

«Здѣсь уже съ первыхъ словъ тѣсно были спаяны вмѣстѣ двѣ основныхъ идеи — демократизма и конституціи. Вторая корреспонденція говоритъ о рабочихъ безпорядкахъ. Въ ней, какъ и въ другихъ письмахъ, *соціалистъ Лавровъ не говоритъ о соціальныхъ переворотахъ*, о грядущемъ соціальномъ строѣ, *о музыкѣ будущаго*, — вся его аргументація идетъ въ сторону русской жизни, *вопросы ставятся въ плоскости его родины*, приспособляются къ ея потребностямъ. Этотъ тонъ сужденія, *этотъ уголъ зрѣнія* на событія *не являлся особенностью*, изобрѣтеніемъ П. Л. Лаврова, — онъ *былъ еще раньше установленъ самими редакторами газеты*.

«Давая оцѣнку явленій международной жизни, газета оставалась вѣрной идеямъ демократизма, международной солидарности, глубоко отрицатель-

наго отношенія къ войнѣ. Во время еще франко-прусской войны, газета заняла характерную для нея позицію, высказываясь «за нейтралитетъ безъ задней мысли, прямой и откровенный». «Русскія Вѣдомости» еще на зарѣ своего существованія формулировали идеи пасифизма, въ тѣхъ почти терминахъ, въ какихъ онѣ были выражены въ Гаагской конференціи.

«Позднѣе сформировалась цѣлая группа корреспондентовъ газеты въ важнѣйшихъ центрахъ Европы, которые изо дня въ день освѣщали ея внутреннюю жизнь, все по тѣмъ же основнымъ вопросамъ, жизненно важнымъ для Россіи. Изложить дѣятельность «Русскихъ Вѣдомостей» въ этой области значило бы изложить всю исторію демократизаціи Европы, развитія ея свободныхъ учрежденій».

Обрываю на этомъ выдержки изъ отзывовъ о газетѣ видныхъ литературныхъ представителей разныхъ политическихъ лагерей. Такихъ отзывовъ можно бы привести еще не мало. Всѣ они служатъ, мнѣ кажется, указаніемъ на ту прочную скрѣпу между людьми, сходившимися для работы въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», которая ихъ объединяла, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока они въ газетѣ оставались. Эту скрѣпу хорошо опредѣлилъ покойный Николай Васильевичъ Шелгуновъ[4]) въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Соболевскому.

[4]) Шелгуновъ, Н. В. (1824—1891), извѣстный писатель. Сотрудничалъ въ «Русс. Вѣд.» съ 1885 г.

«Вѣдь съ вліяніемъ среды ничего не подѣлаешь. Когда я былъ нынѣшней весной, — письмо датировано 1-мъ ноября 1884 года, — въ Ниццѣ, и писалось, какъ изъ Ниццы. Это, конечно, хорошо. Но попавъ изъ Петербурга и Москвы въ Воробьево (имѣніе Смоленской губ., гдѣ у друзей своихъ жилъ высланный изъ столицы Шелгуновъ), я сразу шагнулъ въ X столѣтіе и боюсь, чтобы этотъ реализмъ не сказался въ моихъ статьяхъ. Что я говорю — боюсь: онъ скажется неизбѣжно, и съ моей точки зрѣнія, это — хорошо, ибо держитъ на веревочкѣ дѣйствительности»...

Эта «веревочка дѣйствительности», на нашъ взглядъ, не только въ прошломъ обязывала, но и въ настоящее время обязываетъ и, вѣроятно, долго еще будетъ обязывать русскую прогрессивную интеллигенцію къ совмѣстной работѣ ради того общаго и всѣмъ дорогаго, что давно стало знаменемъ «Русскихъ Вѣдомостей». Поэтому-то подъ ихъ знаменемъ всегда такъ охотно сходились люди всѣхъ партій и направленій, одушевленные искреннимъ стремленіемъ къ общественному благу и свободѣ. Въ самомъ дѣлѣ, и въ дни войны и революціи, — мы можемъ на это съ гордостью указать — «Русскія Вѣдомости» являлись въ полномъ смыслѣ слова *безпартійнымъ общественнымъ* органомъ, служившимъ патріотической связью между людьми самыхъ различныхъ настроеній и взглядовъ. Достаточно будетъ напомнить,

что въ эту эпоху тягчайшихъ испытаній нашихъ на столбцахъ «Русскихъ Вѣдомостей», пока онѣ выходили, рядомъ появлялись статьи Кокошкина и Кропоткина[5]), Кизеветтера и Брешковской[6]), Милюкова и Савинкова, и т. д., и т. д.

И что особенно важно — на столбцахъ газеты всѣ они выступали въ эти историческіе дни подъ ея лозунгомъ: «Единеніе, порядокъ, работа!» Въ другіе моменты газета выставляла и другіе лозунги — соотвѣтственно требованіямъ жизни — и никогда не чувствовала недостатка въ людяхъ, готовыхъ оказать ей содѣйствіе.

Для всего русскаго общества стало непреложнымъ фактомъ такое рѣдкое въ литературной исторіи явленіе. У редакціи есть своя политическая программа, свое вполнѣ опредѣленное и всѣмъ хорошо извѣстное credo; газета имѣетъ строго очерченныя задачи, физіономія ея всѣмъ ясна, и она всегда «вѣрна себѣ». Но въ кругу своихъ сотрудниковъ, она постоянно считаетъ выдающихся представителей всѣхъ направленій современной русской общественной мысли.

---

[5]) Кропоткинъ, П. А. (1842—1919), извѣстный писатель и общественный дѣятель. Въ «Русск. Вѣд.» сотрудничалъ съ 1912 года до закрытія газеты. Особенно дѣятельно его сотрудничество было во время войны и первые мѣсяцы революціи.

[6]) Брешковская, Е. К. (род. въ 1844 г.), помѣстила въ «Русск. Вѣд.» въ 1917 г. нѣсколько статей на жгучую тогда тему о продолженіи войны.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ на столбцахъ «Русскихъ Вѣдомостей» впервые появилось имя Владиміра Галактіоновича Короленка, но и въ послѣдній часъ газеты съ тѣхъ же столбцовъ раздавалось его слово, — слово несравненнаго художника и благороднѣйшаго публициста. И другого заслуженнаго нашего художника-публициста, С. Я. Елпатьевскаго[7]), мы считали въ числѣ нашихъ неизмѣнныхъ друзей и соратниковъ. Заслуженнѣйшіе ученые публицисты того времени М. М. Ковалевскій и К. К. Арсеньевъ выступали рядомъ съ ними на тѣхъ же столбцахъ. Находилось общее дѣло съ «Русскими Вѣдомостями» и у А. И. Шингарева, и у В. А. Маклакова[8]). Была у редакціи газеты та общая почва, на которой она могла сойтись и съ С. Н. Прокоповичемъ[9]), и съ

---

[7]) Елпатьевскій, С. Я. (род. въ 1854), извѣстный беллетристъ и публицистъ. Въ «Русск. Вѣд.» сотрудничалъ съ 1891 г. до послѣдняго дня газеты.

[8]) Маклаковъ, В. А. (род. 1870 г.), знаменитый адвокатъ и ораторъ, общественный дѣятель, членъ Государственной Думы, парижскій посолъ отъ Временнаго Правительства. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» началъ свою литературную дѣятельность еще студентомъ въ 1889 г. Сотрудничество продолжалось и приняло довольно дѣятельный характеръ въ 1905—17 гг.

[9]) Прокоповичъ, С. Н. (род. 1871 г.), проф., экономистъ, редакторъ «Экономическаго Вѣстника», министръ продовольствія при Временномъ Правительствѣ. Съ 1905 г. сотрудничалъ въ «Русск. Вѣд.» въ теченіе ряда лѣтъ до закрытія изданія.

В. А. Акимовымъ-Махновцемъ, съ одной стороны, и съ Н. Н. Львовымъ и И. Н. Ефремовымъ[10]), — съ другой. На столбцахъ «Русскихъ Вѣдомостей» находилось мѣсто и для проявленія блестящаго публицистическаго таланта А. В. Пѣшехонова[11]), и для горячей проповѣди Е. Д. Кусковой[12]). Двери «Русскихъ Вѣдомостей» широко были открыты всѣмъ «рыцарямъ духа».

Рыцари духа, какъ бы далеко не расходились они во взглядахъ, всегда находили и, если-бъ завтра возродилась газета, найдутъ общія съ редакціей ея цѣли, ради которыхъ стóитъ совмѣстно потрудиться.

---

[10]) Ефремовъ, И. Н. (род. 1866), членъ Государственной Думы, предсѣдатель прогрессивной группы, дѣятельный членъ междупарламентскихъ съѣздовъ. Писалъ въ газетѣ съ 1912 г.

[11]) Пѣшехоновъ, А. В. (род. 1867 г.), извѣстный писатель, редакторъ «Русск. Богатства», министръ продовольствія при Временномъ Правительствѣ. Писалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» иногда изрѣдка, иногда довольно часто въ 1898—1916 гг.

[12]) Кускова, Е. Д. (род. 1869), извѣстная писательница. Сотрудничала въ «Русск. Вѣд.» въ теченіе ряда лѣтъ съ 1908 года.

VIII

Въ исторіи русской журналистики «Русскія Вѣдомости» являютъ собой рѣдкій примѣръ прочной товарищеской организаціи крупнаго литературнаго предпріятія. Н. С. Скворцовъ былъ талантливый редакторъ и предпріимчивый человѣкъ. Но, начиная дѣло безъ средствъ и быстро его развивая, онъ не успѣлъ или, быть-можетъ, не сумѣлъ, по недостатку хозяйственности, поставить его прочно въ матеріальномъ отношеніи. Послѣ смерти Скворцова на изданіи оказались большіе долги, и В. М. Соболевскій, ставши фактическимъ владѣльцемъ газеты, предложилъ всѣмъ своимъ ближайшимъ товарищамъ по работѣ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» образовать товарищество для продолженія изданія. Его предложеніе приняли десять человѣкъ, которые вмѣстѣ съ нимъ и явились учредителями издательскаго товарищества «Русскихъ Вѣдомостей», впослѣдствіи неоднократно пополнявшагося новыми членами и существовавшаго свыше 30-ти лѣтъ. Въ составъ учредителей вошли вмѣстѣ съ Соболевскимъ прежде всего его товарищи по выработкѣ основной программы газеты — А. С. Посниковъ и А. И. Чупровъ. Затѣмъ, естественно, стали членами товарищества три ближайшихъ помощника Соболевскаго по веденію дѣла въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ: Д. Н. Ану-

чинъ, П. И. Бларамберг и В. Ю. Скалонъ. Наконецъ, пять остальныхъ членовъ-учредителей товарищества, — М. Е. Богдановъ, Г. А. Джаншіевъ, А. П. Лукинъ, В. С. Пагануцци[1]) и М. А. Саблинъ, — принадлежали къ числу дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ «Русскихъ Вѣдомостей» того времени, причемъ только одинъ изъ нихъ, пламенный поклонникъ новаго суда и будущій историкъ «эпохи великихъ реформъ», Г. А. Джаншіевъ, младшій по возрасту, примкнулъ къ газетѣ позже другихъ; остальные его товарищи начали свою работу въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» еще въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ.

Первоначальная редакція товарищеской газеты образовалась почти исключительно изъ членовъ товарищества. Пожалуй, правильнѣе сказать, что, образовавъ товарищество, редакція газеты на первое время осталась въ прежнемъ составѣ и съ прежнимъ распредѣленіемъ обязанностей. Среди учредителей товарищества было, кромѣ Соболевскаго, три будущихъ фактическихъ и офиціально-утвержденныхъ редактора «Русскихъ Вѣдомостей»: Посниковъ[2]), Анучинъ и Скалонъ. Четвертый Бларамберг,

---

[1]) Пагануцци, В. С. (1845—1888), присяжный повѣренный, членъ товарищества «Русск. Вѣд.». Завѣдывалъ хозяйственной частью газеты. Писалъ мало, преимущественно въ отдѣлѣ суда.

[2]) Характеристикѣ Посникова, какъ редактора, посвя-

былъ фактическимъ редакторомъ, но правительство отказало въ утвержденіи его въ этомъ званіи. Онъ именно и былъ первымъ по времени товарищемъ В. М. Соболевскаго въ общемъ редактированіи газеты въ періодъ товарищескаго издательства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ теченіе многихъ лѣтъ оставался завѣдующимъ иностраннымъ отдѣломъ газеты.

Объ этомъ редакторѣ «Русскихъ Вѣдомостей», долго стоявшемъ у руля, слѣдуетъ здѣсь сказать нѣсколько словъ. Аристократъ по рожденію, воспитанникъ привилегированной школы, съ большими семейными связями въ кругу высшей бюрократіи, Бларамбергъ, при его умѣ, дарованіяхъ и образованіи, долженъ былъ стать крупной фигурой на т о м ъ б е р е г у. Но онъ оказался на э т о м ъ б е р е г у, — на берегу новой Россіи, чающей и стремящейся къ свободѣ. На этотъ берегъ онъ перешелъ 17—18-тилѣтнимъ юношей и на немъ оставался до конца своихъ дней. На зарѣ общественной дѣятельности Бларамберга, мы видимъ его въ знаменитыхъ «крамольныхъ» петербургскихъ воскресныхъ школахъ, бывшихъ одной изъ первыхъ попытокъ общественной организаціи въ цѣляхъ просвѣщенія и политическаго воспитанія широкихъ массъ народа.

Онъ могъ бы уйти въ сторону отъ политики, отъ нерадостнаго жребія русскаго журналиста, — онъ

щенъ особый очеркъ въ моей книгѣ «Журналисты безвременья» (М. 1917).

былъ художникъ, любилъ и зналъ искусство, обладалъ творческимъ музыкальнымъ даромъ. Но онъ не ушелъ потому же, почему не ушли изъ нашихъ рядовъ скромныхъ работниковъ повременной печати многіе талантивые люди, которымъ открыта была по ихъ дарованіямъ болѣе блестящая, болѣе видная и болѣе спокойная и пріятная дѣятельность въ области науки или искусства. Не ушли благороднѣйшіе изъ такихъ людей, сознававшіе великую нужду своего времени, которую такъ хорошо опредѣляютъ слова: жатва готова, но дѣлателей мало.

И Бларамбергъ отдалъ неблагодарному, невидному труду газетнаго работника десятки лѣтъ своей жизни. Это были почти сплошь года безпросвѣтной реакціи, душившей въ желѣзныхъ тискахъ цензуры всякое проявленіе свободной мысли. Это было время писанія между строкъ, эзоповымъ языкомъ, намеками и полусловами. Это было время, когда цензура подозрительно относилась даже къ нотамъ и ставила препятствія къ появленію въ печати музыкальной иллюстраціи Бларамберга къ некрасовской «Голодной», а изъ газетныхъ статей вытравила самое слово «голодъ», замѣняя его «продовольственными затрудненіями». Если мы и въ позднѣйшее время не покоились на розахъ, то тогда наградой русскому журналисту была ежедневная пытка недосказанной мысли, неутоленной жажды слова. Но она нужна была, эта полунѣмая печать, въ нѣмой странѣ, —

нужна, какъ слабый свѣтъ фонаря среди ночного мрака. Своимъ тусклымъ мерцаніемъ онъ помогалъ блуждающему въ потемкахъ путнику—русскому народу — выбраться на вѣрную дорогу отътр ясины въ горы, къ свѣту, къ счастью.

Въ стужу и ненастье русской общественной ночи бѣдные фонарщики-журналисты той злосчастной эпохи жили заботой о томъ, чтобы не погасло пламя ихъ жалкаго фонаря, прежде чѣмъ засіяютъ на небѣ лучи восходящаго солнца. Какая это была тяжелая и неблагодарная работа!

Центромъ редакціи при образованіи товарищества былъ В. М. Соболевскій. Въ годъ его смерти (1913) въ печати появилось много воспоминаній о немъ, сдѣлавшихъ его болѣе извѣстнымъ среди публики, нежели это было во время его многолѣтняго редакторства. Вѣрную и яркую характеристику его мы находимъ въ воспоминаніяхъ В. Г. Короленко.

«Я познакомился съ В. М. Соболевскимъ, — говорит знаменитый писатель, — въ 1886 году въ началѣ своей литературной карьеры.

«Широкое, некрасивое, умное лицо, съ коротко остриженными волосами. На губахъ легко появляется характерная полунасмѣшливая улыбка. Взглядъ добрый и умный, тоже чуть-чуть насмѣшливый. Такъ глядятъ люди, много видѣвшіе, много испытавшіе, много думавшіе надъ видѣннымъ и испытаннымъ и пришедшіе къ устойчивымъ заключеніямъ... не очень

радостнымъ, но полнымъ философскаго снисхожденія къ бѣдной жизни съ ея настоящимъ и съ покойной надеждой на то, что должно быть въ будущемъ...

— Когда-нибудь, Владиміръ Галактіоновичъ, да... Но это еще очень далеко... — слышу я и теперь его спокойный голосъ...

«А пока надо жить и работать...

— Такъ вотъ каковъ этотъ руководитель «профессорской» газеты ,— подумалъ я.

«Въ теченіе многихъ лѣтъ, послѣ почти легендарныхъ временъ основателя «Русскихъ Вѣдомостей» Скворцова, имя В. М. Соболевскаго являлось какъ бы основной осью газеты. Остальное исторически окристаллизовалось около этой оси по симпатіямъ, взглядамъ, темпераменту и характеру. Началась эта кристаллизація давно, и ко времени моего знакомства процессъ закончился. Газета уже сложилась въ нѣчто единое и цѣльное, какъ нѣкая бытовая традиція русской общественности и литературы. И личность Соболевскаго какъ бы утонула въ этомъ. Было много единомышленныхъ людей; и были люди, быть можетъ, ярче Соболевскаго въ чисто литературномъ смыслѣ. Но все же, когда мнѣ представлялась общая коллективная физіономія «Русскихъ Вѣдомостей», то всегда мнѣ казалось, что съ этихъ знакомыхъ листовъ глядитъ на меня широкое характерное лицо Соболевскаго съ улыбкой «добраго» Мефистофеля и мудрымъ взглядомъ профессора.

— Такъ вотъ онъ какой, — руководитель «профессорской газеты», — повторялъ я про себя, послѣ перваго знакомства, со странной смѣсью удовольствія и легкаго разочарованія. На этомъ лицѣ, вѣроятно, всегда та же ровная улыбка, та же спокойная рѣчь, сдержанная и неспособная къ повышеніямъ, та же змѣиная мудрость, которая помогаетъ вести «либеральную» газету при трудныхъ условіяхъ...

«И вотъ, вскорѣ мнѣ доволось увидѣть Соболевскаго съ другимъ выраженіемъ и въ другомъ настроеніи.

«Это было въ февралѣ 1886 года.

«Подходила 25-я годовщина освобожденія крестьянъ, и въ литературныхъ кругахъ этотъ юбилей возбуждалъ много оживленныхъ толковъ.

«Юбилей оказался «опальнымъ». Время было глухое, разгаръ реакціи. Крестьянская реформа довольно откровенно признавалась въ извѣстныхъ кругахъ роковой ошибкой. Смерть Александра II изображалась трагическимъ, но естественнымъ результатомъ этой ошибки, и самая память «Освободителя» становилась какъ бы неблагонадежной. Говорили о томъ, что намѣреніе одного изъ крупныхъ городовъ поставить у себя памятникъ Александру II было признано «несвоевременнымъ», и проектъ, уже составленный Микѣшинымъ, отклоненъ. Статьи Джаншіева и другихъ сотрудниковъ «Русскихъ Вѣдомостей» о великой реформѣ звучали, какъ вызовъ торжествующей реакціи.

«Я ложился и вставалъ поздно, и нумеръ «Русскихъ Вѣдомостей» мнѣ обыкновенно подсовывали подъ запертую еще дверь...

«Утромъ, 19-го февраля, я съ любопытствомъ кинулся къ двери, но газеты на обычномъ мѣстѣ не оказалось.

«Я позвонилъ и, когда явился корридорный, спросилъ у него, почему мнѣ сегодня не подали газету.

— Сегодня «Русскія Вѣдомости» не вышли-съ,— сказалъ онъ и, понизивъ голосъ, прибавилъ: — Запрещены-съ... Не угодно ли вотъ-съ. И другимъ господамъ подаемъ эту-съ...

«Онъ подалъ нумеръ какой-то московской газеты, кажется, это были «Новости Дня». Я взглянулъ въ нее, — о 19-мъ февраля не было ни одного слова.

«Я одѣлся и поспѣшилъ въ Чернышевскій переулокъ[3]). На лѣстницѣ, въ конторѣ, въ редакціи было движеніе, точно въ муравейникѣ. У служащихъ лица были встревожены и печальны. Съѣзжались редакторы и товарищи-пайщики. При мнѣ пріѣхалъ М. А. Саблинъ, чрезвычайно взволнованный и красный. Было видно, что невыходъ нумера для всѣхъ явился неожиданностью. Служащіе не могли ничего опредѣленно отвѣтить на вопросы подписчиковъ, приходившихъ освѣдомиться о причинѣ неполученія газеты... Во всякомъ случаѣ, для Москвы это

[3]) Юшковъ пер. Короленко ошибся: редакція перешла въ Чернышевскій пер. въ томъ же году но позднѣе — осенью.

было событіе; для Чернышевскаго переулка — катастрофа.

«Мнѣ удалось узнать въ общихъ чертахъ, что именно случилось. Нумеръ былъ приготовленъ, и въ немъ, конечно, была статья о великомъ юбилеѣ. Выпускалъ этотъ нумеръ Соболевскій. Все было сдано въ наборъ, прокорректировано и частью сверстано, когда въ типографію явился чиновникъ генералъ-губернатора или инспекторъ типографіи и отъ имени князя Долгорукова потребовалъ, чтобы московскія газеты ничего не писали о 19-мъ февраля, о годовщинѣ крестьянской реформы. Соболевскій тотчасъ же поѣхалъ къ генералъ-губернатору....

«Объясненіе было довольно бурное. Долгоруковъ, хмурый и недовольный, подтвердилъ, что распоряженіе исходитъ отъ него и должно быть исполнено. На требованіе «законныхъ основаній» и указаніе на нравственную невозможность для печати замолчать юбилей крестьянской реформы, Долгоруковъ отвѣтилъ такъ, какъ обыкновенно отвѣчаютъ сатрапы на разговоры о законѣ и нравственныхъ невозможностяхъ. Оба волновались. Редакторъ заявилъ, что не можетъ выпустить газету безъ статей о реформѣ, Долгоруковъ отвѣтилъ, что со статьями о реформѣ нумеръ не будетъ выпущенъ изъ типографіи, а невыпускъ газеты онъ будетъ разсматривать, какъ антиправительственную демонстрацію, и непремѣнно ее закроетъ...

«На томъ и разстались. Соболевскій пріѣхалъ въ Чернышевскій переулокъ поздней ночью, когда уже нельзя было созвать товарищей (телефоновъ тогда еще не было). Ему одному пришлось рѣшать судьбу общаго дѣла и выбирать между унизительнымъ безмолвіемъ въ день великаго юбилея или рискомъ закрытія газеты.

«Онъ отдалъ распоряженіе пріостановить всю работу и чрезвычайно взволнованный уѣхалъ домой.

«Я былъ уже достаточно знакомъ съ редакціей и ближайшими сотрудниками «Русскихъ Вѣдомостей», чтобы имѣть право остаться въ этой сутолокѣ и выждать, пока пріѣдетъ Соболевскій. Наконецъ, его выразительная фигура появилась на лѣстницѣ. Не знаю, спалъ ли онъ эту ночь, но теперь лицо его было спокойно и показалось мнѣ чрезвычайно красивымъ. Онъ поднимался по лѣстницѣ, — на верхней площадкѣ которой ждали его, толпясь, служащіе и нѣкоторые товарищи, — съ такимъ видомъ, какой, должно быть, имѣетъ англійскій премьеръ, который долженъ дать отчетъ въ серьезномъ, непредвидѣнномъ конституціей и чрезвычайно отвѣтственномъ шагѣ. Вскорѣ изъ толпы выдѣлилась группа товарищей-редакторовъ, и за ними закрылась черная дверь редакторскаго кабинета. Тамъ шли какія-то объясненія, отъ которыхъ, — всѣ это чувствовали, — зависѣла судьба газеты и личная судьба ея работниковъ. Потомъ двери раскрылись, всѣ ра-

зошлись по своимъ мѣстамъ, редакторы отдѣловъ принялись за работу, и хорошо слаженная машина пошла въ ходъ спокойно и увѣренно, хотя никто не зналъ, выйдетъ ли завтра нумеръ, надъ которымъ приходится работать сегодня.

«Въ этотъ день только и было разговоровъ въ интеллигентной московской средѣ, что о безмолвномъ юбилеѣ и «невыходѣ» «Русскихъ Вѣдомостей». Ни одна московская газета не обмолвилась ни словомъ объ освобожденіи крестьянъ, какъ будто дата 19-е февраля 1861 г. никогда не существовала въ русской исторіи. О ней приказано было забыть, и пресса — голосъ общества — покорно исполнила оскорбительное приказаніе. Невыходъ «Русскихъ Вѣдомостей» рѣзко и выразительно подчеркивалъ картину.

«Въ моей памяти эта маленькая исторія осталась со всею яркостью перваго впечатлѣнія, освѣтившаго новымъ свѣтомъ характерную физіономію, опредѣлявшую для меня тогда внутреннее выраженіе «профессорской газеты». Я былъ молодъ. И я довольно долго передъ тѣмъ вращался въ средѣ людей, привыкшихъ съ извѣстной небрежностью относиться къ своей личной судьбѣ и готовыхъ съ беззаботнымъ великодушіемъ молодости ставить ее на карту. Это бываетъ прекрасно, но часто это развиваетъ требовательность и нѣкоторое высокомѣріе. Теперь, когда я вспоминалъ фигуру В. М. Соболевскаго, поднимающагося по лѣстницѣ подъ взглядами людей,

судьбу и дѣло которыхъ онъ такъ рѣшительно подвергъ величайшему риску, — я понялъ, что бываетъ отвѣтственность тяжелѣе и рискъ серьезнѣе, чѣмъ рискъ собственной судьбой. И то, что этотъ уравновѣшенный человѣкъ со спокойной рѣчью и насмѣшливой улыбкой все-таки пошелъ на этотъ рискъ, не уклонился отъ тяжкой отвѣтственности, что онъ своимъ «невыходомъ» нарушилъ общую картину позорнаго подчиненія, — вызвало во мнѣ въ то время чувство не просто уваженія, а личной нѣжности, почти влюбленности».

Завѣдываніе внутреннимъ отдѣломъ съ образованіемъ товарищества перешло къ М. А. Саблину, трудъ котораго по редактированію этого отдѣла первые годы (до переѣзда въ Петербургъ въ концѣ 1885 года) раздѣлялъ В. Ю. Скалонъ, занимаясь, главнымъ образомъ, конечно, земскимъ и городскимъ дѣломъ. Главное руководство московскимъ отдѣломъ было поручено А. П. Лукину. Экономическая часть газеты (статьи по экономическимъ вопросамъ и отчасти просмотръ рукописей) возлагалась на А. И. Чупрова, А. С. Посникова и М. Е. Богданова, который былъ въ первой половинѣ 80-хъ годовъ самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ газеты по представлявшимъ въ то время жгучій интересъ вопросамъ финансовымъ и особенно торговой политики. Не менѣе ревностнымъ работникомъ въ области судебной политики, переживавшей затяжной кризисъ,

являлся въ тѣ годы Г. А. Джаншіевъ. Завѣдываніе хозяйственными дѣлами газеты взялъ на себя покойный В. С. Пагануцци, членъ товарищества, ранѣе всѣхъ другихъ выбывшій изъ строя.

Организація редакціонной части газеты была дополнена приглашеніемъ И. Ф. Василевскаго[4]) (Буквы) для воскреснаго фельетона (его статьи чередовались тогда съ московскими фельетонами Скромнаго Наблюдателя), А. И. Введенскаго[5]) для литературнаго фельетона, О. Я. Левенсона[6]), работавшаго еще при Скворцовѣ, а потомъ Н. Д. Кашкина[7]),

---

[4]) Василевскій, И. Ф. (Буква), род. въ 1850 г., писатель. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» сотрудничалъ, какъ фельетонистъ и петербургскій корреспондентъ, съ 1881 года въ теченіе тридцати лѣтъ.

[5]) Введенскій, А. И. (1844—1899), литературный критикъ, писалъ въ «Русск. Вѣд.» литературные обзоры въ 1883—91 гг. Въ 1899 г. незадолго до смерти помѣстилъ въ газетѣ нѣсколько статей подъ заглавіемъ: «Московскія впечатлѣнія петербуржца».

[6]) Левенсонъ, О. Я. (ум. 1893 г.), присяжный повѣренный, основатель перваго частнаго театра въ Москвѣ, «Пушкинскаго». Велъ въ 1878—85 гг. музыкальную хронику въ «Русск. Вѣд.».

[7]) Кашкинъ, Н. Д., музыкальный критикъ, профессоръ Московской Консерваторіи Русскаго Музыкальнаго Общества. Въ 1886—98 гг. былъ постояннымъ музыкальнымъ критикомъ «Русск. Вѣд.». Позднѣе, съ переходомъ музыкальнаго отдѣла къ Ю. Д. Энгелю, помѣщалъ въ газетѣ время отъ времени отдѣльныя статьи.

въ качествѣ музыкальнаго рецензента и Н. М. Городецкаго[8]), какъ сотрудника по театральному отдѣлу.

Художественные обзоры въ то же время велъ въ газетѣ В. И. Сизовъ[9]). Въ области литературной и театральной критики въ первой половинѣ 90-хъ годовъ А. И. Введенскаго и Н. М. Городецкаго смѣнилъ И. И. Ивановъ[10]), котораго въ свою очередь черезъ три—четыре года замѣстилъ И. Н. Игнатовъ. Но наряду съ этими главными сотрудниками литературно-критическаго отдѣла работали и другія лица. Такъ, въ разное время въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» печатались критическія статьи Н. К. Михайловскаго, А. М. Скабичевскаго[11]), А. Н. Веселовскаго[12]),

---

[8]) Городецкій, Н. М. (1844—1897), присяжный повѣренный, театральный рецензентъ. Началъ работать въ газетѣ въ семидесятыхъ годахъ и работалъ до смерти. Особенно дѣятельно работалъ въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ.

[9]) Сизовъ, В. И. (1840—1904), археологъ и художественный критикъ. Въ «Русск. Вѣд.» работалъ въ теченіе многихъ лѣтъ съ 1881 г. Велъ довольно долго художественный отдѣлъ.

[10]) Ивановъ, И. И. (род. въ 1862), профессоръ Новороссійскаго и Московскаго университета, историкъ. Въ «Русск. Вѣд.» первой въ половинѣ 90-хъ гг. писалъ литературно-критическія обозрѣнія.

[11]) Скабичевскій, А. М. (1838—1910), критикъ и историкъ литературы. Первыя его статьи въ «Русск. Вѣд.» были напечатаны въ 1884 г., вскорѣ послѣ закрытія «Отеч. Зап.», постояннымъ сотрудникомъ которыхъ долго былъ Скабичевскій. Сотрудничество, иногда съ большими перерывами, продолжалось до конца его литературной дѣятельности.

Н. И. Стороженко[13]), А. Н. Плещеева[14]), Н. Д. Хвощинской[15]), — Р. В. Иванова-Разумника[16]), А. Г. Горнфельда[17]), С. А. Венгерова[18]), А. Е. Грузинскаго[19]), В. Я. Брюсова[20]), Л. С. Козловскаго[21]).

---

[12]) Веселовскій, А. Н. (1843—1919), историкъ литературы, профессоръ Московскаго Университета. Сотрудникъ въ «Русск. Вѣд.» съ 1883 г. до прекращенія изданія.

[13]) Стороженко, Н. И. (1836—1906), историкъ литературы, профессоръ Московскаго Университета. Сотрудничалъ въ «Русск. Вѣд.» съ 1886 г. до своей смерти.

[14]) Плещеевъ, А. Н. (1825—1893), поэтъ. Въ «Русск. Вѣдом.» писалъ съ 1884 г.. Помимо критическихъ статей, онъ знакомилъ читателей съ новостями иностранной художественной литературы, частью въ изложеніи, частью въ переводахъ. Близкія отношенія поэта къ газетѣ прервались только съ его смертью.

[15]) Хвощинская, Н. Д. (Крестовскій—псевдонимъ) (1825—1889), извѣстная писательница. Работала въ «Русск. Вѣд.» въ 1884—89 гг. Кромѣ разсказовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, помѣщала статьи литературнаго, критическаго и историко-литературнаго содержанія.

[16]) Ивановъ-Разумникъ, Р. В. (род. 1878 г.), историкъ литературы и критикъ. Работалъ въ «Русск. Вѣд.» въ 1908—1917 гг. Кромѣ статей литературно-критическихъ, помѣщалъ одно время замѣтки на темы дня, въ которыхъ дѣлился своими деревенскими наблюденіями и впечатлѣніями во время войны.

[17]) Горнфельдъ, А. Г., литературный критикъ. Работалъ въ «Русск. Вѣд.», помѣщая статьи литературно-критическаго содержанія, въ 1910—1917 гг.

[18]) Венгеровъ, С. А. (1855—1919), историкъ литературы и критикъ, профессоръ. Участвовалъ въ литературномъ отдѣлѣ газеты съ 1908 г. до конца изданія.

На первое время редакція товарищеской газеты рѣшила обязанности секретаря распредѣлить между всѣми постоянными работниками газеты и частью отнести на контору. Съ развитіемъ дѣла этотъ порядокъ пришлось измѣнить, и въ началѣ 90-хъ годовъ на должность секретаря редакціи былъ приглашенъ В. В. Романовъ[22]), исполнявшій эти обязанности и въ 1918 году. Судебный репортажъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ редакція довѣрила Н. В. Юнгферу[23]), продолжавшему вести судебный отдѣлъ до своей смерти. Что же касается общаго репортажа, то вскорѣ по образованіи товарищества въ помощь къ В. О. Іордану[24]), дававшему важнѣй-

---

[19]) Грузинскій, А. Е. (род. 1858 г.), историкъ литературы. Сотрудничалъ въ газетѣ съ 80-хъ годовъ до ея остановки.

[20]) Брюсовъ, В. Я. (род. 1873 г.), поэтъ. Сотрудничалъ, по преимуществу, въ библіографическомъ отдѣлѣ, напечаталъ нѣсколько стихотвореній. Во время войны корреспондировалъ съ фронта.

[21]) Козловскій, Л. С. (род. въ 1877 г.), писатель. Въ «Русск. Вѣд.» сотрудничалъ въ 1910—18 г., главнымъ образомъ, статьями по литературной критикѣ. Писалъ также фельетоны на общественныя темы.

[22]) Романовъ, В. В. (род. въ 1867 г.), писатель. Съ 1893 г. и до конца изданія состоялъ секретаремъ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей».

[23]) Юнгферъ, Н. В. (1848—1916), присяжный повѣренный и журналистъ. Завѣдывалъ отдѣломъ судебной хроники «Русск. Вѣд.» съ 1884 г. до своей смерти.

[24]) Іорданъ, В. І. (ум. въ 1909 г.), журналистъ. Въ

шія свѣдѣнія для хроники и отчеты о думскихъ и земскихъ засѣданіяхъ, а затѣмъ и на смѣну ему были приглашены В. А. Гиляровскій[25]) и Ѳ. Н. Митропольскій[26]), изъ которыхъ послѣдній и въ послѣдніе годы газеты состоялъ, наряду съ Н. Е. Эфросомъ[26а]), главнымъ работникомъ въ московскомъ отдѣлѣ «Русскихъ Вѣдомостей». Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что со времени учрежденія товарищества значительно расширился и кругъ сотрудниковъ газеты, въ число которыхъ, кромѣ названныхъ, вступили: Н. М. Астыревъ[27]), Ѳ. Ѳ. Воро-

---

80-хъ годахъ велъ хронику московской общественной жизни въ «Р. Вѣд.», до перехода этого отдѣла къ Ѳ. Н. Митропольскому. Статьи по разнымъ общественнымъ вопросамъ помѣщалъ въ газетѣ время отъ времени и въ позднѣйшее время.

[25]) Гиляровскій, В. А. (род. въ 1855), журналистъ. Въ 1881—89 гг. былъ главнымъ московскимъ репортеромъ «Русск. Вѣд.». Позднѣе печаталъ статьи на разныя общественныя темы.

[26]) Митропольскій, Ѳ. Н. (1854—1919), журналистъ, постоянный сотрудникъ «Русск. Вѣд.» съ 1885 г. до послѣдняго дня газеты. Завѣдывалъ информаціей о дѣятельности городскихъ и земскихъ учрежденій Москвы.

[26а]) Эфросъ, Н. Е. (1867—1923), журналистъ. Съ 1911 года до конца изданія газеты завѣдывалъ московскимъ отдѣломъ «Р. Вѣд.».

[27]) Астыревъ, Н. М. (1857—1894), беллетристъ и земскій статистикъ. Дѣятельно работалъ въ «Русск. Вѣд.» съ 1884 по 1892 годъ, когда былъ арестованъ по политическому дѣлу. По освобожденіи вскорѣ умеръ.

поновъ[28]), В. С. Пругавинъ[29]), Н. В. Шелгуновъ и мн. др.

Наиболѣе крупные перемѣны въ первоначальномъ составѣ редакціи при товариществѣ произошли въ 1886 году, съ отъѣздомъ В. Ю. Скалона въ Петербургъ и переселеніемъ на постоянное жительство въ Москву А. С. Посникова. Послѣдній вскорѣ становится редакторомъ газеты, наряду съ Соболевскимъ, и привлекаетъ (послѣдовательно въ теченіе немногихъ лѣтъ) къ дѣятельному сотрудничеству и постоянному участію въ редакціонныхъ дѣлахъ нѣсколькихъ начинающихъ журналистовъ, въ томъ числѣ М. Я. Герценштейна, В. Ѳ. Дерюжинскаго[30]), И. И. Иванова, И. Н. Игнатова, Г. Б. Іоллоса, А. А. Мануилова, В. В. Сперанскаго[31]), В. Е. Якушкина и пишущаго

---

[28]) Воропоновъ, Ѳ. Ѳ. (родился въ 1839 г), писатель. Писалъ въ «Р. Вѣд.» съ 1883 г.

[29]) Пругавинъ, В. С. (1858—1896), статистикъ. Сотрудничалъ въ «Русск. Вѣд.» съ 1882 г.

[30]) Дерюжинскій, В. Ѳ. (1861—1920), юристъ, профессоръ Петербургскаго университета, редакторъ «Журнала Министерства Юстиціи», сотрудничалъ въ «Р. Вѣд.» съ 1882 г. до закрытія газеты. Въ 1888—91 гг. принималъ близкое участіе въ редакціонной работѣ.

[31]) Сперанскій, В. В. (1855—1887), доцентъ Новороссійскаго и Московскаго университета по каѳедрѣ греческой литературы. Въ 1885—87 гг. сотрудничалъ въ иностранномъ отдѣлѣ «Русск. Вѣд.».

эти строки. Не всѣ изъ числа названныхъ оставались долго въ рядахъ редакціонныхъ работниковъ газеты. Талантливый Вл. В. Сперанскій рано умеръ. Дерюжинскій и Ивановъ скоро были отвлечены отъ редакціонной работы профессурой. Остальные шестеро связали себя съ «Русскими Вѣдомостями» многолѣтней непрерывной работой. Въ 1906 году всѣ они вступили въ число членовъ товарищества и всѣ, кромѣ М. Я. Герценштейна, послѣдовательно, а иногда и совмѣстно и одновременно раздѣляли съ В. М. Соболевскимъ труды по редактированію «Русскихъ Вѣдомостей». Мануиловъ и я оставались редакторами газеты до послѣдняго дня ея выхода.

Притокъ свѣжихъ рабочихъ силъ въ редакцію «Русскихъ Вѣдомостей» никогда не прекращался и въ послѣдующее время. Въ этомъ отношеніи, съ легкой руки Н. С. Скворцова, газетѣ очень везло. Онъ самъ вошелъ въ редакцію 23-хлѣтнимъ юношей. Въ юношескомъ возрастѣ начали свою работу въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» его ближайшіе сотрудники: Посниковъ, Соболевскій, Чупровъ. Прямо со студенческой скамьи попадаютъ въ редакцію Мануиловъ, Якушкинъ, Герценштейнъ и ихъ сверстники. Такъ было во многихъ случаяхъ и въ болѣе близкое къ намъ время.

Здѣсь кстати слѣдуетъ отмѣтить, что рядъ видныхъ современныхъ общественныхъ дѣятелей получилъ литературное крещеніе въ «Русскихъ Вѣдомо-

стяхъ». Первый ораторъ нашей Государственной Думы, В. А. Маклаковъ, еще въ студенческомъ мундирѣ принесъ въ редакцію нашей газеты своего литературнаго первенца. Здѣсь же началъ свою публицистическую карьеру проф. А. А. Чупровъ[32]), — второй Чупровъ въ русской экономической наукѣ. Первая проба пера молодого Бѣлевскаго[33]), тогда магистранта Петровской академіи, въ позднѣйшіе годы получившаго широкую извѣстность подъ псевдонимомъ Бѣлорусова, въ качествѣ сначала константинопольскаго, а потомъ парижскаго корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей», сдѣлана на столбцахъ той же газеты. И другой выдающійся русскій журналистъ, въ теченіе двухъ десятковъ лѣтъ, съ честью продолжавшій дѣло П. Л. Лаврова, по ознакомленію читателей «Русскихъ Вѣдомостей» съ поли-

---

[32]) Чупровъ, А. А. (род. въ 1874 г.) извѣстный, статистикъ и экономистъ, профессоръ Петербургскаго Политехническаго Института, членъ товарищества «Русск. Вѣд.». Дѣятельный сотрудникъ газеты съ начала 900-хъ годовъ до прекращенія изданія.

[33]) Бѣлевскій, А. С. (1859—1919), писатель, извѣстный подъ псевдонимомъ Бѣлоруссова, магистръ сельскохоз. экономіи. Началъ сотрудничать въ «Русск. Вѣд.» въ 1887 г. статьями экономическаго содержанія. Позже много писалъ на общія публицистическія темы и въ полубеллетристической формѣ. Съ 1909 г. корреспондентъ «Русск. Вѣд.» сначала изъ Турціи, затѣмъ изъ Франціи. Послѣдніе годы писалъ въ Москвѣ на общеполитическія темы.

тической и соціальной жизнью Англіи, Діонео[34]), дебютировалъ въ той же газетѣ, съ которой связана вся его блестящая публицистическая карьера. Въ коротенькой замѣткѣ, написанной имъ о самомъ себѣ, по моей просьбѣ, онъ отмѣчаетъ, какъ онъ изъ далекаго уголка Восточной Сибири послалъ первую свою статью въ «Русскія Вѣдомости». Никакихъ рекомендацій не потребовалось молодому, затерянному въ глуши таланту, чтобы проложить себѣ дорогу въ газету, редакціонный портфель которой наполненъ произведеніями писателей съ заслуженной извѣстностью. Да и сами эти писатели, зная, какой радушный пріемъ встрѣчаетъ въ редакціи литературная молодежь, смотрѣли на газету, какъ на лучшую школу для начинающихъ дѣятелей печати и охотно сближали ихъ съ редакціей «Русскихъ Вѣдомостей».

Муромцевъ ввелъ въ «Русскія Вѣдомости» еще юнымъ кандидатомъ на ученую карьеру одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ современныхъ цивилистовъ, А. Э. Вормса[35]). Стороженко рекомендовалъ редакціи

---

[34]) Діонео, И. В. (Шкловскій), (род. въ 1866 г.), писатель. Въ «Русск. Вѣд.» началъ сотрудничество въ 1889 г. изъ Средне-Колымска, куда былъ сосланъ. Съ 1896 г. корреспондентъ «Русск. Вѣд.» изъ Лондона, куда онъ отправился по предложенію редакціи газеты.

[35]) Вормсъ, А. Ѳ. (род. въ 1868 г.), юристъ, профессоръ Ярославскаго лицея, Петербургскаго Политехническаго института и Московскаго университета. Сотрудничалъ въ газетѣ въ теченіе многихъ лѣтъ съ начала 900-хъ годовъ.

И. И. Иванова, наиболѣе блестящій періодъ литературно-критической дѣятельности котораго относится именно ко времени его участія въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Якушкинъ открылъ дорогу въ газету тогда еще юношѣ, оставленному при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію, позднѣе извѣстному профессору В. Н. Щепкину, который проработалъ въ «Русск. Вѣд.» многіе годы. Мануиловъ сблизилъ съ редакціей покойнаго И. А. Петровскаго[36]), ассистента К. А. Тимирязева; къ Петровскому перешло впослѣдствіи завѣдываніе иностраннымъ отдѣломъ газеты. Еще безусымъ студентомъ посадилъ Скалонъ за работу во внутреннемъ отдѣлѣ редакціи С. П. Мельгунова[37]), редактора «Голоса Минувшаго». Анучинъ ввелъ въ редакцію молодого этнографа А. Н. Максимова[38]), который,

---

[36]) Петровскій, И. А. (1863—1907), писатель и натуралистъ, ассистентъ по каѳедрѣ ботаники у проф. Тимирязева. Сотрудничалъ въ «Русск. Вѣд.» съ 1892 г. до смерти. Былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ редакціи и дѣятельныхъ сотрудниковъ, преимущественно по иностранному отдѣлу.

[37]) Мельгуновъ, С. П. (род. въ 1879 г.), историкъ и публицистъ, редакторъ журнала «Голосъ Минувшаго», сотрудничалъ въ газетѣ съ 1900 г. до прекращенія изданія, временами весьма дѣятельно.

[38]) Максимовъ, А. Н. (род. въ 1872 г.), этнографъ и публицистъ, профессоръ Московскаго университета. Съ 1902 года состоялъ постояннымъ близкимъ сотрудникомъ «Русск. Вѣд.» и входилъ въ составъ товарищества.

будучи приглашенъ для случайной работы, благодаря своей разносторонней образованности, какъ нѣкогда и самъ Анучинъ, въ короткій срокъ сталъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ редакціи.

Я беру первые пришедшіе на память примѣры. Ихъ можно бы привести десятки. Ограничусь лишь краткимъ и неполнымъ перечисленіемъ. Въ 90-хъ годахъ и въ первые годы XX вѣка работой въ редакціи «Русскихъ Вѣдомостяхъ», на разныхъ амплуа, начали свою дѣятельность литературную А. Н. Быковъ[39]), Н. П. Губскій[40]), А. К. Дживелеговъ[41]), покойный А. В. Заремба[42]), покойный же М. Г. Лунцъ[43]), М. Н. Соболевъ[44]), С. П. Ордынскій[45]), П. М. Ше-

---

[39]) Быковъ, А. Н. (1860—1919), инженеръ и публицистъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей по осуществленію въ Россіи рабочаго законодательства. Сотрудничалъ въ «Русск. Вѣд.» съ 1892 г., иногда весьма дѣятельно, подъ псевдонимомъ «Сѣверянинъ».

[40]) Губскій, Н. П. (род. въ 1877), публицистъ. Въ «Русск. Вѣд.» работалъ съ 1908 г. до прекращенія изданія.

[41]) Дживелеговъ, А. К. (род. въ 1875 г.), историкъ и публицистъ. Работалъ въ «Русск. Вѣд.», преимущественно по иностранному отдѣлу, въ 1898—1905 и съ 1910 до пріостановки газеты.

[42]) Заремба, А. В. (1866—1906), писатель, работалъ въ «Р. Вѣд.» 1901—1909 гг.

[43]) Лунцъ, М. Г. (1872—1907), экономистъ, работалъ въ «Р. Вѣд.» въ 1898—1909 гг.

[44]) Соболевъ, М. Н. (род. въ 1869 г.), проф. политич.

стаковъ[46]), — долго завѣдывавшій провинціальнымъ отдѣломъ, — Ю. Д. Энгель[47]), — музыкальный критикъ «Русскихъ Вѣдомостей», достигшій блестящихъ результатовъ на томъ поприщѣ, гдѣ его предшественниками были П. И. Чайковскій[48]) и Н. Д. Кащкинъ.

Не всегда, конечно, молодые работники, примыкавшіе къ редакціи и становившіеся видными постоянными сотрудниками «Русскихъ Вѣдомостей» начинали свою публицистическую дѣятельность въ нашей газетѣ. «Русскія Вѣдомости» стремились взять свое вездѣ, гдѣ находили, и настойчиво добивались содѣйствія тѣхъ молодыхъ литературныхъ силъ, которыя получили извѣстность раньше, чѣмъ судьба столкнула ихъ съ «Русскими Вѣдомостями». Завѣ-

---

экономіи Томскаго, затѣмъ Харьковскаго университетовъ. Сотрудникъ «Р. Вѣд.» съ 1892 года.

[45]) Ордынскій, С. П. (род. въ 1870 г.), прис. повѣренный, работ. въ «Р. Вѣд. съ 1901 г.

[46]) Шестаковъ, П. М. (1862—1914), педагогъ и журналистъ. Въ «Р. Вѣд.» работалъ съ 1891 г. Одно время (1898—1911) завѣдывалъ провинціальнымъ отдѣломъ газеты. Писалъ преимущественно по вопросамъ образованія.

[47]) Энгель, Ю. Д. (род. въ 1868 г.), композиторъ и музыкальный критикъ. Сотрудникъ «Р. Вѣд.» съ 1877—1918 гг.

[48]) Чайковскій, П. И. (1840—93), знаменитый композиторъ. Въ 1872—76 гг., велъ въ «Рус. Вѣд.» музыкальные обзоры.

дующій иностраннымъ отдѣломъ газеты Н. В. Сперанскій[49]) вступилъ въ нашу литературную семью, уже написавъ свои изслѣдованія по исторіи школы на Западѣ, составившія ему имя въ наукѣ. Здѣсь, передъ нами, — обратный примѣръ тому, что мы столько разъ наблюдали въ исторіи «Русскихъ Вѣдомостей». Чупровъ, Посниковъ, Мануиловъ, Якушкинъ, Герценштейнъ, Щепкинъ и цѣлый рядъ другихъ извѣстныхъ русскихъ ученыхъ начали съ сотрудничества въ нашей газетѣ, и, не прерывая его, вели свои научныя работы. Но и примѣръ Н. В. Сперанскаго не единиченъ. А. А. Кизеветтеръ пришелъ къ намъ, уже пользуясь широкой извѣстностью и какъ историкъ, и какъ блестящій университетскій преподаватель. Политическая и ученая дѣятельность доставила молодому московскому приватъ-доценту Ѳ. Ѳ. Кокошкину всероссійскую извѣстность, прежде чѣмъ появилась первая его статья въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Точно такъ же и Н. М. Іорданскій[50]) успѣлъ уже выдвинуться какъ общественный дѣятель и журналистъ, когда вошелъ въ составъ той редакціи, въ которой несъ обязанности

---

[49]) Сперанскій Н. В. (1861—1921), извѣстный историкъ публицистъ, членъ товарищества «Рус. Вѣд.», Сотрудникъ съ 1892 г., завѣд. иностр. отдѣломъ газеты.

[50]) Іорданскій, Н. М. (род. въ 1870 г.), юристъ, писатель, сотр. «Рус. Вѣд.» съ 1907 г.

завѣдующаго провинціальнымъ отдѣломъ и былъ, наряду съ А. Н. Максимовымъ, дѣятельнѣйшимъ помощникомъ редакторовъ. Покойному Іоллосу удалось привлечь къ постоянному участію въ газетѣ А. А. Федотова[51]), когда то уже былъ признаннымъ авторитетомъ въ одной изъ важнѣйшихъ отраслей нашей промышленности.

Для одного отдѣла газеты, соприкасающагося какъ разъ съ той областью русской общественной жизни, которой «Русскія Вѣдомости» съ самаго своего основанія придавали важнѣйшее значеніе, — для отдѣла земскаго и городского самоуправленія, — компетентныхъ работниковъ приходилось уже непремѣнно искать среди снискавшихъ себѣ извѣстность дѣятелей. Близость къ газетѣ нѣкоторыхъ видныхъ участниковъ мѣстнаго самоуправленія (М. П. Щепкина, В. Ю. Скалона, В. Е. Якушкина, А. С. Посникова и др.) облегчало эту задачу, и потому «Русскія Вѣдомости» всегда располагали хорошими связями и значительнымъ числомъ дѣятельныхъ сотрудниковъ изъ этой среды. Назовемъ изъ старыхъ земскихъ работниковъ, кромѣ помянутыхъ, В. И. Орлова, М. И. Петрункевича[52]),

---

[51]) Федотовъ, А. А. (род. въ 1864 г), инженеръ-механикъ. Сотрудн. въ «Р. Вѣд.» съ 1906 г.

[52]) Петрункевичъ, М. И. (1845—1912), общественный дѣятель, врачъ, сотрудничалъ съ 1895 г.

А. А. Савельева[53]), В. Н. Григорьева[54]), изъ болѣе молодыхъ Н. И. Астрова[55]), И. П. Демидова[56]), П. В. Егорова, кн. Г. Е. Львова, Н. Ѳ. Михайлова, Т. И. Полнера, С. В. Сперанскаго, М. В. Сабашникова[57]), Н. Н. Хмѣлева, М. В. Челнокова[58]), Н. Н. Щепкина.

Присутствіе въ составѣ сотрудниковъ и болѣе тѣсномъ редакціонномъ кругу большого числа сильныхъ работниковъ и постоянный приливъ свѣжихъ силъ весьма облегчали задачу редакціи всякій разъ, когда нужно было замѣстить выбывающаго дѣятеля

---

[53]) Савельевъ, А. А. (род. въ 1848 г.), земскій дѣятель, предсѣдатель нижегородской губернской управы, сотрудн. съ 1878 г.

[54]) Григорьевъ, В. Н. (род. въ 1852 г.), статистикъ и общественный дѣятель, сотрудн. съ 1883 г.

[55]) Астровъ, Н. И. (род. въ 1868 г.), извѣстный политическій дѣятель. Работалъ въ «Русск. Вѣд.» съ 1905 г. и вошелъ въ составъ издательскаго товарищества.

[56]) Демидовъ, И. П. (род, въ 1873 г.), общественный дѣятель, членъ Госуд. Думы, сотрудн. съ 1907 г.

[57]) Сабашниковъ, М. В. (род. въ 1871 г.), общественный дѣятель, одинъ изъ виднѣйшихъ организаторовъ университета Шанявскаго, руководитель издательскаго товарищества «М. и С. Сабашниковы», членъ товарищетва «Русск. Вѣд.» Помѣщалъ въ газетѣ статьи экономическаго содержанія, начиная съ 1904 года.

[58]) Челноковъ, Н. В. (род. въ 1863 г.), общественный дѣятель. Его статьи и замѣтки появлялись въ газетѣ временами, начиная съ 1906 г.

на томъ или иномъ отвѣтственномъ посту[59]). Искать такихъ работниковъ на сторонѣ, внѣ круга людей, дорожащихъ славными традиціями «Русскихъ Вѣдомостей» и поработавшихъ на газету, не было надобности. И въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось восполнить убыль въ составѣ издательскаго товарищества, мы безъ затрудненія находили людей, готовыхъ принять на себя отвѣтственность въ такомъ крупномъ и невѣрномъ дѣлѣ, какъ изданіе большой газеты при нашихъ условіяхъ существованія печати.

---

[59]) Дать здѣсь полный списокъ сотрудниковъ «Рус. Вѣдомостей», значило бы занять голымъ перечнемъ цѣлыя страницы. Въ «Словарь» сотрудниковъ, составленный въ 1913 году по случаю пятидесятилѣтняго юбилея газеты, вошло около 2 тыс. именъ, хотя списокъ этотъ далеко не былъ исчерпывающимъ. Затѣмъ, въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ существованія газеты, ознаменовавшихся всемірной войной и русской революціей, притокъ новыхъ силъ въ «Русскія Вѣдомости» еще увеличился. Поэтому, какъ ни заманчива мысль перечислить, если не всѣхъ, то хотя бы большинство лицъ, сдѣлавшихъ свой вкладъ въ работу газеты, приходится ограничиться тѣми сравнительно немногими именами, которыя отмѣчены въ разныхъ мѣстахъ книги. Въ дополненіе назову еще лишь нѣсколькихъ иностранныхъ писателей и ученыхъ (напр., *Георга Брандеса*, *Генрика Сенкевича*, *Т. Г. Масарика*, *Энрико Ферри*, *Эдуарда Бернштейна*, *Артура Шницлера)*, которые писали въ газету изъ-за-границы. Временами нѣкоторые изъ нихъ (напр., Энрико Ферри, Эд. Бернштейнъ) принимали на себя обязанности постоянныхъ ея корреспондентовъ.

Они находились въ томъ же близкомъ кругу. Такъ, въ 1908 году, послѣ смерти А. И. Чупрова, мы предложили войти въ товарищество его сыну, А. А. Чупрову, и Н. В. Сперанскому, ставшему къ тому времени однимъ изъ главныхъ редакціонныхъ работниковъ. Въ 1912 году преклонный возрастъ и утомленіе работой побудили троихъ старѣйшихъ нашихъ товарищей (Д. Н. Анучина, М. Е. Богданова и В. М. Соболевскаго) сложить съ себя отвѣтственность по веденію «Русскихъ Вѣдомостей», а четвертаго, В. Е. Якушкина, вырвала изъ нашей среды жестокая болѣзнь, не оставлявшая надежды на выздоровленіе и сведшая его въ томъ же году въ преждевременную могилу. Въ этотъ критическій для изданія газеты моментъ мы обратились все къ тому же близкому къ намъ другу литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, и не ошиблись въ расчетахъ на ихъ дружественное содѣйствіе. Въ товарищество вошли прежде всего ближайшіе наши помощники по веденію газеты: К. В. Аркадакскій, бывшій парижскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» и тогдашній главный представитель редакціи въ Петербургѣ, помощники редактора Н. М. Іорданскій и А. Н. Максимовъ, С. П. Ордынскій, къ которому перешли въ нашей газетѣ обязанности покойнаго Г. А. Джаншіева, и С. В. Сперанскій, направлявшій тотъ важный отдѣлъ «Русскихъ Вѣдомостей», въ которомъ въ свое время много потрудились М. П. Щепкинъ,

и особенно В. Ю. Скалонъ. Вмѣстѣ съ этими редакціонными работниками наше предложеніе войти въ товарищество приняли три извѣстныхъ ученыхъ публициста, уже ранѣе вступившихъ въ тѣсный союзъ съ «Русскими Вѣдомостями» и отдавшихъ нашей газетѣ главную долю своего литературнаго труда, А. Э. Вормсъ (скоро, однако, выбывшій и замѣщенный извѣстнымъ агрономомъ А. П. Левицкимъ), А. А. Кизеветтеръ и Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. Кромѣ нихъ не отказались примкнуть къ нашему издательскому дѣлу и нѣкоторые общественные дѣятели, сотрудничавшіе въ газетѣ, а именно: Н. И. Астровъ, роль котораго въ общественной жизни Москвы хорошо извѣстна, И. П. Демидовъ, земецъ-конституціоналистъ, членъ Думы, М. В. Сабашниковъ, извѣстный книгоиздатель, земскій и городской дѣятель, предсѣдатель правленія университета имени Шанявскаго, секретарь того же университета, перводумецъ, кооператоръ П. А. Садыринъ[60]) и А. А. Федотовъ, одинъ изъ немногихъ въ Россіи знатоковъ нашей промышленности и рабочаго вопроса, давшій газетѣ въ теченіе ряда лѣтъ немало статей, полныхъ глубокаго интереса.

Но привлекая въ составъ нашего товарищества

---

[60]) Садыринъ, П. А. (род. въ 1877), общественный дѣятель, видный кооператоръ, секретарь Городского университета Шанявскаго, перводумецъ, сотрудничалъ въ «Русск. Вѣд.» съ 1908 г. и вошелъ въ составъ издательскаго товарищества.

новыя силы, мы считали, что наша задача не была бы выполнена удовлетворительно, если бы въ него тогда же не вошли представители и того, юнѣйшаго, поколѣнія работниковъ «Русскихъ Вѣдомостей», съ которымъ связывались наши лучшія надежды на будущее дорогого дѣла. Приливъ новыхъ молодыхъ силъ къ «Русскимъ Вѣдомостямъ» продолжался въ послѣдніе годы такъ же, какъ и всегда. Назову имена нашихъ молодыхъ редакціонныхъ работниковъ послѣдняго времени: Л. Н. Юровскаго[61]), Н. В. Якушкина[62]), В. П. Волгина[63]), Л. Н. Литошенка[64]), Е. С. Синегуба[65]), и молодыхъ иностранныхъ корреспондентовъ «Русскихъ Вѣдомостей» А. М. Деренталя[66]) и М. А. Осоргина[67]). Двое изъ нихъ, Юров-

---

[61]) Юровскій, Л. Н., (род. въ 1884 г.), экономистъ, сотрудн. съ 1907 г.

[62]) Якушкинъ, Н. В., (род. въ 1882 г.), экономистъ, сотрудн. съ 1908 г.

[63]) Волгинъ, В. П., (род. въ 1879 г.), историкъ, сотрудничалъ въ иностран. отдѣлѣ газеты въ 1911—1917 гг.

[64]) Литошенко, Л. Н., (род. въ 1886 г.), экономистъ, сотрудн. въ «Р. Вѣд.» съ 1912 г.

[65]) Синегубъ, Е. С. (род. въ 1881 г.), писатель. Работалъ въ «Русск. Вѣд.» въ 1912—1918 гг. Напечаталъ рядъ статей, обнаружившихъ въ авторѣ выдающіяся литературныя дарованія.

[66]) Дерентаь, А. М. (род. въ 1885 г.), писатель. Писалъ въ «Русск. Вѣдом.» въ 1906—1918 гг. Помѣстилъ значительное число корреспонденцій изъ Испаніи, Португаліи, Марокко, Голландіи, Сербіи, Македоніи, Болгаріи, Албаніи.

скій и Якушкинъ, старшіе по работѣ въ газетѣ среди этой литературной молодежи, вошли и въ составъ членовъ издательскаго товарищества «Русскихъ Вѣдомостей».

Изданіе такой газеты, какъ «Русскія Вѣдомости», давно и у насъ, не только въ Западной Европѣ, стало крупнымъ предпріятіемъ. Ростъ газеты и связанныхъ съ нею учрежденій (типографіи, конторы, экспедиціи) побудилъ еще Н. С. Скворцова перевести «Русскія Вѣдомости» въ 1875 году (3-го ноября) въ новое, спеціально для этой цѣли приспособленное обширное помѣщеніе (Мясницкая, Юшковъ пер., д. № 185). Въ этомъ домѣ редакція оставалась нѣсколько лѣтъ и при товариществѣ. Только 20-го мая 1886 года «Русскія Вѣдомости» перешли въ свое помѣщеніе, въ Чернышевскомъ пер., въ домъ, нѣкогда принадлежавшій кн. В. А. Черкасскому и принесенный ему въ даръ москвичами. Для нуждъ газеты домъ пришлось перестроить и неоднократно пристраивать и расширять возведеніемъ новыхъ корпусовъ. И все-таки старое историческое зданіе было тѣсно для современной газеты съ ея большими машинами, печат-

[67]) Осоргинъ, М. А. (род. въ 1878 г.), писатель. Въ «Русск. Вѣд.» работалъ въ 1907—1918 гг. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ итальянскимъ корреспондентомъ газеты. Корреспондировалъ также съ Балканской войны. Помѣщалъ статьи литературно-критическаго содержанія и по вопросамъ текущей общественной жизни.

ными и наборными, со стереотипами и прочими орудіями типографской и спеціальной газетной техники.

Форматъ газеты (семь столбцовъ на страницѣ по 160 строкъ корпуса, т. е. крупнаго газетнаго шрифта, въ каждомъ), окончательно установился въ 1887 г. (съ № 314, отъ 15-го ноября). Но объемъ газеты не переставалъ увеличиваться и послѣ того: чаще и чаще стали выдаваться такъ называемые вкладные листы, а въ послѣдніе годы правиломъ сталъ выпускъ нумеровъ въ 6 и 8 страницъ, тогда какъ нормальные нумера въ 4 страницы стали выходить почти исключительно во времена лѣтняго затишья. Послѣдовавшая съ 1905 года отмѣна во всѣхъ московскихъ газетахъ выпуска понедѣльничныхъ нумеровъ (именовавшихся, кстати сказать, въ старые годы въ объявленіяхъ «Русскихъ Вѣдомостей» «необязательными»), не повлекла за собою сокращенія объема газеты: число листовъ въ годовомъ экземплярѣ «Русскихъ Вѣдомостей» съ того времени не только не уменьшилось, но, напротивъ, непрерывно увеличивалась. Вотъ цифры, дающія представленіе о ростѣ газеты съ конца восьмидесятыхъ годовъ.

Года.	Число листовъ въ годовомъ экземплярѣ.
1888— 95	420—425
1896—905	440—445
1906—910	465—475
1911	487
1912	496

Увеличеніе размѣровъ газеты, т. е. количества матеріала, предлагаемаго читателю, представляется еще нагляднѣе, если взять данныя о числѣ строкъ разнообразнаго содержанія (кромѣ, конечно, объявленій), которыя были помѣщены въ «Русскихъ Вѣдом.»:

Года.	Число строкъ текста (за исключеніемъ объявленій) за годъ. *Въ тысячахъ.*
1888— 95	939—1013
1896—905	965—1068
1906—910	1052—1070
1911	1135
1912	1303

Понятно, что съ теченіемъ времени бюджетъ газеты значительно возросъ. Съ крупною по тому времени суммою годовыхъ расходовъ «Русскія Вѣдомости» поступили во владѣніе товарищества; передъ великой европейской войною бюджетъ ихъ утроился. Приводимъ здѣсь среднія по пятилѣтіямъ данныя о движеніи всѣхъ расходовъ газеты въ теченіе 30 лѣтъ съ 1883 по 1912 годъ.

5-тилѣтія.	Сумма всѣхъ расходовъ въ среднемъ за годъ. Тысячи рублей.
1883— 87 гг.	186
1888— 92 гг.	246
1893— 97 гг.	288
1898—902 гг.	321
1903— 07 гг.	468
1908— 12 гг.	509

Ростъ собственно редакціонныхъ расходовъ (оплата труда редакціи, авторовъ статей и сообщеній, издержки на передачу извѣстій по телефону и телеграфу, расходы по командировкамъ сотрудниковъ, напр., военныхъ корреспондентовъ и т. п.) представляется за тѣ же годы въ слѣдующемъ видѣ:

5-тилѣтія.	Средняя сумма въ годъ. Тысячи рублей.
1883— 87 гг.	66
1888— 92 гг.	91
1893— 97 гг.	115
1898—902 гг.	133
1903— 07 гг.	160
1908— 12 гг.	209

Редакціонные расходы, какъ мы видимъ, испытываютъ особенно быстрый ростъ за два послѣднія пятилѣтія передъ войной, что стоитъ въ прямой зависимости отъ общаго хода политической жизни страны и вызваннаго имъ значительнаго усиленія информаціонной части газеты, а также отъ все усиливавшагося съ годами пользованія для передачи газетнаго матеріала дорого стоящими, особенно у насъ, въ Россіи, услугами телефона и телеграфа. Въ годы войны и революціи, еще до катастрофическаго паденія цѣнности русскаго рубля, всѣ эти цифры увеличились *въ нѣсколько разъ*, и самый тиражъ газеты возросъ въ неменьшей пропорціи. Къ сожалѣнію, я

лишенъ возможности привести въ этомъ изданіи моей книги соотвѣтствующія данныя за 1913—1916 гг.

*

Мое послѣднее слово въ этомъ очеркѣ прошлаго «Русскихъ Вѣдомостей» обращено къ ихъ читателю, къ другу-читателю. Въ томъ, что онъ существуетъ у газеты, мы никогда не имѣли основаній сомнѣваться. Напротивъ, намъ приходилось убѣждаться, что наше слово находитъ сочувственный откликъ въ читательской средѣ, что наша работа не пропадаетъ втунѣ, что въ странѣ не только среди горсточки литераторовъ и профессіональныхъ политиковъ, а въ широкихъ кругахъ общества, есть у насъ единомышленники и соратники. И все же, предпринимая весной 1913 г. опросъ читателей, мы не были увѣрены въ исходѣ этого опыта. Откликнутся ли? И если откликнутся, какой судъ произнесутъ надъ нами, надъ дѣломъ нашей жизни? Главные результаты этой анкеты были опубликованы. Я скажу прямо: они превзошли самыя смѣлыя наши ожиданія. Отвѣты читателей считались безъ преувеличенія тысячами. Резюмируя ихъ содерженіе, Н. М. Іорданскій отмѣтилъ, между прочимъ, слѣдующія сужденія о газетѣ, повторявшіяся неоднократно. Они интересны потому, что въ нихъ отозвались переживанія момента кое въ чемъ сходнаго съ нашимъ временемъ. Эти сужденія связаны съ воспоминаніями читателей о революціи 1905 года и реакціи послѣдующихъ лѣтъ.

Въ 1905 г., — пишетъ Іорданскій — началось политическое разслоеніе. Нѣкоторымъ общественнымъ кругамъ стало казаться достижимымъ гораздо большее. Стали примѣняться и различные методы общественной борьбы. «Русскія Вѣдомости» по этому пути не пошли, оставшись вѣрными своей прежней программѣ. Тогда нѣкоторые изъ былыхъ друзей, — людей иного политическаго темперамента, — пошли иной дорогой.

«Въ годы революціонной борьбы я, — отвѣчаетъ на анкету одинъ изъ такихъ «ушедшихъ», — ушелъ отъ «Русск. Вѣд.», какъ и нѣкоторые другіе, къ печатнымъ органамъ, которые въ то время полнѣе отвѣчали моимъ общественнымъ запросамъ. Времена измѣнились, и я вернулся къ «Русск. Вѣд.». Какъ будетъ въ будущемъ, не знаю. Но, что бы то ни было, я всегда сохраню глубокое уваженіе къ «Русск. Вѣд.», которыя стоятъ выше партійной узости и по своему тону, и по отношенію къ своимъ политическимъ сосѣдямъ и противникамъ являются безпримѣрнымъ органомъ въ исторіи русской печати». «Въ «Русск. Вѣд.», — говоритъ другой читатель, — даже ихъ принципіальные противники находили откликъ на то, чѣмъ билось въ то время сердце и надъ чѣмъ работала мысль, — откликъ, неудовлетворяющій вполнѣ въ виду принципіальныхъ расхожденій, но всегда искренній и глубоко продуманный».

«Въ 1905—1906 гг., въ эпоху всеобщаго подъема

и увлеченія освободительнымъ движеніемъ, я не удовлетворялся отношеніемъ «Русск. Вѣд.» къ совершавшимся событіямъ и перешелъ къ чтенію другихъ газетъ. Когда наступила эпоха разочарованій, оказалось, что изъ всѣхъ почти русскихъ газетъ однѣ только «Русск. Вѣд.» сохранили съ достоинствомъ тотъ тонъ, котораго онѣ держались въ освободительные годы, и это возвратило къ нимъ многихъ отпавшихъ читателей».

Но вотъ что пишутъ по поводу этихъ расхожденій другіе читатели. Въ ихъ отзывахъ горячее оправданіе газеты.

«Русск. Вѣд.» радикальны не кричащими фразами, выходками, а характеромъ защищаемыхъ ими положеній».

«Въ бурные годы (1905—1906 г.) «Русск. Вѣдом.» никогда не впадали въ истерику, и статьи этого времени по общественнымъ политическимъ вопросамъ, при всей ихъ живости, яркости и «подъемѣ» настроенія авторовъ всегда оставались трезвыми, были чужды фантастики въ оцѣнкѣ настроенія и въ учетѣ борющихся силъ, а въ послѣдующіе годы реакціи «Русск. Вѣд.» не уклонились вправо». «Значеніе «Русск. Вѣд.» въ годы общественнаго подъема было сдерживающее. Слишкомъ пылкіе порывы «Русскія Вѣдомости» старались направить на болѣе разумную дорогу». «Въ Sturm und Drang Periode 1905 г. «Русск. Вѣд.» не подались со своего поста ни въ ту, ни въ другую

сторону. Въ этомъ, мнѣ кажется, — величайшая заслуга газеты». «Оглядываясь назадъ, прихожу къ тому заключенію, что газета поступала правильно, стараясь больше дѣйствовать на умъ читателя, чѣмъ на его чувства и воображеніе, которыя, какъ показалъ опытъ послѣднихъ лѣтъ, не всегда приводятъ къ цѣли безъ умѣряющаго дѣйствія холоднаго разсудка». «Во время осени 1905 г., среди всеобщей растерянности и хаоса событій и настроеній, «Русск. Вѣд.» однѣ сохраняли возможное въ это бурное время спокойствіе, остались вѣрны своей программѣ». «До революціи и послѣ революціи «Русск. Вѣд.» остались тѣмъ же честнымъ, прогрессивнымъ, въ истинномъ смыслѣ либеральнымъ органомъ. Онѣ не увлеклись лѣвымъ теченіемъ и остались тѣмъ же неподкупнымъ истинно-либеральнымъ органомъ всей мыслящей Россіи. За то послѣ декабрьскаго вооруженнаго возстанія въ 1905 г., когда всѣ прогрессивныя газеты заговорили совсѣмъ другимъ языкомъ, однѣ только «Русск. Вѣд.» попрежнему призывали власть-побѣдительницу къ исполненію данныхъ ею конституціонныхъ обѣщаній и остались вѣрными своему девизу».

«Русск. Вѣд.» проявили стойкое и честное служеніе однимъ и тѣмъ же идеаламъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Газета не уклонялась ни влѣво, когда это было такъ легко и, можетъ быть, такъ соблазнительно, ни вправо, когда это было такъ выгодно и удобно». «Переживаемая теперь реакція, которая, какъ ржав-

чина, разъѣдаетъ русскую жизнь, не оставила своихъ слѣдовъ на «Русск. Вѣд.». А кого только она не погубила! Благодаря этой выдержанности «Русск. Вѣд.» пріобрѣли свои традиціи, которыя явились образцовыми въ русской литературѣ. Это — корректность, терпимость, серьезность. Благодаря всему этому, между «Русск. Вѣд.» и читателями образовалась крѣпкая интимная связь, — единеніе читателя и газеты». «Газета подкупала всегда стойкостью своихъ убѣжденій. Была ли эпоха мрачной реакціи или вѣяло весной, загонялась ли общественная жизнь въ подполье, или била живымъ ключомъ, — газета оставалась вѣрна своимъ убѣжденіямъ, никогда не клоня головы въ сторону сильнаго и торжествующаго. Ея спокойный тонъ въ годину мрака давалъ увѣренность въ побѣдѣ свѣта, а въ дни безграничныхъ надеждъ охлаждалъ неумѣренный пылъ. Съ газетой можно было не соглашаться, но съ ней считались не только передовое общество, но и въ консервативныхъ кругахъ. Въ процессѣ выработки правильныхъ взглядовъ на государственную и общественную жизнь, вѣрнаго пониманія текущей дѣйствительности, «Русск. Вѣд.» дали чрезвычайно много русской интеллигенціи. Газета была истиннымъ воспитателемъ русской общественной мысли, — въ этомъ ея роль и заслуга».

Изъ такихъ заявленій читателей такъ же, какъ изъ откликовъ ихъ во время войны и революціи, когда на долю газеты выпало опять-таки немало

тяжкихъ минутъ, мы почерпали немало полезныхъ указаній для нашей повседневной работы. Но для насъ было еще важнѣе то, что мы почерпали изъ этихъ отвѣтовъ нашихъ многочисленныхъ друзей-читателей новый импульсъ для посильнаго служенія дѣлу, которое было дорого и близко ихъ сердцу, какъ и нашему.

Привѣтствія и гласныя изъявленія сочувствія со стороны читателей все-таки приходили не такъ часто. Но всегда и постоянно — скажу словами покойнаго моего товарища по редакціи И. Н. Игнатова — «незримый и неслышный токъ сочувствій шелъ отъ газеты къ читателямъ и обратно. И во всѣ эти времена вынужденнаго молчанія, какъ и громкой рѣчи, истиннымъ вдохновителемъ газеты было то общественное мнѣніе, которое неслышно, но властно, въ интересахъ всеобщаго блага, требовало справедливости и свободы».

«Русскія Вѣдомости», въ подлинномъ смыслѣ слова, были независимымъ органомъ свободнаго русскаго общественнаго мнѣнія. Въ этомъ и была ихъ сила и въ этомъ ихъ заслуга передъ русскимъ народомъ.

Обобщеніемъ читательскихъ отзывовъ о газетѣ явился адресъ, покрытый тысячами подписей и поднесенный редакціи въ 1913 году по случаю пятидесятилѣтія существованія «Русскихъ Вѣдомостей». Высокій идеализмъ, — говорилось въ этомъ ад-

ресѣ, — газета умѣла гармонически сочетать съ трезвостью и ясностью мысли, покоящейся на твердыхъ основахъ научныхъ знаній. Глубоко вѣруя въ конечное торжество разума и справедливости, «Русскія Вѣдомости» — даже въ самыя мрачныя времена реакціи — сохраняли мудрое спокойствіе и бодрое настроеніе, призывая всѣхъ стряхнуть съ себя апатію и уныніе и принять участіе въ активной борьбѣ за наши лучшіе идеалы. Въ этихъ призывахъ не было никакой демагогіи, и «Русскія Вѣдомости» являлись скорѣе каѳедрой, чѣмъ трибуной, но съ этой каѳедры провозглашались не какія-либо отвлеченныя мысли, а именно гуманные взгляды, пробуждавшіе не только умъ, но и чуткую совѣсть».

Та же мысль выражена и въ грамотѣ Вольнаго Экономическаго Общества, которое, говоря словами этого документа, «въ Общемъ собраніи 19 февраля 1914 года постановило выдать редакціи газеты «Русскія Вѣдомости» большую золотую медаль за выдающіяся заслуги въ области развитія культуры и общественнаго самосознанія».

СОДЕРЖАНІЕ.

Старый домъ *(вмѣсто предисловія)* 5

I

Первый нумеръ «Русскихъ Вѣдомостей». — Первая полемика. — Защита новыхъ учрежденій общественнаго самоуправленія. — Права и обязанности печати: свобода слова, сила знанія, возвышенная идея и моральная чистота. — Финалъ первой полемики — дуэль между С. Н. Гончаровымъ и редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей» П. М. Леонтьевымъ 17

II

Время Скворцова. — Привлеченіе къ газетѣ молодыхъ литературныхъ силъ. М. П. Щепкинъ, Кн. А. И. Урусовъ, Ѳ. Н. Плевако, А. П. Лукинъ, А. С. Посниковъ. А. И. Чупровъ. В. М. Соболевскій. — «День печальный для студентовъ». Борьба за университетскую автономію. Письмо Б. Н. Чичерина. Статьи Ѳ. М. Дмитріева, М. Н. Капустина, С. М. Соловьева. — Равенство всѣхъ передъ закономъ и судомъ. — Первыя статьи Посникова и Соболевскаго 33

III

Гейдельбергскій съѣздъ. — Политическая свобода — главный рычагъ обновленія страны. — Программа демократическихъ реформъ въ хозяйственномъ и общественномъ строѣ Россіи. — Проповѣдь конституціонализма. — Первая въ русской легальной печати статья о созывѣ народныхъ представителей. — Московскіе выборы въ первую Государственную Думу 54

IV

Послѣдовательный ростъ газеты. — Процессъ превращенія маленькаго листка въ руководящій органъ русской политической печати. — Характеристика «Русскихъ Вѣдомостей», сдѣланная въ семидесятыхъ годахъ Г. З. Елисѣевымъ. — Программа газеты, формулированная въ 1888 году, въ день 25-лѣтія ея существованія. — Проспектъ 1906 года. — Знамя газеты (статья В. А. Розенберга, письмо А. И. Чупрова и рѣчи А. С. Посникова и А. А. Мануилова). — Беллетристы и публицисты, работавшіе въ «Русск. Вѣд.». — «Молодая редакція» восьмидесятыхъ годовъ» 68

V

Цензурныя кары и административныя преслѣдованія. — Нѣсколько эпизодовъ борьбы власти съ «вредной» газетой. — Охотнорядское побоище. — Конфискація нумеровъ газеты въ типографіи. — Генералъ-губернаторъ кн. Долгоруковъ и редакторъ Скворцовъ. — «Дѣдушка» генералъ-губернатора.— Юбилей крестьянскаго освобожденія. — Дж. Кеннанъ о «Русск. Вѣд.» — «Скверная газета: скверно говоритъ, скверно молчитъ». — «Идея» начальника цензуры Соловьева и особая «каратсльная» цензура министра гр. Толстого. — Какъ

«накрыли всю шайку». — Предостереженіе послѣ булыгинской «конституціи». — Конституціонный проектъ, прозванный «конституція Русскихъ Вѣдомостей». — Гоненія эпохи «свободы печати» при старомъ режимѣ. — Первое закрытіе «навсегда» адм. Дубасовымъ. — «Русскія Вѣдомости» и первая Дума. — Убійство Г. Б. Іоллоса и М. Я. Герценштейна. — Судебныя преслѣдованія. — Военная цензура. — При Временномъ правительствѣ. — Второе «закрытіе навсегда» совѣтскимъ «главковерхомъ» Крыленко и подвластнымъ ему судомъ. — Убійство Ѳ. Ѳ. Кокошкина и А. И. Шингарева. — Возобновленіе газеты подъ другимъ именемъ съ вѣдома совѣтской власти. — «Свобода Россіи» — «Русскія Вѣдомости». — Закрытіе «временное» — «до полнаго утвержденія совѣтской власти» 101

VI

Опредѣленность направленія газеты. — Объединеніе русскаго общества подъ знаменемъ: «любовь къ родинѣ и любовь къ свободѣ». — Твердость и терпимость. — Развернутый фронтъ оппозиціи и рыцари духа: Левъ Толстой, Салтыковъ-Щедринъ, Ник. Михайловскій, Чернышевскій, П. Лавровъ, Глѣбъ Успенскій, Стасюлевичъ, Кони, Арсеньевъ, Максимъ Ковалевскій, Влад. Короленко, Шелгуновъ. — Безпартійный независимый органъ русской интеллигенціи 172

VII

Литературныя воспоминанія, связанныя съ исторіей «Русскихъ Вѣдомостей»: А. С. Посникова, Е. И. Ардовъ-Апрѣлевой, С. Я. Елпатьевскаго, В. Г. Короленко, М. М. Ковалевскаго, П. Н. Милюкова 192

VIII

Товарищеская организація крупнаго литературнаго предпріятія. — Члены товарищества и ближайшіе сотрудники. — Нѣкоторыя данныя о послѣдовательномъ ростѣ газеты со стороны внутренняго содержанія и объема. — Читатели газеты и ихъ отношеніе къ ней. — Нѣкоторыя данныя изъ анкеты 1913 г. — Адресъ читателей. — Большая золотая медаль Вольнаго Экономическаго Общества. — «Русскія Вѣдомости» и русское общественное мнѣніе.....218

БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ
„ЗЕМГОРА"
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
В ІСГО-СЛАВІИ
Београд, Теразије 7